

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-09-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-09-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумakov Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremeteva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

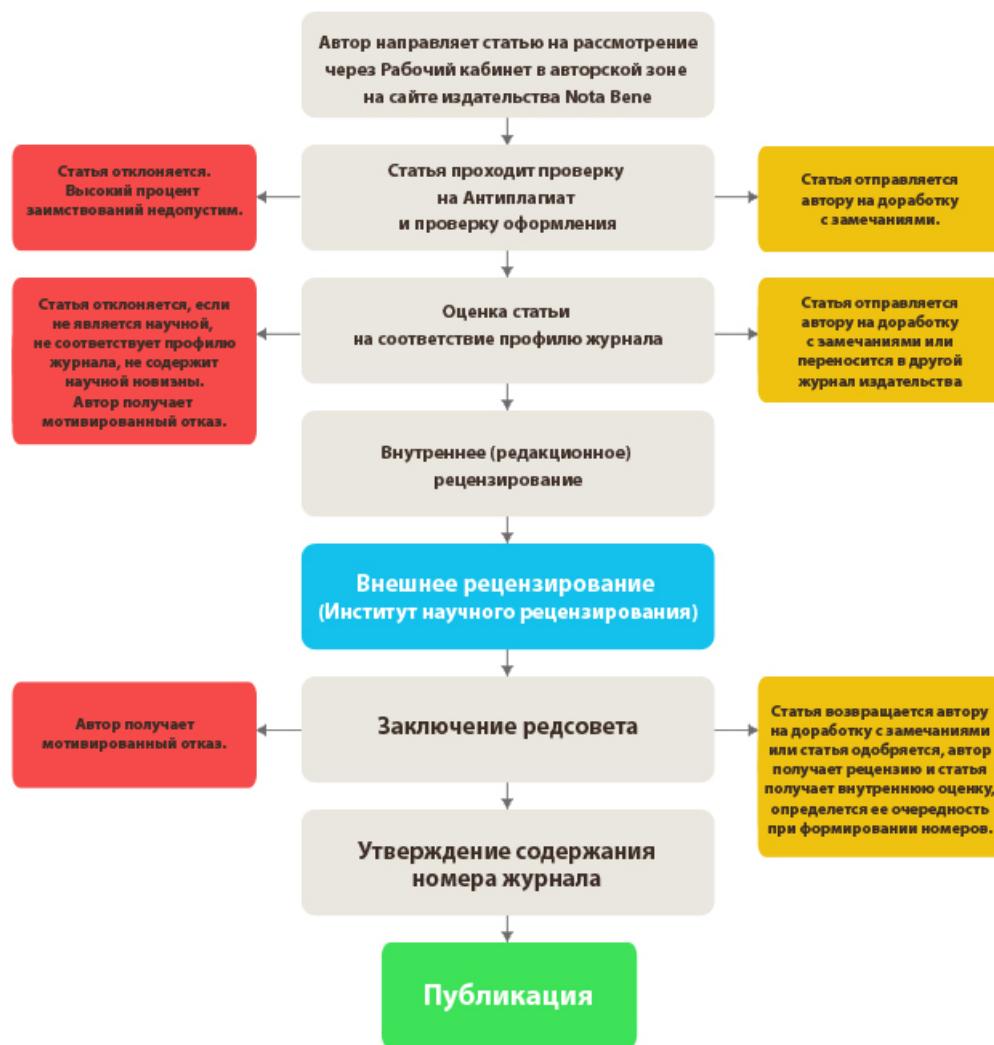
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Радандиш П. История становления поэтического авангарда в иранской поэзии XX века	1
Ван П. Способы экспликации объективного пространства в сказах П. П. Бажова	23
Стародубова О.Ю. Декодирование действительности и моделирование альтернативного фактического поля в медийном дискурсе	31
Дуданов Т.В. Сравнительная характеристика паратактического оформления условия и безусловности на материале китайского и русского языков	38
Платицын А.В. Интермедиальный «след» античности в интерфейсе современных стриминговых сервисов (случай Авроры Акснес)	62
Мельникова Л.А. Наполеоновская тема в повести А. Зегерс «На Гваделупу вернулось рабство» в контексте традиций Ф.М. Достоевского	71
Ню Ю. Прототип в романе А. Варламова «Мысленный волк»	81
Алимов Т.Э., Вань Г. Феномен политкорректности в английском и узбекском языках	91
Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Творительный падеж существительных сквозь призму адвербиализации и прономинализации	103
Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Творительный падеж существительных в контекстах адвербиализации, модальности и партикуляции	117
Фоменко Е.Г., Попова А.В. К вопросу об использовании особенностей дискурса китаеязычных СМИ в обучении китайскому языку	128
Зеневич Е.В. Поэтика парных текстов в лирике Ю. В. Жадовской	151
Англоязычные метаданные	161

Contents

Radandish P. The History of the formation of Iranian poetic avant-garde in the 20th century	1
Wang P. Methods of explication of objective space in P. P. Bazhov's tales	23
Starodubova O.Y. Decoding reality and modeling an alternative factual field in media discourse	31
Dudanov T.V. Comparative analysis of parataxis in conditionals and unconditionals as exemplified in Chinese and Russian	38
Platitsyn A.V. Intermedial "trace" of antiquity in the modern streaming services interface (Aurora Aksnes case)	62
Melnikova L.A. The Napoleonic theme in the story by A. Zegers "Slavery returned to Guadeloupe" in the context of the traditions of F.M. Dostoevsky	71
Niu Y. The prototype in A. Varlamov's novel "The Mental Wolf"	81
Alimov T.E., Van G. The phenomenon of political correctness in English and Uzbek languages	91
Shigurov V.V., Shigurova T.A. The instrumental case of nouns through the prism of adverbialization and pronominalization	103
Shigurov V.V., Shigurova T.A. Instrumental case of nouns in contexts of adverbialization, modulation and particulation	117
Fomenko E., Popova A. On the issue of using the features of the Chinese-language media discourse in teaching Chinese	128
Zenevich E.V. The poetics of paired texts in the lyrics of Yu. V. Zhadovskaya	151
Metadata in english	161

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Радандиш П. История становления поэтического авангарда в иранской поэзии XX века // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.70048 EDN: PUNIVT URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70048

История становления поэтического авангарда в иранской поэзии XX века

Радандиш Парване

ORCID: 0000-0002-8152-2059

кандидат филологических наук

старший преподаватель; факультет иностранных языков и литературы; Тегеранский университет

1439813164, Иран, г. Тегеран, ул. Каргар Шомали, Факультет иностранных языков и литературы Тегеранского университета, каб. 229

✉ radandish33@gmail.com

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.70048

EDN:

PUNIVT

Дата направления статьи в редакцию:

04-03-2024

Дата публикации:

07-08-2024

Аннотация: В статье представлены истоки авангардизма в современной персидской поэзии и этапы его развития в XX веке. В целях выявления социальных и политических предпосылок модернизации литературы рассматривается период Конституционной революции в 1905–1911 годы. Анализируются первые попытки обновить персидский стих и создать новую теорию стиха, сделанные такими литературными и общественными деятелями, как Т. Рафат А. Лахути, Н. Юшидж, Х. Ирани, Тондар-Кия, А. Ахмади и другими, которые внесли изменения в персидскую поэзию и занималась поиском свободных поэтических форм и находилась под влиянием европейских работ. Рассмотрена классификация иранских поэтических течений (консервативная поэзия, нимаистская поэзия и радикальная поэзия). Представлен обзор творчества

основных представителей иранского литературного авангардизма на основе анализа взаимосвязи их поэзии с авангардистскими и модернистскими литературными направлениями Запада, такими как дадаизм и сюрреализм. Описана периодизация авангардизма, анализируются предпосылки его возникновения, а также исторические условия формирования и особенности его развития в рамках социокультурного контекста. В их стихотворениях встречаются ломаный метр и неравные строфы, однако отдельные усилия каждого из них не смогли возвыситься до нормативного уровня. Эти авторы, в отличие от Нима, не оставили после себя единого теоретического труда по новой поэтике, где было бы дано исчерпывающее описание и обоснование необходимости новых литературных форм. В результате, творчество Н. Юшиджа стало кульминацией их творческих поисков, в результате чего возникла новая школа поэзии. Возможно, если бы поэты этого направления серьёзно задумались над вопросом формы в поэзии, современная персидская поэзия имела бы другого «отца» вместо Нима. Поэтому сегодня соответствующая поэзия, наследующая опыт авангардистов прошлого, носит название «нимаистский аруз», в честь Н. Юшиджа. Цель статьи – познакомить русскоязычного читателя с феноменом иранского поэтического авангарда на примерах «новой поэзии», поэзии «новой волны» и «поэзии объёма», как самых влиятельных авангардных течений современной персидской поэзии. Особое внимание уделяется творческой деятельности основоположников авангарда. Автором сделана попытка выявить специфику поэзии данных течений, отличающихся от творчества прочих новаторов новой персидской поэзии.

Ключевые слова:

современная персидская поэзия, поэтический авангардизм, обновление персидского стиха, нимаистская поэзия, радикальная поэзия, новая поэзия, поэзия новой волны, поэзия объёма, новаторы, новая персидская поэзия

Изучая персидскую поэзию, исследователи уделяют внимание средневековой и классической литературе, а современный период поэзии Ирана и новейшей истории персидской поэзии все ещё остаются малоизвестными. В исследовании проанализированы общие черты и истоки авангардизма современной персидской поэзии, ведущие авангардные тенденции поэзии Ирана с целью создания целостной картины идеально-эстетического диапазона новой персидской поэзии и происходящих в ней изменений, а также судьба различных художественных явлений прошлого столетия до Исламской революции 1978 года. Статья может послужить теоретической базой для специалистов в области персидской поэзии и иранистики в целом.

Последние годы XIII века по Солнечной хиджре (1921) принято считать временем зарождения нового поэтического движения в современной литературе Ирана. Преобразования в поэзии Ирана способствовали радикальным изменениям в социокультурной жизни Ирана. На современную поэзию XX века Ирана оказали значительное влияние такие общественно-политические события как Конституционная революция 1905–1911 годов и Исламская революция 1978–1979 годов.

Сохраняя классические признаки формализма, в первые десятилетия XX века поэзия и проза преображались посредством наполнения новым содержанием в соответствии с историческими реалиями. Далее в 1960-х годах при возникновении «новой поэзии» произошло переосмысление художественных принципов поэтического искусства совместно, видоизменился поэтический идеал. После этого персидская поэзия избавилась от устаревших

канонов, начав активно отображать реальную действительность.

Исламская революция 1978 года оставила идеологический отпечаток на идейном содержании литературы, а не на формальном уровне литературного творчества. В эти годы в поэзии Ирана усилилась религиозные мотивы и образы. Поэты обратили внимание на окружающий мир и внесли в поэзию природные черты, связанные с социальным взаимоотношением. Так, В.Б. Кляшторина отмечает, что «в литературе 1970-х годов заметно возросло влияние идей национального самосознания, более масштабным и углублённым стало представление о противоречиях реального мира» [Кляшторина, 1990, с. 114].

Анализируя поэзию 1970-1990 годов Ирана, М.Д. Кязимов утверждает, что «исламская революция и исламизация культурных и духовных ценностей в послереволюционном Иране носила не такой уж тотальный, всеобъемлющий характер, что литература, подвергаясь мощному влиянию господствующей идеологии, тем не менее, продолжала развиваться по своим имманентным законам, что художественные поиски выдающихся поэтических личностей шли на пересечении традиционалистских и модернистских устремлений» [Кязимов, 2005, с. 5].

В иранской литературе авангард возник как яркое поэтическое течение, которое громко о себе заявило, вызвало множество резкой критики в свой адрес, спровоцировало скандал в литературном сообществе и вместе с этим способствовало возникновению новых литературных теорий. Авантгардные течения, сопровождавшиеся многочисленными волнениями в обществе, не имели в истории современной литературы Ирана такого успеха, который сопровождал их в западных, европейских, странах. Постепенно они были смещены со своих авангардных позиций и заняли место среди неофициальной персидской поэзии.

Основной причиной такой судьбы авангардных течений в персидской поэзии можно считать общую для них всех революционную направленность, а именно бунт против принципов и критериев старой литературы, зревший в умах представителей авангардизма. Строго формализованная классическая персидская поэзия, господствовавшая долгие годы в Иране, отвечала требованиям и устоям традиционного иранского общества, нарушить которые авангардистам было очень трудно. Её прочные позиции с большим трудом и при весьма специфических обстоятельствах отвоёвывались новаторскими течениями, и, несмотря на все попытки экспериментаторов XX века внедрить свои нововведения и разрушить принятые поэтические стандарты, поэзия Ирана в целом сохранила свой традиционный уклад, подавив протесты новаторских течений модернизма и авангарда.

Спустя десятилетия осторожных попыток лишь та группа поэтов-новаторов, которые были связаны со школой «новой поэзии» наконец-то добилась успеха в модернизации стиха и отошла от неизменных правил и формул классической поэзии^[1], что действовала с точным расчётом и принимала во внимание социокультурные условия своей эпохи, это был период модернизации второй половины XX века, который проводил шах Реза Пехлеви в 1960-1970 гг. под названием «белая революция». В эти годы поэзия являлась главным полем для нахождения новейшего соотношения между традицией и инновацией и потерпела глобальные перемены и необычайный подъём в реформируемой стране. Стихи поэтов-новаторов были соотнесены с вызовом модернизации и

Прочие авангардисты-бунтари, несвоевременно появившиеся в иранской литературе, ни к чему не пришли и были «отлучены» от поэзии. Их называли «волной изгнанных», «побочных поэзий», «радикалистами», «группой единоличников» и т.д. До сих пор в иранской литературной среде есть те, кто категорически не согласен с самой идеей авангардизма и не считает её достойной внимания литераторов. Некоторые критики даже считают бес

полезным рассмотрение таких течений, не оказавших никакого влияния на созидательный процесс стихосложения: «Дискуссии об этих течениях не только не помогают познанию современной иранской поэзии, но и являются подтверждением их бунтарства и разрушения традиций» [Тавуси-Арани, 2005, с. 10].

Поэзия авангардизма в Иране представлена эпизодически. И этот прерывистый процесс, безусловно, является отражением судьбы иранской интеллигенции, которая не смогла удержать свои позиции в обществе и обзавестись надёжным аппаратом для обеспечения способности и распространения своей власти. Эта поэзия, как и другие новаторские поэтические течения иранской литературы (романтизм, социально-политическая поэзия, поэзия мистицизма и др.), не имела успеха. Другими словами, место авангардизма в современной иранской поэзии походит на образ интеллигенции — механистическая, но необходимая, единоличная, зачастую мрачная и не нуждающаяся в ответе из-за своего природного снобизма.

Понимание авангардистских направлений иранской поэзии невозможно без учёта эпохи иранского модерна, модернизма и модернизации. Для рассмотрения этой темы необходимо вначале проследить историческую канву модернизма и интеллектуализма в современной иранской поэзии (1921–2019), чтобы прояснить, в каких условиях иранские авангардисты получили своё литературное воспитание и какова их судьба.

Сначала следует упомянуть о предпосылках возникновения авангардной поэзии в Иране XX века и о её литературных предшественниках. В ходе рассмотрения истории возникновения авангардизма в персидской поэзии были получены данные, которые связывают очень многие образцы старой персидской поэзии с этим, казалось бы, совершенно чуждым и привнесённым извне литературным явлением. При этом были найдены многие точки соприкосновения авангардизма с образцами старой персидской поэзии таких школ, как школа *وَعْوَه* [voghu] (вогу), стили *هندی* [hendi] (индийский) и *اصفهانی* [eshafani] (исфаханский)^[2]
^[1], а также с европейским авангардом прошлого века.

Авангардистские течения персидской поэзии возникли под влиянием европейской поэзии и с исторической точки зрения связаны с ней. В.Б. Кляшторина так пишет об этом: «Попытка освободиться от ига классики была в такой же степени естественным поиском более гибкой формы выражения, как и протестом против установленной системы, ибо нет ничего более строго узаконенного в Иране, чем система классического поэтического письма. Иногда этот протест выражается в самых крайних формах и тогда доходит до эксцентризма. Теперь он привёл к футуризму, дадаизму и т.п. „Долой классиков!“ — был воинственный клич наиболее крайних модернистов, тогда как полурелигиозное „просвещение“ так далеко, что ознаменовало свою деятельность „сжиганием классиков“. Все это делалось не только из-за литературных достоинств произведений, сколько из-за мистического их содержания. Но такого рода действия „новаторов“ вели только к укреплению устоев традиционалистов и усилили резкие контратаки со стороны консервативных поэтов по отношению к „модернистам“» [Кляшторина, 2003, с. 375].

Что касается связи иранского авангардизма с литературой прошлого, в исследовании иранских литературоведов о появлении авангардного начала в старой персидской поэзии с одерживается вывод: «„Индийский“ стиль и школа „вогу“ — язык лидирующей, новаторской инициативной группы в рамках старой персидской поэзии, которая напоминает нам такие современные литературные школы Европы, как сюрреализм... Все метафоры, намёки, фантазии и смысловые оттенки в их работах, действительно, представляют собой нововведения и опережают своё время. Это были поэты-новаторы, экспериментаторы и авангардисты своего времени. Эти претенциозные попытки, которые через несколько веков были пов

торены и разрекламированы в современном иранском стихе теми, кого называют модернистами, сюрреалистами, имажинистами, авангардистами, формалистами и т.д., уже в прошлые века были сделаны несколькими скромными, образованными, обладающими поэтическим вкусом поэтами либо на чужбине, либо в тихих уголках городов и поселений по всей стране.

В качестве яркого примера поэтических течений старой персидской литературы, которые имеют много общего с дадаизмом, можно указать на поэтическое и прозаическое течение «индийского стиля» *تازریق* [tazrigh] (тазриг), распространённое в эпоху Сефевидов, что пришли к власти в 1501 г. Это течение, которое поощряло создание бессмыслицы, отрицало традиции и нормы, бунтовало против распространённой в то время поэзии, высмеивало фантазии и туманность поэзии индийского стиля и пыталось найти свой, новый, стиль, не имело успеха в Иране, как и авангард XX века, к более конкретному анализу которого мы приступаем.

С началом либеральных и конституционных движений в Иране возникло новое видение, согласно которому наступила новая эпоха, отличная от всех других. Интеллигенция этого периода верила, что политической диктатуре пришёл конец и необходимы перемены в сфере культуры поэты и писатели этого времени пропагандировали новую эстетику и стремились «писать новые стихи, которые бы отличались от прежней персидской поэзии [Карими-Хаккак, 2012, с. 193].

Одним из важных вопросов, занимавших умы теоретиков конституции, было описание значимости, пользы и целей литературы. Сторонники конституции нуждались в таких литераторах, которые бы уделяли внимание общественной жизни и гуманитарным вопросам и, следовательно, могли быть полезны для общества. Литература прошлого не устраивала их именно из-за своего невнимания к реальности. Р. Моштаг-Мехр так описывает содержание и основную направленность литературных теорий периода конституции: «В языке критериями служили такие параметры, как простота написания, прямота слова и избегание сложности и запутанности, что касается вопросов содержания и форма обязательным считалось применение традиционных тем и приёмов, в частности развлекательных техник, написание панегириков, мистических и любовных стихов, и наоборот, приветствовались такие реалистические темы, как либерализм, патриотизм, правдоподобное описание человека и социума и т.п.» [Моштаг-Мехр, 2012, с. 50].

Новые идеи, возникшие после Конституционной революции, и новая социально-политическая атмосфера требовали своих особых форм выражения. Безусловно, надо признать, что новаторам в области литературы предстояла сложная работа, учитывая давление со стороны традиционалистов, которые с неистовством защищали обременительные, по мнению их противников, правила классической поэзии, остававшиеся без изменения в течение столетий, и сопротивлялись любым преобразованиям. Под влиянием преобразований в жизни интеллигенции менялось восприятие эстетических категорий, однако этого было недостаточно, чтобы полностью отказаться от тысячелетней эстетики персидской поэзии и создать на её месте нечто новое.

В период конституционной революции, изменения охватывали все сферы жизни и общественного сознания, в том числе и литературу. В результате, персидская литература освободилась от устаревших канонов и преград, шёл процесс становления жанров новеллы, рассказа нового типа и переосмысление художественных принципов поэтического искусства, его эстетический идеала. Отметим, что до преобразований в поэзии изменения произошли в персидской прозе, что обязано стараниям таких деятелей культуры, литературы и науки, крупнейшие критики и прозаики Н. Талебов, З. Марагэи, автор крупнейшего слова

ря персидского языка А. Деххода, М. Джамал-заде, С. Хедаят и др. В соответствии с потребностями времени писатели выказывали особую заинтересованность в социальной проблематике, что было новым для персидской литературы [Серват, 2016, с. 11].

После периода конституции поэты делились на три группы. Ш. Хосрави в соответствии с этим выделяет три главных течения в новой персидской поэзии: **консервативная поэзия, нимаистская поэзия и радикальная поэзия** [Хосрави, 2016, с. 42-43]. По его определению, **консервативное течение** – это направление, полностью чуждое всякому серьёзному нововведению в литературе, особенно если последнее затрагивает ядро классического персидского стиха, а именно квантитативную систему стихосложения под названием *اروز* [aruz] (квантитативная система стихосложения), а также традиционные для персидской поэзии литературные формы. Консерваторы всё ещё придерживались метрической системы, присущей классической поэзии, и продолжала следовать поэтической традиции, они требуют остановки нововведений Нима, возврата к прошлому или как минимум сохранения настоящего положения. К данной группе традиционалистов можно отнести Пишавари, Нейшабури, Бахара, Шахрияра, Таваллоди и др. **Нимаистское течение** – занималось поиском свободных поэтических форм и находилась под влиянием европейских работ. Среди авторов этой группы отметим, Лахути, Эшги, Хаменеи, Шейбани и др. это течения, занимающие промежуточное положение, которые в отношении литературной традиции принимают стратегию, частично изложенную в работах Нима. Творчество Нима Юшиджа стало кульминацией их творческих поисков, в результате чего возникла новая школа поэзии под названием *شعر نو* (новой поэзии) [sher-e no].

Следует отметить, что, Р. Эсмаили в своей статье «Нима в окружении противников» заявляет, что противники Нима представляли собой несколько различных групп, намерения и мотивация которых в противостоянии Нима и его работам были различными. Исследователь делит их на четыре группы: 1) претендующие на авангардизм в новой поэзии (радикальные новаторы); 2) фанатичные традиционалисты; 3) умеренные традиционалисты; 4) рифмоплеты-оппортунисты [Эсмаили, 2019]. Среди литературоведов подобных взглядов можно назвать современников Нима, или «других отцов новой поэзии», таких как М. Могадам, Ш. Парту (А. Ширази-пур), Тондар-Кия и Х. Ирани, в качестве поэтов, которые, помимо представителей нимаистского стиха, оказали влияние на персидскую литературу. **Радикалы** – это те, кто считает нововведения Нима недостаточными и претендует на более глубокие преобразования. Именно эта группа в наибольшей степени восприняла поэтические течения европейского авангарда. Они под предводительством Ш. Тондар-Кия и Х. Ирани, считали новую поэзию Нима «однобокой» и «политической» и заявляли, что «его поэзия смирилась с застоем и старостью и отстала от своего времени». На это Нима отвечал так: «Литература, не связанная с политикой, никогда не существовала и является ложью» [Тахбаз, 2016, с. 190].

Другими словами, стих Нима для этих поэтов был идеально и идеологически перенасыщен, они были убеждены, что Нима считает смысл одним из столпов поэзии и принуждает стих передавать послание. Конечно, Нима и сам не отрицал этого и всегда подчёркивал, что смысл и содержание стихотворения важнее всего. Он говорил: «Основное – это смысл, в какой бы одежде он ни был»; «Порядок слов – это все лишь оболочка. Главное – это правильно и стройно изобразить. То есть это душа, которой нужно тело» [Юшидж, 1985, с. 91].

Фундаментальные преобразования в персидской поэзии начались в 1915 году, когда М. Бахар вместе с группой учёных и литераторов, таких как Э. Аштияни, Р. Ясами, С. Нафиси и Я. Рейхан, основали литературную организацию *دانشکده* [dāneshkadeh] (факультет), целью которой было обновить классическую персидскую поэзию и, сохраняя связь с тради

цией, создать новую поэтическую форму. В последующие десятилетия многие иранские поэты присоединились к этой группе, в результате чего она сильно изменилась, по сравнению с первыми годами своего существования. Особенно когда в стерне охватила новая волна под названием انقلاب ادبی [enghekabe adabi] (литературная революция) или تجداد ادب [tajadode adabi] (литературная реформа), под усилиями группы молодых литературоведов, которые в основном получили образование за рубежом и были воодушевлены западной поэзией. Они публиковали новые по форме стихи на страницах печати и издавали в газетах стихотворения в стиле европейской поэзии. Можно указать на стихотворение А. Деххода под названием «Помни!». К.Чайкин придерживает мнения, что данное оно бессомнения расценивается как первый шаг на пути применения форм западного стиха в поэзии Ирана [Чайкин, 1928, с. 54].

Первым теоретиком этой преобразований был Т. Рафат. Он писал в своих статьях: «Эй, молодёжь, идите и свергните дворец диктатуры Саади!», « Пишите для будущего!» и т.д. В ответ на такие действия Т. Рафата поднялась волна насмешек и критики: Рафата просили показать, как именно надо пойти и свергнуть дворец диктатуры Саади, а также требовал и от него и его единомышленников конкретного образца нового стиха вместо теоретических выкладок. К сожалению, усилия новаторов не увенчались успехом, так как с первых же дней публикации своих стихов в новой форме они попали под сильнейшую критику консерваторов, которые были убеждены, что особенность языка, образов и форм классического стиха являются неприкосновенными и неизменными.

Рафат, сторонник радикальных взглядов, в своих статьях, опубликованных в периодических изданиях, обращался к читателям с новым литературным манифестом. Он определял модернизм в литературе не с точки зрения стихотворной формы и преобразований в структуре عروض [aruz] (квантитативная система стихосложения), но исходя из собственной идеи о свержении старого порядка обучения. Однако проблема его подхода состояла в том, что у него не было чёткой положительной программы – возможно, он просто не успел разработать её по причине своей ранней смерти.

Несмотря на это, значимым достижением этого бунтаря и радикалиста можно считать его работу по теоретическому осмыслению революции. Дж. Н. Мамадзаде пересказывает интересную заметку из одной статьи Рафата под названием «Литературный мятеж», где написано следующее: «... надо следовать веяниям своего времени. Грохот пушек, ружей и мировых войн вызывает такую тревогу в наших сердцах, что ни Саади, ни его современник и своим древним и окаменевшим языком, а также песнями и мольбами не способны умиротворить или передать её сущность» [Мамедзаде, 2016, с. 47].

Между тем Эшги и А. Лахути начали отстаивать простоту в выражении мыслей на письме, а Ирадж-Мирза ввел разговорный язык в поэзию. Эти начальные движения происходили в рамках метрической системы عروض [aruz] (квантитативная система стихосложения) и ограничивались перестановками рифмы. Но затем А. Лахути, который, кроме поэзии, занимался также журналистикой и политикой, решился на более серьёзные нововведения, включавшие расширение словарного запаса поэта за счёт использования современных ему слов и выражений, таких как «социализм», «фашизм», отражающих общественно-политические реалии времени, а также ранее не употреблявшихся в персидской поэзии метафор и сравнений; кроме того, была укорочена поэтическая строка и введена плавающая рифма. Ш. Лангаруди подтверждает, что «действительно, первые образцы поэзии в новом стиле были представлены в Иране поэтом Лахути в 1909 г помещённые им в форму белого стиха» [Лангруди, 1991, с. 65].

Такие поэты, как А. Лахути, Ш. Касмаи, Дж. Хаменеи, А. А. Талеганов, Т. Рафат и др., в

если изменения в персидскую поэзию, а также написали статьи о модернизации литературы. Но, по словам Х. Заррин-Куба, автора книги «Перспективы новой персидской поэзии», «эта модернизация и новые идеи прежде всего имеют не художественные, а социальные и политические корни и подоплётку, и зачастую те, кто претендует на модернизацию персидской поэзии, сами либо находятся под влиянием политики, либо смешивают журналистику с поэзией» [Заррин-Куб, 1980, с. 47].

Возможно, именно по этой причине названные попытки обновить персидскую поэзию не увенчались успехом и привели к самоубийству, эмиграции либо затворничеству инициаторов этой идеи. Не смотря на то что их поэзия в своё время считалась новаторской, и с исторической и литературной точек зрения имеет свою особую ценность, никто из вышеназванных авторов не сумел основать новое направление. В связи с этим Дж. Н. Мамедзаде утверждает, что: « До 20-х годов XX века новаторство поэтов в области стихосложения проявились в конструировании новых способов рифмовки и материки, использовании новых художественно-изобразительных средств, выражений и оборотов. Однако эти явления, носящие бессистемный и частный характер, не приняли масштабов широкого направления в творчестве отдельных поэтов. Законы классической поэзии всё ещё довлеют над ними[Мамедзаде, 2016, с. 48].

В результате только А. Эсфандияри, известный под псевдонимом Нима Юшидж , стал подлинным основателем новой поэзии: «Нима понял ту истину, что за один день невозможно освободить поэзию от крепких тысячелетних оков عروض [aruz] (квантитативная система стихосложения), поэтому не отошёл от него полностью. Он сохранил метр и рифму, но дал поэту свободу в их применении и после многочисленных попыток и поэтических опытов с оздал такие произведения, как поэмы آفسانه [afsaneh] (Легенда) и فنوس [ghoghny] (Феникс), которые не встречались в персидской поэзии, где строки не равны друг другу и не следуют традиционному порядку рифмы» [Афлаки, 2016, с.70-71].

Нима под влиянием европейской, и особенно французской, поэзии аккуратно менял структуру, форму и даже содержание классического стиха. В «Легенде» (1922) Нима можно заметить первые фундаментальные изменения в персидской поэзии. По словам Ардан-Пур «в этом произведении заметны следы французских поэтов, особенно Ламартина и Альфреда де Мюссе, считается, что в нем отражён новый способ выражения художественных идей и мыслей» [Ардан-Пур, 1990, с. 471].

Чтобы описать достижения Нима и постепенно внесённые им изменения в персидскую поэзию, можно привести две цитаты В. Б. Кляшториной, демонстрирующие эффективную работу Нима: «У Нима форма классического стиха была нарушена отступлением от основного принципа равновеликости строк (мисра), но в целом ритмический рисунок, присущий персидской поэтической речи, был сохранен»; «Нима сохранил принцип внутренней звуковой симметрии и ритма, возникающих при последовательном чередовании долгих и кратких гласных, но нарушил обязательный для عروض [aruz] (квантитативная система стихосложения)- принцип повторения определённой ритмической волны в рамках строфы» [Кляшторина, 2003, с. 375].

Анализируя стиль Нима с авангардной точки зрения, Гвардия Э.Э. утверждает, что основные идеи Нима, направлены на общество и проблемы человечества, и он активно использовал символизм для изображения социальных проблем. Гвардия ссылаясь на слова М.Хогуги отмечает, что в произведениях Нима можно увидеть черты характерные для романтизма, реализма, символизма, имажисма и сюрреализма, однако предпочтёт отдаваться в сё-таки символизму, который становила для него ведущей школой после 1938 года [Гвардия, 2013, с. 483]. Например «Феникс» у Нима- символ ответственности и символ пробуж-

дения людей осмыслить существование.

В 1940-1950-е годы, создавая новый тип мышления, Нима прошёл долгий путь, прежде чем оказаться на вершине славы в 1960-е гг., когда его поэзия наконец заняла подобающее ей место в современной иранской литературе и нашла своих последователей. В 1962 г., то есть именно тогда, когда новаторская поэзия Нима достигла своего совершенства в работах его последователей Ф. Фаррохзад и Сепанлю, пройдя через А. Шамлу и М. Ахавана.

После 1965 г. поэзия Нима прекратила своё восхождение, начался этап застоя или даже упадка. В эти же годы в интеллектуальном сообществе появилось чувство пресыщенности нимаистскими стихами, было ясно, что нужен новый стих. В конце 1960-х гг. в персидской поэзии масштабно развернулась дискуссия традиционалистов как Таваллоли и новаторов как Нима, и достигла крайнего накала, в результате которой в государственном Конгрессе поэзии 1968- года дискредитировали Нима Юшиджа.

Однако наряду с Нима и его последователями среди иранских поэтов были сторонники более радикальных изменений, к числу которых относятся в первую очередь авангардисты Шамсаддин Тондар-Кия (1910–1988) и Хушанг Ирани (1925–1974), которые ставили своей целью преобразовать персидскую поэзию по европейскому образцу, при жизни этих поэтов не были восприняты серьёзно в иранском литературном сообществе под влиянием многочисленных факторов и стали объектом насмешек. Лишь спустя время они были оценены по достоинству. Такие люди по-настоящему не могли найти своего места в официальной истории новой поэзии, так как их стихи не вписывались в естественное закономерное движение персидской литературы. И только спустя несколько лет к ним вернулись, привнав их последователи, поэтов-авангардистов последних лет.

В последние годы, когда новые поэтические течения возникают в персидской литературе под влиянием поэзии авангарда предыдущего поколения, то есть тех же Тондар-Кия и Ирани, литературная среда наконец задумывается о пересмотре их творческой деятельности и постепенно начинается анализ их творчества, более того, некоторые исследователи даже называют их «другими отцами новой поэзии» [Хосрави, 2016, с. 267].

Каждый из поэтов-новаторов, таких как Тондар-Кия, Ирани, и ещё М. Могаддам и Ш. Пар

ту, сыграл свою роль в формировании новой персидской поэзии. Однако эти авторы, в отличие от Нима, не оставили после себя единого теоретического труда по новой поэтике, где было бы дано исчерпывающее описание и обоснование необходимости новых литературных форм. Я. Руяй так пишет об этом: в их стихотворениях встречаются ломаный метр и неравные строфы, однако отдельные усилия каждого из них не смогли возвыситься до нормативного уровня, поэтому сегодня соответствующая поэзия, наследующая опыт авангардистов прошлого, носит название «нимаистский аруз», в честь Нима Юшиджа, который «придаёт строкам нового стиха норму и правило» [Руяй, 2007, с. 38]. Возможно, если бы поэты этого направления серьёзно задумались над вопросом формы в поэзии, современная персидская поэзия имела бы другого «отца» вместо Нима.

Что касается М. Могаддама, его фигура стоит особняком в персидской литературе: он работал независимо от своих коллег по цеху и в отрыве от общего русла персидской поэзии, не будучи профессиональным поэтом. В целом можно сказать, что он не оказал такого глубокого влияния на персидскую поэзию, как и Ирани, хотя именно он основал новую метрическую форму стиха под названием «неарузовый стих», которая затем получила некоторое распространение в персидской литературе. Ш. Парту также в последующие годы не оказал значимого влияния на персидскую поэзию.

Тондар-Кия и Ирани были одними из тех, кто, в отличие от других авангардистов-радикалов, в своих статьях подробно объяснял читателю, в чем состоит потенциал их стихов, не зависимый от новой поэзии Нима. Каждый из них имел свой литературный манифест, это декларация «Литературного движения „Ястреб“» Тондаркия 1939 г, декларация под наименованием «Боевой петух» Х. Ирани 1951 г.

Тондар-Кия, поэт-авангардист, основавший радикальное движение, ставшее предметом ненависти различных групп, от традиционалистов до нимаистов. Дошло до того, что книжные магазины отказывались принимать его произведения, и в один прекрасный день его противники основательно его поколотили, после чего уже имени Тондаркия не стало слышно, и он ушел в затворничество.

Из основных особенностей поэзии Тондаркия, следующей вектору европейского модернизма, можно отметить невероятную музыкальность его стиха, в создании которой он опередил других новаторов данного периода. Понятие музыки речи как того, что объединяет поэзию с другими искусствами, побудило его к объединению жанров и стиранию границ между ними под влиянием идеи о синтезе искусств. Тондаркия всегда был убежден, что его работы не следуют напрямую за европейской литературой, но, с другой стороны, то, что он называет «музыкой и танцем» в поэзии, он сам считает результатом влияния европейского образа жизни, а не изучения работ европейских авторов. В ходе публикации письменных текстов стихотворений, которые можно и даже нужно было декламировать, у Тондаркия также появилась идея представлять своих «ястребов» в сопровождении записанной музыки. Однако эта идея не воплотилась из-за нехватки возможностей, поэтому сегодня мы не можем в полной мере понять и оценить замысел автора. Возможно, если бы эти стихи были услышаны, то заняли бы особое место в истории в качестве источника важного опыта для современной поэзии Ирана.

В отличие от дадаистов, Тондар-Кия защищал старые ценности, считал историю логичной и последовательной чередой событий и не обладал самоиронией, основной чертой дадаистов, не принимал идею автоматического письма, присущую сюрреализму, который основным условием художественного произведения считал мотив и желание. Он также меньше, чем сюрреалисты, уделял внимание фантазиям и грезам в своих стихотворениях. Значимость его произведений обусловлена в первую очередь не их литературной ценностью, а

шокирующим эффектом, который они производят на читателя. Ещё одна особенность авангардизма Тондар-Кия — использование экспериментальных языковых техник, с помощью которых он не только испытывает на прочность язык интеллигенции и официальный литературный язык своего времени, который рассматривался как свод непререкаемых правил и нерушимых форм, но и высмеивает его. Ф.

Его разговорный язык — это оружие борьбы с литераторами и интеллектуалами официальных кругов, а также сырье для создания произведения, которое, по его убеждению, сможет открыть путь в будущее и освободиться от оков прошлого. Поэтому вмешательство в морфологию и синтаксис, использование нелитературных форм слова и звуков, привычных для разговорной атмосферы, входит в число наиболее выдающихся нововведений Тондар-Кия. В его поэзии звук получает ту значимость, которая присуща декламационному стилю дадаистов, с его установкой на звучание. Й. Руяйи указывает на ценность работ Тондаркия с точки зрения сохранения языковой аутентичности и использования «музыки» разговорного языка для создания новой поэзии. В его стихах вместо следования за метром классического аруза используются по большей части свободные, слоговые, авестийские и разговорные «размеры», которые сами определяют расстояние между строками.

Образец поэзии Тондар-Кия:

ای خود ستا خواهی که من خواری کنم؟! هی هی !!

بر پای تو زاری کنم؟! هی هی !!

آیا پسندی من چنین کاری کنم؟! وای وای !!!

از دیدنت بهتر که خودداری کنم؟! وای وای !!

من بندہ شوم؟!

انی نی !

بیش تر سرافکنده شوم؟!

نی نی !!

زیر لگدهایت کشانم آبرو، پاس خودم؟! قاه قاه !!

بهر چه، بهر قلب حساس خودم؟! قاه قاه قاه !!!

ھیچگاھی ھیچگاھ

Эй, восхваляющий себя, ты хочешь, чтобы я себя принижал?! Хей, хей!!

Чтобы я плакал у тебя в ногах?! Хей, хей!!

Ты правда хочешь от меня такое?! Ой, ой!!

Мне лучше не видеть тебя?! Ой, ой!!

Чтобы я стал рабом?! Нет, нет!!

Чтобы я склонил голову?! Нет, нет!!

Чтобы я свою честь бросил тебе под ноги, под пинки?! Ха, ха!!

Ради чего, ради своего чувствительного сердца?! Ха, ха, ха!!

Никогда и никогда.

Тондар-Кия не только не верил в авторитет традиции и враждовал с ней, но и конфликтовал с Нима, из-за чего долгие годы был персоной нон грата в литературном сообществе Ирана, несмотря на то что привлекал внимание сторонников «новой волны» и «исполнительной поэзии».

Ирани воевал с традицией, но с Нима состоял в отношениях критики. Ирани описывает свой взгляд на природу формы в искусстве в своих работах, где он много раз возвращается к новому определению формалистического искусства. В частности, он пишет: «Когда художник сможет понять живую творческую форму и путём разрыва её прозрачных цепей вселить в неё душу и выразить её, он получит более чистую красоту...» [Ирани, 1950, с. 46]. Знакомство Ирани с радикальными движениями дадаизма и сюрреализма и внимание к понятию новаторства поистине делают его авангардистом.

Ирани любой ценой стремится к модернизму и отделению литературы, в которую он верит, от старой литературы. Для достижения этой цели он делает всё возможное. Его первый поэтический сборник под названием «Ярко-фиолетовый на сером», включающий 12 стихотворений и заключение, был издан в 1951 г. в 200 экземплярах. Это был сборник нового формата, который призывал литературное сообщество к дискуссии и вызвал после публикации сильнейшую реакцию, что соответствовало изначальному замыслу автора. Т. Тавуси-Арани так описывает особенности поэзии Ирани в этом сборнике: отсутствие традиционной метрической организации стихи сочетание нескольких видов стихотворного размера; , радикальные синтаксические, лексические и смысловые искажения; , отсутствие смыслов, а также усиление роли читателя как интерпретатора произведения и создателя новых смыслов; ; отсутствие чёткой структуры, отчего стих становится совершенно бесформенным и бесструктурным. П. Пулаки Анализируя стихотворение *هاد* [hah] (хах) — первое опубликованное произведение Ирани, утверждает, что в нем с первых же строк заметен уход от реальности и отсутствие привычного порядка слов. Такое нарушение языковых норм — результат хаотического движения чувств и мыслей поэта, которые в конце стихотворения принимают форму «бессмысленных», нечленораздельных звуков:

هائی بی یا با

هائی ی یا با

نی دا دا دا

Хайи йи йа йа

Хайи е йа йа

Ней да да да ааааа [Перевод П.П.]

Как мы видим, словесная форма *ایدا*(«да да») в конце стихотворения может указывать на связь этого произведения с движением дадаизма. Ирани вводит нововведения, которые по своей радикальности могут быть сравнимы с экспериментами немногих иранских новаторов, продолжая линию Тондаркия. Ирани продвинулся дальше некоторых авангардистов, отвергая существующие поэтические системы, в том числе принципы нимаистской поэзии. Это позволило ему создать стихи, в которых одна поэтическая строка может быть не связана с другой, писать «бессмысленные» с точки зрения нормативного персидского языка тексты, вводить в стихотворение звуки из окружающей среды, экспериментировать с метром и ритмом стиха, исполнять стихи под музыкальное сопровождение. Так, М. Нейестани пишет: «Возможно, Ирани – единственный поэт, что каждый миг меняется и непохож на

а себя прежнего, два его произведения так же непохожи друг на друга, и это – особенность искусства авангарда, которое нас ожидает» [Нейестани, 2005, с. 121-125].

У Х. Ирани была поэтическая философия, независимая от Нима, поскольку он ввёл в персидскую поэзию разновидность восточной мистики, которая оказала влияние на Сохраба Сепехри и представителей «другой поэзии». Его авангардная поэзия повлияла на творчество А. Р. Ахмадии, а также стала объектом подражания для поэтов «постнимализма» в 1970-х гг. [Хосрави, 2016, с. 268].

К сожалению, их вклад в персидскую поэзию был признан в литературном сообществе Ирана далеко не сразу. Можно сказать, что эксперименты этих поэтов оказались прежде всего для персидской литературы и персидского общества, отчего их поэзия столкнулась с сильнейшим протестом, насмешками и оскорблением со стороны как традиционалистов, так и более умеренных новаторов, в результате чего авангардное движение осталось и его представители были вынуждены признать свое поражение и уйти в затворничество. Тем не менее авангардное движение не было остановлено полностью и по прошествии лет триумфально возродилось в лице поэзии *جَوْهَرَةٌ* «новой волны» [тоже по], которая обязана своим появлением стараниям Тондар-Кия и Ирани. Данное течение, в отличие от Нима и его последователей, не было привязано ни к одному значимому поэтическому критерию, включая метр и рифму, фантазию и чувства, лаконичность и т.д. Борьба этого поэтического течения с традиционными старыми принципами была более удачной, чем протесты предыдущего поколения, т.е. Тондар-Кия и Ирани. Их эстетические вкусы и начали поэтического творчества совпадали по времени со вкусами и общими потребностями молодых слоев общества, которые ждали очень современную поэзию.

Политическая атмосфера в обществе в год возникновения «новой волны» совпадала с идеологическими установками этого течения. Оно возникло в 1962 г., одновременно с попытками власти шаха Реза Пехлеви в ходе «белой революции» провести модернизацию общества на западный манер, создать европейское общество, а также попыткой достичь этих целей и создать модернистскую поэзию. Борьба с традицией обнаруживается как в культуре, так и литературе. В результате этих преобразований традиционная поэзия и даже поэзия Нима и белый стих потихоньку уступают своё место: «Газель, касыда, рубаи, стихи Нима и белый стих, претендующие на то, чтобы говорить серьёзные вещи и рассказывать о любви, неудачах и смерти, были осмеяны» [Лангруди, 1991, с. 17].

Интеллигенция, жаждущая преобразований, столкнулась со свободной и ничем не ограниченной поэзией, что было совершенно ново для персидской литературы. Таким образом, стремления поэтов совпадали с настроениями прогрессивной части общества, в результате чего «новая волна» была принята обществом. Ш. Лангаруди перечисляет следующие политические и социальные факторы пехлевийского периода, которые привели к созданию новой персидской поэзии во второй половине XX века: расширение урбанизации в 1950-е гг.; социально-экономические реформы, направленные на модернизацию; усиление социальных волнений; более явное движение в сторону Запада; усталость от болезненной политической поэзии; знакомство с философией экзистенциализма (который противостоял традиции и ограничениям) — всё это поднимает волну новой персидской поэзии, которая после была названа «новой волной» благодаря Ф. Рахнама [Лангруди, 1991, с. 22].

Первым сборником стихотворений «новой волны» стала в 1962 г. книга *تَرْح* [tarh] (проект) Ахмада Реза Ахмади. Публикация этой книги вызвала две противоположные реакции: с одной стороны, она была широко принята молодёжью, настроенной против традиционализма, которая поддерживала модернизм и свободу во всех сферах социума, культуры, искусства и т.д. и считала, что для искусства нет никаких границ, кроме самого искусства. С

другой стороны, данный сборник, как и прошлые сборники авангардистов, стал объектом насмешек, ненависти и протesta традиционалистов и сторонников «ответственной политической поэзии», «которые считали процесс и революцию модернизации шаха и народа противонародным движением. После публикации «Проекта» Ахмади и презентации нового течения с опорой на это произведение Ф. Рахнама назвал данное течение «новой волной» в подражание названию французского кинотеатра «Новая волна», весьма популярного в 1950-е г. в Иране.

И. Нури-ала, который в 1960-е гг. был одним из самых активных критиков, интерпретаторов и защитников поэзии «новой волны», в своей работе *صور و اسباب شعر امروز ایران* (Образы и инструменты современной поэзии Ирана) в 1969 г. посвятил четыре главы (главы 39–43) этому поэтическому течению. Нури-ала анализировал причины появления данного течения, его поэтические особенности и рассмотрел поэзию Ахмади как основателя новой поэзии, чьи отличительные особенности сводятся к следующему:

- разделение литературных и бытовых функций слов, форм и вещей;
- создание других, новых связей между словами, формами и вещами;
- создание нового и необычного интеллектуального пространства не путём описания, а путём создания атмосферы, и не строчка за строчкой, а в целом стихе. «Новая волна» была молодым течением в персидской поэзии, которое по причине своей новизны и стремления к созданию образов стало независимым от прочей новой поэзии, чему также способствовала его общественная популярность. Одно из самых ярких отклонений поэзии «новой волны» от традиции — это уход от метра и рифмы и презрение к «музыке стиха». Метр и рифма в нимаистском понимании и белый стих А. Шамлу их не устраивали так же, как и классическая система персидского стихосложения. Многие стихотворения «новой волны» можно на самом деле назвать одним сложным предложением, которое с точки зрения формы и способа выражения ничем не отличается от прозы. Ахмади напрямую заявляет, что он «не готов даже одно слово убить ради метра, и, напротив, метром надо жертвовать ради слов» [Нури-ала, 1969, с.307-316; Дастргейб, 1992, с. 86].

Но из-за отсутствия традиционного метра, соблюдения метрических положений стиха Нима и предельной антимузыкальности «новая волна» вызвала протест со стороны критиков, так что стихи её представителей «считали прозаическим переводом западной поэзии» [Хогуги, 1972, с 118]. Среди этих критиков можно выделить А. Дастргейба, который называет «новую волну» «волной отклонения» и относит синтаксические и лексические эксперименты этой поэзии на счёт незнания персидского языка и отхода от него. Он считает работы поэтов «новой волны» подражанием стилю европейских авторов, чьи произведения доходят, таким образом, до иранского читателя в виде «неудачного перевода», или поэзии «подражания». Ещё одна претензия со стороны Дастргейба — радикализм в создании образов «новой волны», который приводит к отсутствию картины как таковой, что никак не способствует общему пониманию стиха и его завершённости. По поводу полного опущения метра в таких стихах Дастргейб считает, что при широте распространения и популярности азуза в персидской поэзии, а также после достижений Шамлу и Нима в данной области нет никаких причин полностью отказываться от него. Дастргейб также сильно критирует поэзию «новой волны» за равнодушие к социальным вопросам и полное неуважение и невнимание к художественному наследию прошлого и «описывает их стихи как собрание неясных и непонятных слов на незначительные темы» [Дастргейб, 1992, с. 175].

Впоследствии у «новой волны» образовалась направление под названием *شعر حجم* [sher-e-hajm] (**«поэзия объёма»**), оно не отдельное течение современной персидской поэзии

и, а новая, усовершенствованная форма поэзии «новой волны» и её логическое продолжение. Большинство известных представителей «поэзии объёма» — это все те же поэты бывшей «новой волны». Из них можно указать на Я. Руяй, который в классификации ответвлений поэзии «новой волны» занял место на ветви «проблемной новой волны» в подразделении «формалисты». Претензии Руяй к работам представителей «новой волны» заключаются в том, что у них нет техники, для них следует определить технику, чтобы не сбились с пути. Он становится основателем независимого направления новой поэзии под названием «поэзия объёма» с целью усовершенствования «новой волны».

Руяй видит путь ухода от беспорядка и разрозненности «новой волны» в составлении манифеста, который может стать законом для придания формы новаторским стихам. Эта идея привлекла внимание поэтов «новой волны», в результате чего в 1969 г. публикуется декларация «поэзии объёма». В её составлении, кроме поэтов «новой волны», принимал и участие также несколько писателей, поэтов, таких как Ф. Рахнама, и кинематографистов, независимых от «новой волны». Руяй играл здесь ведущую роль. Опираясь на свой творческий метод, группа избрала для себя новое оригинальное название — «поэзия объёма», или «Spacementalism». Впоследствии к этой группе также присоединились многие другие поэты, в частности Х. Чаланги.

Причина такого названия кроется в особом убеждении этой группы, согласно которому поэзия позволит человеку перенестись из этой материальной жизни в некий запредельный мир, а это возможно путём использования таких геометрических параметров, как длина, ширина и высота, которые вкупе составляют «архитектуру объёма». Другими словами, образы в этой поэзии, кроме движения вдоль по поверхности, движутся также вглубь и ввысь. Поэт такого «объёмного движения» путём пересечения трёх измерений побуждает своего читателя сделать то же самое, то есть пройти все эти измерения на основе своего ума и понимания и достичь пределов, которые ранее были достигнуты самим поэтом.

Их манифест был одобрен и подписан в 1969 г. после трёх месяцев продолжительных литературных дискуссий и собраний, которые проводились в кафе نکسیا («Нексия») и на личной квартире Руяй и других поэтов. Вопрос о публикации манифеста в таком стиле, какой мы видим в «поэзии объёма», — явление редкое для персидской литературы. Аналогии можно обнаружить только у Тондар-кия и Ирани. Сам манифест — это некое подражание европейским течениям, в особенности сюрреализму. Содержание и смысл некоторых положений манифеста во многом похожи на положения сюрреалиста Андре Бретона, что мы далее и рассмотрим.

Текст манифеста короткий, лаконичный и «нервный», на первый взгляд он похож на сюрреалистические тексты, так же странен и сложен. Мы сталкиваемся с неким противоречием в этом манифесте, которое связано с современным сюрреалистическим типом мышления его авторов и состоит в том, что, с одной стороны, они имеют желание разъяснить понятия, а с другой — избегают этого, так как здесь нет и намёка на подробное объяснение, толкование либо аргументацию.

Следует отметить, что «поэты объёма» сами отрицают любую принадлежность к каким-либо школам и любые подобия и считают себя выше классицизма, кубизма и сюрреализма. С другой стороны, они считают себя противниками имажизма, формализма, архаизма и «ответственной поэзии» марксизма. В связи со своим превосходством по отношению к сюрреализму они ведут речь о прохождении через три измерения и убеждены, что «творчество о сторонников поэзии объёма состоит в достижении сверхреальности за пределами трёх измерений». Они верят, что выходят за пределы трёх измерений, чтобы достигнуть «сверхреальности», но, так как они не оставляют следа во время своего прыжка, путь достиж-

ения цели остаётся неясен и в результате их поэзия становится открытой для множества разных интерпретаций.

Руяй как основатель и лидер «поэзии объёма» в своих статьях и интервью анализирует различные стороны этого поэтического течения. В целом можно сказать, что его заявления и критические замечания в адрес своей поэзии обрели даже большую известность, чем сами литературные работы, и его достижения в области теории литературы представляют для истории литературы большую ценность, чем его поэзия. Руяй говорит по поводу интерпретации своих стихотворений: «Я ни в коем случае не тот поэт, чьи стихи читатель, как готовый кусочек, может положить себе в рот. Для меня лучше всего, когда стихотворение можно более полно интерпретировать, и я не забираю у него [читателя] эту возможность и позволяю своему читателю во время прочтения поучаствовать в творчестве вместе со мной. Максимально полная связь с читателем должна быть именно такой» [Руяй, 1977. с.329].

Другое отличие этой поэзии от сюрреализма с точки зрения самих «поэтов объёма» заключается в том, что она не ограничивается лишь техникой автоматизма. Приверженцы «поэзии объёма» убеждены, что их творчество выгодно отличается тем, что несёт в себе своеобразную бездумность и одновременно является свободным. С одной стороны, поэт осуществляет выбор, занимаясь поиском красивой формы, а с другой – придерживается автоматического письма для достижения «сверхреальности», высшей реальности, что и составляет подлинную цель поэзии.

Представитель «поэзии объёма» смотрит на окружающие его вещи с другой точки зрения и ищет новый потенциал в словах. В результате в его стихотворениях появляется масса странных слов и открываются новые связи и отношения между вещами. Руяй убеждён, что «стихотворение – это случайность» и хороший поэт – это тот, кто находит своё призвание в словах, открывает слово и дарует ему жизнь. Во время написания сборника стихов *لہ (دریابی)* («Морские») Руяй в одной из бесед говорит, что в настояще время его разум занят « поиском новой души для слова ». Именно поэтому поэт, намеренно или ненамеренно, вступает в область сюрреализма и становитсяозвучным Луи Арагону, который считал, что «в области реального мира есть другие связи, которые разум может постичь и которые наиболее значимы, такие как совпадение, фантазия, иллюзия и сон. Эти различные явления собрались и слились в рамках одного литературного течения, а именно сюрреализма» [Руяй, 1977. с.293].

Представители этого поэтического течения, под влиянием своего поэтического лидера Руяй верят, что стихи надо писать для избранных, а не для простого народа. Руяй по этому поводу говорил: «... Принципиально они не должны писать стихи для народа и до такой степени понижать уровень поэзии. Повторение одного и того же никогда не взволнует и не озадачит нас вопросом. Я имею в виду, что поэт должен творить стихи, но именно интеллигенция – то, звено, что связывает поэта с народом, именно она должна интерпретировать стихи для других людей» [Руяй, 1977. с.155].

В «поэзии объема» встречается большое количество парадоксальных и сюрреалистичных образов, потому как поэты данного направления красоту поэтического образа считают результатом совокупности несочетаемых элементов и верят, что чем менее логически возможным будет смешение композиций, использованных в стихотворении, тем больше сила образа и шокирующий эффект. Вот пример парадоксального стихотворения Руяй:

صدای تندر خیس

و نور، نورت آذرخش

در آب، آینه‌ای ساخت

که قاب روشنی از شعله دریا داشت.

Голос мокрого грома

И света, светлее молнии,

В воде сотворил зеркало

В светлой рамке пламени моря.

Отстранение и синтаксические эксперименты «поэзии объема» — еще один показатель ее авангардизма. В работах этих поэтов мы сталкиваемся с многочисленными примерами того, что наречие либо глагол занимает место существительного, или существительное используется как прилагательное, или же все строго фиксированные части предложения в персидском языке перемешаны, а союзные слова стоят не на своих местах. Сам Руяй считает такой стиль речи разновидностью языкового искусства и убежден, что персидская грамматика обладает большим поэтическим потенциалом и одна грамматическая категория может замещать другую: «О, проявление в спокойствии» вместо «О, проявление спокойствия» и т.д. Как и поэзия «новой волны», «поэзия объема» постулирует уход от традиции и в применении метра, рифмы и музыкальности стихотворения, и можно сказать, что «стремление к прозаичности — одна из важных особенностей поэзии объема» [Руяй, 1977. с. 293].

Отсутствие ответственности по отношению к социальным и политическим вопросам — одна из основных причин критики в ее адрес. Есть две причины для этой критики: во-первых, основа «поэзии объема» — уход от реальности и внимание к «сверхреальности». Невозможно ждать от поэта, пребывающего в «сверхреальности» и ищущего освобождения своего разума от иллюзии, что он станет заниматься социальными и политическими вопросами или возьмет на себя ответственность за них. Во-вторых, эти поэты убеждены в том, что поэзия — это цель, а не средство. Цель поэзии, как уже говорилось в манифесте, — сама поэзия, а не что-то вне ее. Конечно, этот взгляд ни в коем случае не согласуется с духом ответственности и обязательств.

Все перечисленные авангардные течения в поэзии Ирана, кроме «новой поэзии», не отвечали запросам своего времени, как и не имели ничего общего с существующими тогда экономическими, политическими и культурными условиями, следовательно, даже не играли особой социальной или политической роли. Их функция заключалась в разрушении рамок поэзии и преобразовании элементов стиха как с точки зрения формы и структуры, так и с точки зрения содержания и фабулы. Основоположники проанализированных течений испытывали влияние европейского авангардизма, предназначение которого кардинально отличается от предназначения классических персидских текстов. В поэзии иранского авангарда 1940–1954 гг. для поэтов обнаруживалась преграда, перед которой приходилось отступить под давлением общественности. На втором этапе развития иранистики в 1960–1978 гг. молодые поэты, усвоив уроки предшественников, продолжили путь в условиях более свободного и подготовленного к изменениям общественного уклада, укрепив позиции авангардистской поэзии и достигнув некоторого признания. Но только с 1990-х гг. авангард получил статус официально признанной поэзии, заняв достойное место в литературе Ирана.

Творчество Ш. Тондар-Кия и Х. Ирани понимается в исследовании как движение иранского авангардизма первой волны, потерпевшее крах. Представители следующих волн появ

ились в 1960-е-1978-е гг., восстановив опыт своих предшественников, обозначенные как более успешными, были представителями разных течений *جَدْ جَدْ [moje po]* («новая волна»). Далее образовались многочисленные ответвления, и каждый из их последователей продолжил свой путь, примкнув к другому направлению или создав своё собственное. При рассмотрении и классификации этих ответвлений можно разделить поэтов «новой волны» на две группы – «оригинальная новая волна» и «новая волна, излагающая проблемы» каждая из которых имеет свои ответвления в сторону поэзии и прозы [Нури-ала, 1960, с 39-43].

Подразумеваются такие направления авангарда, как **شعر ناب («чистая поэзия»)**, **شعر د («другая поэзия»)**, или **شعر تجسمی پلاستیک («воплощающая или пластичная поэзия»)**, **شعر زبان [shere zaban] («поэзия языка»)**, **شعر انگلیسی [shere engilisi] («английская поэзия»)** и т.д. Продолжая путь вышеуказанных поэтов-авангардов, которые взяли курс на модернизацию персидской поэзии XX века, только в 1990-е гг. авангард официально определён благодаря творчеству таких современных поэтов как С. Сепехри, А. Бабачахи, С.М. Мусави, Т. Саффр-Заде, А. Брахани, А. Салехи и многих других. Анализируя их манифесты и творчество, можно выявить истоки авангарда в поэзии Ирана, возникшие под влиянием европейского авангарда и модернизма, которые требуют рассмотрения и изучения в отдельном исследовании.

[\[1\]](#) Система стихосложения в классической персидской поэзии, называемая «аруз», построена на основе определенного чередования долгих и кратких слогов. При этом рифма повторяется по фиксированной формуле, согласно требованиям поэтической структуры или литературного жанра, такого как газель, маснави и рубаи. Сегодня в литературных кругах Ирана термин «классическая персидская поэзия» относится к работам мастеров слова до Нима Юшиджа и его современников еще более радикальных взглядов.

[\[2\]](#) 9 век по хиджре/ 15 в. н.э.

Библиография

1. Ариан-Пур Я. От Саба до Нима (150-летия истории персидской литературы). Тегеран.: Амир-Кабир, 1990. С.471.
2. Афлаки М. Музыка в персидской поэзии Сэпид (Белый стих). Тегеран.: Нашр-Дигар, 2016. С. 70-71.
3. Гвардия Э.Э. Стиль поэзии Нима Юшиджа // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология, социальные коммуникации. Том 26(65). № 1. ч. 1. 2013. С. 480-487.
4. Даствейб А. Противоположные направления современной литературы. Тегеран.: Хонъя, 1992. С. 175.
5. Заррин-Куб, А. Взгляд на новую персидскую поэзию. Тегеран.: Тус, 1980. С. 47.
6. Карими-Хаккак А. Переработка персидской поэзии: сценарии поэтической современности в Иране. Тегеран.: Морварид, 2012. С. 193.
7. Кляшторина В.Б. Шаги тихой воды: две волны вестернизации в персидской поэзии XX века// Новое литературное обозрение. № 62. 2003. С. 373-387.
8. Кляшторина В. Б. Иран 60-80-х годов. От культурных плюрализма к исламизации духовных ценностей:-М., 1990. С. 114.
9. Кязимов М. Д. Персидская поэзия конца XX века.; Нац. акад. наук Азербайджана, Ин-т востоковедения им. З.М. Буняярова.-Баку: Нафта-пресс, 2005. С. 5.
10. Лангруди Ш. Аналитический анализ истории новой поэзии Ирана. Тегеран. : Нашр-Марказ, 1991. С.65.
11. Мамедзаде Дж. Н. К вопросу о формировании Нового стиха в иранской поэзии //

- Балтийский гуманитарный журнал. 2016. № 2 (15). Т. 5. С. 46-49.
12. Моштаг-Мехр Р., Баги-Неджад А. Иранская конституция и литературная критика// Востоковедения. 2012. № 2. С. 51-67.
13. Нури-Ала Э. Образы и инструменты современной поэзии Ирана. Тегеран.: Бамдад, 1969. С. 39.
14. Пулаки П., Бейги М. Становление авангардизма в персидской поэзии XX века: сюрреализм Хушанга Ирани // Филология: научные исследования. 2019. № 5. С.36-47. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.5.30861 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_30861.html
15. Руяый Я. О чём это? (Проблемы поэзии 2). Тегеран.: Негах, 2007.С.38.
16. Руяый. Я. С красной платформы (проблемы поэзии). Тегеран.: Негах, 1977. С. 329.
17. Серват М. Нима и литературная теория . Тегеран.: Нашр-е-елми. 2016.С.11.
18. Тавуси-Арани. Т. Ирнасский авангардизм (Второстепенные поэтические течения новой поэзии). Тегеран.: Наж, 2005. С. 10.
19. Тахбаз С. О поэзии и о поэте: Нима Юшидж. Тегеран.: Негах. 2016. С.190.
20. Хогуги М. Новая поэзия от начала до сегодняшнего дня. Тегеран.: Нашр-Салес. 1972. С. 118.
21. Хосрави Ш. Введение в современную персидскую поэзию. Тегеран.: Фатеми. 2016. С. 42-43.
22. Чайкин К. Краткий очерк новейшей персидской литературы. –М., издание коммунистического университета труд книгосоюза востока им. И.В. Сталина, 1928. С. 54.
23. Эсмаили Р. Нима в окружении противников// информационное агентство под названием«ketabnews». 2019. последняя дата обращения: 4/3/2024, адрес сайта: <https://ketabnews.com/fa/news/8261/%D9%86%DB%8C%D9%85%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D9%85%D8%AD%D8%A7%D8%B5%D8%B1%D9%87%D9%85%D8%AE%D8%A7%D9%84%D9%81%D8%A7%D9%86%D8%B1%D8%B6%D8%A7%D8%A7%D8%B3%D9%85%D8%A7%D8%B9%DB%8C%D9%84%DB%8C>
24. Юшидж Н. Разговоры соседа. Тегеран.: Дония, 1985. С. 91.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «История становления модернизма в иранской поэзии первой половины XX века», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам изучения становления литературного жанра модернизм в прошлом веке на Ближнем Востоке.

Работа является теоретической, вносит определенный вклад в теорию литературы.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье используются в том числе общенациональные методы наблюдения и описания, а также методы литературоведения.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные

автором. Отметим, что в вводной части слишком скучно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Кроме того, заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Собственно говоря, заключение в научном понимании в рассматриваемой статье отсутствует.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых теоретические работы представлены исключительно на русском языке, в том числе переведенные? Считаем, что обращение к современным трудам зарубежных исследователей на иностранном языке по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «История становления модернизма в иранской поэзии первой половины XX века» может быть рекомендована к публикации в научном журнале, после усиления теоретической базы исследования, а именно уточнения целей и задач работы, которые должны найти свое отражение в заключении, новизны работы и ее актуальности.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема представленной к публикации работы достаточно актуальна, нова, интересна. Комментирование и анализ факторов становления того или иного жанра, направления, течения в литературе всегда задача сложная, трудно достижимая. Однако это необходимо делать для максимальной объективации одного из конструктивных и противоречивых видов искусства – литературы. Автор статьи обращает внимание на историю становления поэтического авангарда в иранской поэзии. Вариант верификации проблемы представлен в самом начале данного изыскания: «изучая персидскую поэзию, исследователи уделяют внимание средневековой и классической литературе, а современный период поэзии Ирана и новейшей истории персидской поэзии все ещё остаются малоизвестными. В исследовании проанализированы общие черты и истоки авангардизма современной персидской поэзии, ведущие авангардные тенденции поэзии Ирана с целью создания целостной картины идеально-эстетического диапазона новой персидской поэзии и происходящих в ней изменений, а также судьба различных художественных явлений прошлого столетия до Исламской революции 1978 года». Стиль статьи соотносится с научным типом, аналитические блоки выверены, серьезных нарушений не выявлено: «сохраняя классические признаки формализма, в первые десятилетия XX века поэзия и проза преображались посредством наполнения новым содержанием в соответствии с историческими реалиями. Далее в 1960-х годах при возникновении «новой поэзии» произошло переосмысление художественных принципов поэтического искусства совместно, видоизменился поэтический идеал. После этого персидская поэзия избавилась от устаревших канонов, начав активно отображать реальную действительность», или «в иранской литературе авангард возник как яркое

поэтическое течение, которое громко о себе заявило, вызвало множество резкой критики в свой адрес, спровоцировало скандал в литературном сообществе и вместе с этим способствовало возникновению новых литературных теорий. Авангардные течения, сопровождавшиеся многочисленными волнениями в обществе, не имели в истории современной литературы Ирана того успеха, который сопровождал их в западных, европейских, странах. Постепенно они были смешены со своих авангардных позиций и заняли место среди неофициальной персидской поэзии» и т.д. Автору удается сформировать достаточно плотное в режиме информации текстовое полотно, но при этом не утратить нити раскрытия вопроса. Варианты цитации не противоречат стандарту издания, представленный тип можно (видимо) оставить: «До сих пор в иранской литературной среде есть те, кто категорически не согласен с самой идеей авангардизма и не считает её достойной внимания литераторов. Некоторые критики даже считают бесполезным рассмотрение таких течений, не оказавших никакого влияния на созидательный процесс стихосложения: «Дискуссии об этих течениях не только не помогают познанию современной иранской поэзии, но и являются подтверждением их бунтарства и разрушения традиций» [Тавуси-Арани, 2005, с. 10]». Суждения по ходу работы, точны, не противоречивы, полновесны и объективны: «Сначала следует упомянуть о предпосылках возникновения авангардной поэзии в Иране XX века и о её литературных предшественниках. В ходе рассмотрения истории возникновения авангардизма в персидской поэзии были получены данные, которые связывают очень многие образцы старой персидской поэзии с этим, казалось бы, совершенно чуждым и привнесённым извне литературным явлением», или «Фундаментальные преобразования в персидской поэзии начались в 1915 году, когда М. Бахар вместе с группой учёных и литераторов, таких как Э. Аштияни, Р. Ясами, С. Нафиси и Я. Рейхан, основали литературную организацию *دانشکده* [daneshkadeh] (факультет), целью которой было обновить классическую персидскую поэзию и, сохраняя связь с традицией, создать новую поэтическую форму. В последующие десятилетия многие иранские поэты присоединились к этой группе, в результате чего она сильно изменилась, по сравнению с первыми годами своего существования» и т.д. Считаю, что термины, которые вводятся по ходу разверстки вопроса, унифицированы: например, «после периода конституции поэты делились на три группы. Ш. Хосрави в соответствии с этим выделяет три главных течения в новой персидской поэзии: консервативная поэзия, нимаистская поэзия и радикальная поэзия [Хосрави, 2016, с. 42-43]. По его определению, консервативное течение – это направление, полностью чуждое всякому серьёзному нововведению в литературе, особенно если последнее затрагивает ядро классического персидского стиха, а именно квантитативную систему стихосложения под названием *عروض* [aruz] (квантитативная система стихосложения), а также традиционные для персидской поэзии литературные формы». Литературный контекст авангарда дан целостно, полновесно: «такие поэты, как А. Лахути, Ш. Касмаи, Дж. Хаменеи, А. А. Талеганов, Т. Рафат и др., внесли изменения в персидскую поэзию, а также написали статьи о модернизации литературы. Но, по словам Х. Заррин-Куба, автора книги «Перспективы новой персидской поэзии», «эта модернизация и новые идеи прежде всего имеют не художественные, а социальные и политические корни и подоплётку, и зачастую те, кто претендует на модернизацию персидской поэзии, сами либо находятся под влиянием политики, либо смешивают журналистику с поэзией» [Заррин-Куб, 1980, с. 47]». Обзор критических источников дается в формате конструктивного диалога, иранская поэзия (в рамках авангарда) как таковая оценивается объективно, точно, целостно. Считаю, что эффект диалога распространен и на читателя, который вовлекается в продуктивный анализ. Следовательно, фактическая грань оценки совмещается с синкретической, или системной: «анализируя стиль Нима с авангардной точки зрения, Гвардия Э.Э.

утверждает, что основные идеи Нима, направлены на общество и проблемы человечества, и он активно использовал символизм для изображения социальных проблем. Гвардия ссылаясь на слова М. Хогуги отмечет, что в произведениях Нима можно увидеть черты характерные для романтизма, реализма, символизма, имажисма и сюрреализма, однако предпочтёт отдаваться всё-таки символизму, который становила для него ведущей школой после 1938 года [Гвардия, 2013, с. 483]. Например «Феникс» у Нима- символ ответственности и символ пробуждения людей осмыслить существование» и т.д. Впечатляют в тексте и серьезные аналитические блоки, они могут быть далее развернуты в новых трудах смежной тематической направленности: «Их всех объединяло отсутствие радикальных настроений: они создавали новую поэзию на основе языкового и культурного наследия. Внедрённые ими нововведения имели свои законы и правила и не были результатом стремления к славе или невнимания к культуре и традиции. Они формировали стилистическое, идейное и ритмическое своеобразие новой поэзии Нимы и создавали *شعر آزاد* «Свободный стих» [sher-e azad], имеющий рифму, *شعر سفید* «Белый стих» [sher-e sefid], который был безрифменным стихом, и *شعر هجایی* «Силлабический стих» [sher-e hejaee]. Ахмед Шамлу как преданный ученик Нима использовал рифмованную прозу и силлабический стих и на опираясь на европейскую поэзию ввёл в стих, язык улицы, прозаическую лексику, урбанистическую тему, контрастные образы, противообразующие чувства и интонацию диалоги» и т.д. Статья имеет фундаментальный характер, она будет полезна при изучении истории иранской литературы, ряд позиций целесообразно расширить в новых изысканиях указанного вектора. Удачно и целесообразно вводятся в текст иллюстрации / пример, допустим Тондар-Кия и т.д. Считаю, что и итоговая составляющая работы представлена созвучно основной: например, «Подразумеваются такие направления авангарда, как *شعر ناب* («чистая поэзия»), *شعر دیگر* («другая поэзия»), или *شعر تجسمی پلاستیک* («воплощающая или пластичная поэзия»), *شعر زبان* [shere zabān] («поэзия языка») », *شعر انگلیسی* [she're engilisi] («английская поэзия») и т.д. Продолжая путь вышеуказанных поэтов-авангардов, которые взяли курс на модернизацию персидской поэзии XX века, только в 1990-е гг. авангард официально определён благодаря творчеству таких современных поэтов как С. Сепехри, А. Бабачахи, С.М. Мусави, Т. Саффр-Заде, А. Брахани, А. Салехи и многих других. Анализируя их манифесты и творчество, можно выявить истоки авангарда в поэзии Ирана, возникшие под влиянием европейского авангарда и модернизма, которые требуют рассмотрения и изучения в отдельном исследовании» и т.д. Общие требования учтены, текст имеет должный научный ценз, серьезные нарушения не выявлены. Рекомендую рецензируемую статью «История становления поэтического авангарда в иранской поэзии XX века» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ван П. Способы экспликации объективного пространства в сказах П. П. Бажова // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71551 EDN: NWAVWA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71551

Способы экспликации объективного пространства в сказах П. П. Бажова

Van Пэнфэй

ORCID: 0009-0007-7883-4426

аспирант; кафедра русского языка, общего языкоznания и речевой коммуникации УрФУ; Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина

620075, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51, оф. 312

✉ 523876190@qq.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71551

EDN:

NWAVWA

Дата направления статьи в редакцию:

21-08-2024

Дата публикации:

28-08-2024

Аннотация: Предметом исследования в статье является категория объективного пространства в сказах П. П. Бажова и способы ее экспликации в художественном тексте. Объектом исследования выступают сказы П. П. Бажова, объединенные в сборник «Малахитовая шкатулка» (1939). Автор рассматривает такие аспекты, как пространство в художественном тексте и его категории, сущность объективного пространства, способы экспликации пространственных категорий в современной литературе. Особое внимание уделяется лексике с пространственным значением – топонимам, гидронимам, наречиям места и т.д., без которой невозможна экспликация категории объективного пространства. Объективное пространство в сказах П. П. Бажова рассматривается как пространство Уральских гор, как пространство горного рудника и завода, а также как пространство крестьянской избы. Методы и методология исследования. Способы

экспликации объективного пространства в бажовских сказах определяются при помощи категориально-текстового метода, разработанного уральской научной школой лингвокультурологии и стилистики. Новизна исследования заключается в выявлении, классификации и характеристике основных способов экспликации категории объективного пространства на примере сказов П. П. Бажова из сборника «Малахитовая шкатулка». Гуманитарные исследования, посвященные объективному пространству в сказах П. П. Бажова, отсутствуют, поэтому исследование устраняет существующий пробел. В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что для экспликации объективного пространства уральский писатель использует слова с пространственным значением, которые были разделены нами на следующие группы: топонимы, в том числе гидронимы; предлоги с пространственным значением вместе с глаголами движения; наречия места. В меньшей степени в бажовских сказах экспликация объективного пространства происходит посредством слов без пространственного значения – прилагательных, личных имён и урализмов, которые используются в связке с предлогами и глаголами.

Ключевые слова:

текст, категориально-текстовый метод, текстовые категории, категория пространства, объективное пространство, Павел Петрович Бажов, сказ, фольклор, Урал, Малахитовая шкатулка

1. Вступление

Одной из базовых категорий современных гуманитарных наук является категория пространства, которая изучается В. Н. Топоровым [13], Т. В. Матвеевой [9], А. С. Пангеревым [19], О. В. Ройко [10], И. Г. Спиридонидисом [20], С. Бушелл [18], С. С. Грецкой [2], Т. В. Ицкович [5] и другими исследователями.

В. Н. Топоров характеризует текст как отличающийся пространственностью, текст сам по себе является пространством [13, с. 227-228]. Категория пространства в тексте отличается вещественностью, то есть всегда наполнена людьми, растениями, объектами культуры и т.д. [13, с. 233]. Т. В. Матвеева характеризует пространство применительно к художественному произведению как «категорию текста, с помощью которой содержание текста соотносится с осью пространства: местом текстовых событий или действия персонажей» [9, с. 356].

Пространство является многозначной категорией, поэтому его принято делить на несколько подкатегорий. Одной из наиболее распространенных в науке является классификация пространства на объективное (или реальное) и субъективное (или виртуальное/мифологическое) [2, с. 96]. В рамках данной работы мы будем изучать объективное пространство. Под объективным пространством в художественном тексте понимается «отраженное подобие реального мира, пропущенное через восприятие субъекта» [9, с. 32]. В объективном пространстве непосредственно существуют и действуют герои произведения.

Пространство отражается в художественном тексте при помощи нескольких категорий и ряда лингвистических средств, которые делятся на имеющие пространственное значение и не имеющие пространственного значения [8, с. 266-267]:

1. локации, которые выражаются посредством топонимов, при помощи которых обозначаются географические объекты [\[1, с. 147\]](#). К видам топонимов относятся гидронимы – обозначение водных объектов (реки, моря, озера); дромонимы – обозначающие пути сообщения [\[10, с. 486\]](#). Для обозначения локаций также используются прямые пространственные указатели [\[17, с. 144\]](#) – дом, шахта, завод.
2. глаголы движения – идти, бежать, везти, ездить, нести и другие, которые обычно используются вместе с предлогами с пространственным значением: в, около, под, над, к, под и другие [\[1, с. 147\]](#);
3. наречия места – вблизи, направо, вверху, туда, назад, впереди и другие, которые также используются вместе с глаголами;

Предметом исследования выступает категория объективного пространства в сказах П. П. Бажова и способы ее экспликации.

2. Материалы исследования

Материалом исследования являются сказы П. П. Бажова, собранные в сборнике «Малахитовая шкатулка» (1939). Бажовские сказы являются материалом многих современных гуманитарных исследований – М. Н. Липовецкого [\[7\]](#), Д. В. Жердева [\[3\]](#), Е. Э. Ивановой [\[4\]](#), Л. И. Степановой [\[21\]](#) и др.

3. Методы исследования

В работе основным является категориально-текстовый метод, который был создан в уральской научной проф. УрФУ Т. В. Матвеевой и посредством которого мы определяем способы экспликации такой категории текста, как объективное пространство. Т. В. Матвеева отмечает, что для категориально-текстового метода «характерна целеустановка на определение формально-семантических свойств текста» [\[9, с. 11\]](#). Т. В. Ицкович пишет о том, что использование категориально-текстового метода подразумевает поиск «способов экспликации текстовых категорий» [\[6, с. 1\]](#). Мы рассматриваем такую категорию, как пространство.

4. Результаты исследования

Жанр сказа подразумевает сосуществование объективного и субъективного пространства. Объективное пространство бажовских сказов пока не становилось предметом отдельного исследования. Объективное пространство в сказах П. П. Бажова представляет собой пространство над и под землей – на земле и в шахте.

Объективное пространство связано с населенными пунктами в Уральских горах, в которых проживают горнозаводские рабочие, и с окружающей их природой. С. С. Соковиков отмечает, что природный контекст Уральских гор тесно связан с содержанием и сюжетом сказов П. П. Бажова [\[11, с. 141-142\]](#).

Осуществим классификацию способов экспликации объективного пространства в бажовских сказах. Прежде всего необходимо охарактеризовать возможности использования слов с пространственным значением, при помощи которых обозначаются локации в произведении.

Одним из наиболее распространенных способов экспликации объективного пространства в сказах П. П. Бажова являются предлоги пространственного значения. В сказе

«Малахитовая шкатулка» предлоги применяются вместе с любыми частями речи: *в Полевой, из чужестранных земель, в окошко поглядеть*. При помощи предлогов П. П. Бажов создает образ как уральского, так и внеуральского пространства (столичный Санкт-Петербург), в котором находятся некоторые из героев произведения, попавшие на Урал.

Пространственные предлоги в связке с глаголами и существительными эксплицируют объективное пространство в сказе «Каменный цветок»: *из завода тоже побежали-поехал; в лесу-то; то он на пруд, то в лес; на этих кустах и другие*; в сказе «Серебряное копытце»: *в нашем заводе, по лесам, в избе, по улице и другие*; в сказе «Огневушка-поскакушка»: *на березе, у березы, в землю, в лесу*.

В большинстве случаев пространственные предлоги используются или для демонстрации направления перемещения героя по объективному пространству, или для указания на конкретную локацию. Существительные в связке с предлогами указывают на конкретные локации непосредственно – лес, завод, изба, улица; или опосредованно – береза и земля обозначают лес как место действия.

Распространенной формой экспликации объективного пространства, а именно локаций в сказах П. П. Бажова являются топонимы, которые обозначают реально существующие географические объекты в Уральских горах, где происходит действие произведения. Л. Ю. Степанова считает, что уральский писатель проявлял интерес только к тем географическим локациям, которые связаны с природными ископаемыми – драгоценными камнями [\[12, с. 354\]](#).

Топонимы в сказах П. П. Бажова обозначают название городов, поселков, рек, которые указывают на объективное пространство: *Гумешки, Красногорка, Северушка, Красногорский рудник* («Медной горы Хозяйка»), *Колывань, Северский пруд, Гумешки, Змеиная горка, Полевая* («Горный мастер»). Использование топонимов необходимо для подробного изображения панорамы Урала. Отдельно отметим роль гидронимов: *Зюзельско болотце, Чусовая или Чусовая-река* («Синюшкин колодец»). Стоит отметить, что топонимы в разных сказах П. П. Бажова нередко повторяются, то есть действие разворачивается в одних и тех же географических локациях. В некоторых из сказов действие разворачивается в рамках одного географического объекта, например, *Полевой*.

Еще одним способом обозначения локаций объективного пространства в тексте являются прямые пространственные указатели. Так, в сказе «Синюшкин колодец» встречаются следующие пространственные указатели: *изба, избушка, завод, шахта, прииск и другие*.

Прямые пространственные указатели эксплицируют основные локации бажовских сказов «Каменный цветок», «Малахитовая шкатулка», «Горный мастер», «Синюшкин колодец»: 1. завод: *на заводе, у станка, на руднике, на прииск, за станком и другие*; 2. крестьянский дом и его составляющие: *в избе-то, в сенках, у окошка, в Данилушкину избу, в доме* и др.

Еще одним способом экспликации категории пространства являются наречия места, которые, например, в сказе «Горный мастер» употребляются вместе с глаголами, предлогами и другими частями речи с пространственным значением или без него: *туда все и кинулись, вот туда и пошла, близко была, куда она... пошла, куда-то побежала, вовсе близко*. Наречия места лишь приблизительно указывают место действия в произведении и обычно используются для того, чтобы показать, как герой

передвигаются в объективном пространстве.

П. П. Бажов также активно применяет в своих сказах глаголы движения, при помощи которых показывает передвижение героев по объективному пространству. В сказе «Малахитовая шкатулка» объективное пространство эксплицируется посредством следующих глаголов: *приехал с женой, прикатила к Настасье, баба крутехонько обернулась, подбежала к зеркалу, фыркнула и побежала* и др. При употреблении глаголов демонстрируется лишь направление передвижения героя в пространстве. Объективное пространство в бажовских сказах динамично, и локации, в которых происходит действие, постоянно сменяются.

Обычно экспликация категории объективного пространства происходит при помощи использования одновременно нескольких способов. Так, топонимы употребляются с предлогами пространственного значения: *на Гумешках, у Змеиной горки, от Гумешек, за Змеиную горку, на Змеиную* и т.д.

Наконец, для экспликации категории объективного пространства П. П. Бажов активно обращается к словам без пространственного значения. Пространственное значение может отсутствовать у некоторых прилагательных, используемых в связке с существительными, имеющими пространственное значение: *по старым шахтам, на полянке окошко круглое, пень большой* («Синюшкин колодец»). В большинстве случаев прилагательные в бажовских нужны для описания богатой уральской природы – драгоценных камней, леса с деревьями и травами, болотистой местности и т.д.

В отличие от большинства сказов П. П. Бажова, в сказе «Малахитовая шкатулка» объективное пространство представлено не только уральской природой, но и крестьянской избой. Прилагательные в связке с существительными помогают изобразить внутреннее пространство крестьянского дома: *ширинку маленькую, верхних-то сундуков, настасьины окошки* и другие; также барским домом: *барский дом* и другие.

Пространственным значением также обладает конкретно-предметная лексика, которая помогает создать пространство крестьянской избы: *чашки-ложки, табуреточку, в избе – сенях веничиком, сундук, окошко* и другие («Малахитовая шкатулка»). Конкретно-предметная лексика не только характеризует объективное пространство, но также позволяет лучше узнать крестьянский быт. Конкретно-предметная лексика используется также для создания образа уральского леса, богатого ягодами: *земляника, княженика, морошка, смородина с голубикой* («Синюшкин колодец»).

Рассматривая особенности экспликации объективного пространства в сказах П. П. Бажова, стоит отметить такой способ, как использование урализмов, которые можно рассматривать как часть самобытного стиля П. П. Бажова [\[15, с. 957\]](#). Использование урализмов *ширинка, голбец, в руднишну сторону глядит, малахит-руда, лазоревка* и др. позволяет представить быт, богатую уральскую природу, на фоне которой живут горнозаводские рабочие. Полагаем, что урализмы также помогают П. П. Бажову создать оригинальную панораму Урала, передавая особенности этого региона. Использование урализмов необходимо потому, что объективное пространство в сказах П. П. Бажова читатель видит через призму героев произведения – горнозаводских рабочих, неотъемлемой частью речи которых являются диалектные слова. Использование урализмов помогает читателю глубже познакомиться с горнозаводским миром и даже проникнуть в него.

5. Вывод

Таким образом, экспликация объективного пространства в сказах П. П. Бажова осуществляется двумя основными способами – лексемами с пространственным значением и лексемами первоначально без пространственного значения. К первой группе относятся предлоги с пространственным значением, топонимы, наречия места, прямые пространственные указатели и глаголы движения, которые употребляются в связке с другими частями речи. Топонимы в сказах представлены гидронимами. Вторая группа способов экспликации объективного пространства представлена конкретно-предметной лексикой, урализмами, прилагательными, которым придается пространственное значение.

Объективное пространство в бажовских сказах является пространством природы – уникальных Уральских гор с их бескрайними лесами, богатыми разнообразными травами. Одновременно с этим объективное пространство в художественном тексте П. П. Бажова представлено крестьянской избой, барским домом, горным заводом как повседневными для горнозаводских рабочих локациями.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976.
2. Грецкая С. С. О Когнитивных моделях виртуального и реального художественного пространства мультикультурного текста // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. №1. С. 96–106.
3. Жердев Д. В., Федотова Е. А. З.1. П. П. Бажов «Малахитовая шкатулка»: текстологические особенности академического издания // П. П. Бажов в меняющемся мире. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. С. 184–203.
4. Иванова Е. Э. Топонимические предания родины П. П. Бажова // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 40–51.
5. Ицкович Т. В. Категории времени и пространства в религиозном стиле // В мире научных открытий. Красноярск: НИЦ, 2011. №4.1(16). С. 699–706.
6. Ицкович Т.В. Современная православная проповедь: категориально-текстовой аспект // Филология: научные исследования. 2021. № 4. С.1-8. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.4.35269 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_35269.html
7. Липовецкий М. Н. Зловещее в сказах Бажова // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 212–230.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970.
9. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990.
10. Ройко О. В. Формула личностного топонимического пространства в романе Д. Данилова «Саша, привет!» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. №. 2. С. 482–487.
11. Соковиков С. С. Литературный ландшафт: образы бажовских сказов под открытым небом // Природное и культурное наследие Урала: Материалы IX всероссийской научно-практической конференции. Челябинский государственный институт культуры. Челябинск, 8 июня 2018 года. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2018. С. 141–147.
12. Степанова Л. Ю. Топонимы в сказах П. Бажова // Современные образовательные технологии в подготовке специалистов для минерально-сырьевого комплекса: Сборник научных трудов IV Всероссийской научной конференции. СПб., 2021. С. 551–555.
13. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.

14. Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1984.
15. Шавкунов Н. А. Анализ перевода текстов, содержащих урализмы (на материале сказов П. П. Бажова) / Н. А. Шавкунов // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2021 : материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 16–19 марта 2021 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2021. С. 952–958.
16. Ян Ю. Магия камня и власть металла в сказах П. П. Бажова: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022.
17. Янина В. В. Характеристика абсолютных и относительных пространственных маркеров в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоznание. 2007. №. 6. С. 143–146.
18. Bushell S., Butter J., Hay D. Hutcheon R., Butterworth A. Chronotopic Cartography: Mapping Literary Time-Space // Journal of Victorian Culture. 2021. Vol. 26. №. 2. P. 310–325.
19. Pangereyev, A. S., Kabylov, A. D., Aldashev, N. M., Umatova, Z. M., Suleimenova, Z. Y., Shuriyeva, A. Y. Epic Toponyms as Carriers of a Linguocultural Code // Eurasian Journal of Applied Linguistics. 2023. № 9(1). P. 13–23.
20. Spyridonidis I. G. Translations of geography: Representations of space and culture in literary text analysis // The Review of International Affairs. 2021. Vol. 72. №. 1182. P. 67–81.
21. Stepanova L. I., Shchukina D. A. Reflection of Social and Cultural Features in the Names of Stones and Minerals in Bazhov's Tales // E3S Web of Conferences. Vol. 266. P. 1–22.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Работы, связанные с объективацией пространства на уровне художественного целого, не новы. Их суть должна быть сведена к серьезной конкретизации анализируемого материала, или к точечной оценке языковых приемов, формул, принципов. В данном случае заявленная в заголовке тема раскрывается с явным ориентиром на язык сказов сборника «Малахитовая шкатулка». Хорошо, что методика анализа имеет новаторский характер, ориентир на труды Т.В. Матвеевой прописан: «В работе основным является категориально-текстовый метод, который был создан в уральской научной проф. УрФУ Т. В. Матвеевой и посредством которого мы определяем способы экспликации такой категории текста, как объективное пространство. Т. В. Матвеева отмечает, что для категориально-текстового метода «характерна целеустановка на определение формально-семантических свойств текста» [9, с. 11]. Т. В. Ицкович пишет о том, что использование категориально-текстового метода подразумевает поиск «способов экспликации текстовых категорий» [6, с. 1]. Мы рассматриваем такую категорию, как пространство». Язык работы соотносится с научным типом, серьезных фактических неточностей не выявлено: «Жанр сказа подразумевает сосуществование объективного и субъективного пространства. Объективное пространство бажовских сказов пока не становилось предметом отдельного исследования. Объективное пространство в сказах П. П. Бажова представляет собой пространство над и под землей – на земле и в шахте. Объективное пространство связано с населенными пунктами в Уральских горах, в которых проживают горнозаводские рабочие, и с окружающей их природой. С. С. Соковиков отмечает, что природный контекст Уральских гор тесно связан с содержанием

и сюжетом сказов П. П. Бажова» и т.д. Считаю, что примеры даются полновесно, объемно, целостно: «Пространственные предлоги в связке с глаголами и существительными эксплицируют объективное пространство в сказе «Каменный цветок»: из завода тоже побежали-поехал; в лесу-то; то он на пруд, то в лес; на этих кустах и другие; в сказе «Серебряное копытце»: в нашем заводе, по лесам, в избе, по улице и другие; в сказе «Огневушка-поскакушка»: на березе, у березы, в землю, в лесу», или «Топонимы в сказах П. П. Бажова обозначают название городов, поселков, рек, которые указывают на объективное пространство: Гумешки, Красногорка, Северушка, Красногорский рудник («Медной горы Хозяйка»), Колывань, Северский пруд, Гумешки, Змеиная горка, Полевая («Горный мастер»). Использование топонимов необходимо для подробного изображения панорамы Урала. Отдельно отметим роль гидронимов: Зюзельско болотце, Чусовая или Чусовая-река («Синюшкин колодец»). Стоит отметить, что топонимы в разных сказах П. П. Бажова нередко повторяются, то есть действие разворачивается в одних и тех же географических локациях. В некоторых из сказов действие разворачивается в рамках одного географического объекта, например, Полевой» и т.д. На мой взгляд, тема работы раскрыта, автору удалось конкретизировать приемы / средства экспликации пространства на примере прозы П.П. Бажова. Основные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке. Выводыозвучны основной части: «Объективное пространство в бажовских сказах является пространством природы – уникальных Уральских гор с их бескрайними лесами, богатыми разнообразными травами. Одновременно с этим объективное пространство в художественном тексте П. П. Бажова представлено крестьянской избой, барским домом, горным заводом как повседневными для горнозаводских рабочих локациями». Рекомендую статью «Способы экспликации объективного пространства в сказах П. П. Бажова» к публикации в журнал «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Стародубова О.Ю. Декодирование действительности и моделирование альтернативного фактического поля в медийном дискурсе // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71572
EDN: QQXXGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71572

Декодирование действительности и моделирование альтернативного фактического поля в медийном дискурсе

Стародубова Ольга Юрьевна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка как иностранного ИМОП; Московский государственный лингвистический университет

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 38

✉ oystarodubova@mail.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71572

EDN:

QQXXGR

Дата направления статьи в редакцию:

23-08-2024

Дата публикации:

30-08-2024

Аннотация: Объектом исследования являются механизмы декодирования реальной действительности, с одной стороны, а также особенности моделирования альтернативной событийности интерпретативного характера в рамках медийного дискурса, с другой. Предметом исследования становятся способы конструирования новой реальности как системы концептов, средства их объективации на pragматическом и лингвистическом уровнях в рамках политического сегмента медийного дискурса на примере материалов брифинга официального представителя МИД России М.В. Захаровой. При этом особое внимание на уровне pragматики уделяется выявлению тактик и стратегий, номинаций субъектов-участников коммуникации, а на собственно лингвистическом уровне – прецедентных феноменов, дискурсивных слов, характера синтагматики, особенностей стилистической маркировки отдельных номинаций и других ресурсов, способствующих

моделированию не столько нового фактического поля, сколько его концептуальной модели. При исследовании политического сегмента медийного дискурса на материале поликодового текста автор опирается на принципы антропологической лингводидактики, включающей коммуникативно-деятельностный подход, используются также когнитивно-дискурсивные методы, способствующие выявлению особенностей моделирования картины мира. Основными выводами проведенного исследования является установление факта перлокутивности, акциональности медийного дискурса, его неоспоримого влияния на моделирование глобальной картины мира и трансляцию российской модели глобализации, а также влияние на сознание реципиента. Кроме того, следует отметить лингводидактический потенциал политического сегмента медийного дискурса, в особенности при изучении русского языка иностранцами. Новизной и особым вкладом автора в исследование специфики интерпретации событийного поля в рамках политического сегмента медийного дискурса становится выявление в концептуальной оппозиции своего и чужого дополнительного компонента — иного, который позиционируется как сегмент принятия инаковости, играющий ключевую роль в создании российской модели глобализации, основанной на принципах всеобщего паритета. На этом фоне политический дискурс становится источником ценной информации не только событийного, но и концептуального характера как для носителей языкового сознания, так и для инофонов.

Ключевые слова:

медицинский дискурс, политический дискурс, картина мира, свое, чужое, иное, тактики речи, стратегии речи, прецедентность, дискурсивные слова

Введение.

На современном этапе медицинский дискурс, в особенности его отдельные сегменты с учетом процессов и побочных эффектов глобализации иллюстрируют кардинальные изменения картины мира, системы национальных и универсальных ценностей. Медиацентризм как доминанта эпохи диктует свои законы моделирования действительности в рамках конкретного текстового продукта, при этом реальная событийность или фактическое поле подвергается существенной переработке в связи с интересами и идеологическими предпочтениями продуцента речи, затем встраивается в текст и транслируется читателю в контексте новой модели и конкретного факта, и картины мира в целом, дифференцируя свое и чужое. Итогом становится существенная переориентация сознания реципиента [1, 2, 4, 8]. В связи с этим задача читателя, в особенности если речь идет о процессе обучения анализу медицинского дискурса как в русскоязычной, так и в аудитории инофонов, помнить о том, что СМИ моделируют вторичную, параллельную, альтернативную реальность интерпретативного, оценочного характера, часто используя манипулятивные, конфликтогенные стратегии, сопряженные с политизацией и идеологической доминантой [1, 2, 9, 10]. Особенностью отдельных медицинских текстов становится расширение, детализация концептуальной оппозиции *своего* и *чужого* как средства интерпретации политических событий и дополнение ее еще одним компонентом — *иное*, которое позиционируется как уважительное принятие *инаковости*, что может быть сопряжено с неконфликтным отношением в аспекте межкультурной коммуникации к ценностям и особенностям другой культуры, религии и т.д.

Методика исследования.

В связи с многослойной структурой медийного дискурса в процессе его декодирования необходимо на первом этапе отделение *фактума от модуса* (событий от оценки), но это не всегда просто, так как интерпретация, как правило, непрямая – она *инкрустируется в событийное поле*, и сам способ его подачи (номинации субъектов, фактов и др.) уже содержит оценку. Именно поэтому процесс обучения анализу медийного дискурса нуждается в профессиональном сопровождении. При этом следует опираться на *принципы антропологической лингводидактики, коммуникативно-деятельностный подход, использовать когнитивно-дискурсивные методы* [5, 6, 7].

Следующим этапом становится составление различных *таблиц*, например, по дифференциации типов информативности: фактуальной (ключевой, уточняющей и др.), текстовой, затекстовой, эксплицитной, имплицитной, концептуальной. Другим вариантом таблицы становится дифференциация *своего и чужого, а также иного*, при этом в соответствующие графы включаются все номинации и приемы (в том числе прецедентность, концептуальные метафоры, дискурсивные слова, не имеющие эквивалентов в другом языке, ресурсы стилистики, грамматики: форм частей речи, структуры предложений), а также тактики, стратегии, интенции, реализуемые при помощи указанных приемов и т.д.

Целесообразно также сопоставление интерпретаций одного и того же события в разных источниках – это дает возможность получения более полной, объективной информации.

Если текст звучащий (креолизованный, поликодовый), необходимо учитывать и невербальные знаки, в том числе интонацию, которая дополняет и усиливает авторские интенции. Если речь идет о письменном тексте, следует обратить внимание на ресурсы *метаграфемики* (шрифт, цвет, размер начертаний, нестандартные знаки препинания, расположение фрагментов текста на странице, членение на абзацы), например, кавычки могут служить средством выражения иронии, а значит, интенции критики, которая показывает авторские предпочтения.

Следующим этапом декодирования текстовой информации становится интерпретация полученных данных, в том числе статистическая (на практике часто отмечается минимизация или, напротив, детализация или дифференциация *чужого и иного*).

Целесообразно для закрепления методики написание резюме или рецензий.

Результатом постоянного применения описанной методики становится формирование целого ряда *компетенций* (социокультурной, лингвистической и т.д.), аналитического, критического мышления, а также устойчивой модели декодирования как текстовой реальности, так и затекстовой действительности, картины мира [5, 6, 7].

Результаты исследования.

Обратимся к практике. Рассмотрим применение описанной методики на материалах Брифинга официального представителя МИД России М. Захаровой от 6 декабря 2023г. [3 здесь и далее]. Основная цель брифинга – попытка объективной характеристики современной международной обстановки, декодирование истинного смысла номинаций событий, данных оппозиционной стороной, то есть смоделированной, сфальсифицированной реальности, а также конструирование новой модели глобализации на основе оценочной характеристики фактов, событий в рамках не только национальной российской картины мира (в том числе концепта патриотизма и т.д.), но и

с учетом иных национальных, религиозных и др. интересов и ценностей. Таким образом, продуцент речи использует *коммуникативную стратегию*, основной задачей которой становится намерение урегулирования глобальных и локальных конфликтов, позиционирование образа России как миротворца в едином, глобальном мировом пространстве.

Одним из ключевых ресурсов реализации указанной стратегии становится *субъектная организация* текста, а также в ее рамках *тактики детализации и дифференциации* субъектов. Для этого используются множественные номинации (единичные и коллективные) как *своих*, так и *иных* и *чужих*. Например, свое представлено следующими вариантами: *Россия, россияне, Русский мир, наши граждане, мирные граждане, мирные жители, гражданские лица, ребенок, ни в чем не повинная женщина, российские дипломаты, наша страна, абсолютное большинство членов мирового сообщества* [3]. В указанных примерах используется тактика единения, актуализированы национальные, гендерные, возрастные, профессиональные, социальные идентичности, сопряженные с универсальными позитивными концептами *мир, нация, государство, человек, Отечество*; маркером авторской оценки становится притяжательное местоимение *наши*, которое актуализирует концепт патриотизма, используется нейтральная или книжная лексика.

Чужое представлено следующими вариантами: «*коллективный Запад*», *нотовские страны, западники, «тяжеловесы» американской внешней политики, играют роль не «серых», а «ярких» кардиналов, киевский режим, бандеровцы, боевики ВСУ, киевские переговорщики, НАТО, британские власти, «миротворцы» (ирония), нацисты, неонацисты, (прочие) экстремисты, национал-радикалы, коллаборационисты, «борцы за независимость» (ирония), они, нынешний режим в Белом доме, Североатлантический альянс, недружественные страны, трансатлантические корпорации и т. д.* [3]. В приведенных примерах применяется тактика *аналогизации* (номинация через ссылку к подобным событиям прошлого – прием *прецедентность*), часто используются кавычки, подчеркивающие иронию, а также театральные и спортивные концептуальные метафоры, а также дискурсивные слова, которые транслируют негативную авторскую оценку, для точного понимания которой необходимо учитывать синтагматику субъектных номинаций, в том числе стилистику контекста.

При этом М. Захарова дифференцирует «западный» субъект, а также «украинский», подчеркивая их неоднородность, отделяя политические, идеологические идентичности (*чужое*) от иных, гражданских, общечеловеческих (универсальных). *Свое/ иное – это собственный народ, избиратели (западных стран), мирные граждане Украины, свои же граждане на юго-востоке Украины, абсолютное большинство членов мирового сообщества (разделяет российские подходы по вопросам противодействия героизации нацизма), минимизируя таким образом чужое: киевскорежимные коррупционеры, погрязший в крови и коррупции режим В. А. Зеленского (торгующий собственными гражданами), англосаксонские кураторы, нотовская «бригада», нотовские и еэсовские «бригадиры», Боевик И. Таран, украинский неонацист* [3].

При анализе субъектных номинаций как отдельных лиц, так и коллективного субъекта необходимо учитывать синтагматику, которая может содержать эксплицитную или имплицитную оценку, концептуальные метафоры, стилистически окрашенную лексику (контрасты) – все это становится маркером авторского присутствия в тексте. Во всех закавыченных субъектных номинациях используется ирония, то есть интенция критики неконструктивной политики властей западных стран и Украинского режима (знаки препинания являются ресурсом *синграфемики* – одного из разделов *метаграфемики* как

небуквенной трансляции смысла, логических акцентов, оценки).

Еще одним важным механизмом реализации коммуникативной стратегии в речи М. Захаровой становится номинация фактов, событий, явлений – «русофобская деятельность «коллективного Запада», травля наших граждан во всех сферах, кампания по «отмене» России, нашей культуры ... тотальную дискриминацию россиян кампании по фальсификации истории и искаражению роли СССР в обеспечении Победы над нацизмом и создании современной системы международных отношений... Цели этих поражающих масштабами цинизма акций по пересмотру истории называют теперь открыто: поменять местами агрессоров, развязавших самую масштабную в истории человечества войну и воплощавших в жизнь идеологию расовой исключительности, и государство-участника антигитлеровской коалиции, внесшего решающий вклад в достижение Победы.... » и т. д. [3].

Одна из ключевых задач продуцента речи – привлечь внимание аудитории к попытке отмены России и русской культуры, а также любой инаковости, не вписывающейся в стандарты коллективного Запада, к попытке переформатирования общественного мнения в нужном Западу ключе, глобальной проблеме формирования «новой нормы», а точнее деформирования универсальных, традиционных, национальных и религиозных ценностей (концепты мир, память и др.): «Для борьбы с Русским миром и советским мемориальным наследием активно задействуются национал-радикалы и прочие экстремисты, которые тогда стояли бок о бок с нацистами, а теперь превратились в эталон (как их называют на Западе) «правильного патриотизма». Теперь есть «новая нормальность» и «правильный патриотизм» » [3]. В приведенном фрагменте кавычки (ресурс синграфемики) становятся средством выражения иронии, а значит, интенции критики, которую поддерживают дискурсивные слова (прочие, как их называют и др.), структура предложения (пассивные конструкции), вставные конструкции (с нулевой позицией субъекта, то есть обезличивающие чужое), прецедентность (бок о бок).

Вывод.

Таким образом, в ходе исследования особенностей декодирования действительности продуцентом речи в политическом сегменте медийного дискурса, инкрустации событийности в текст и моделирования нового фактического поля выяснилось, что наиболее активными механизмами становятся на pragматическом уровне коммуникативная стратегия, тактики детализации, аналогизации, субъектная организация (номинация участников актуализирует определенный тип идентичности – социальный, религиозный, национальный и т.д., а следовательно, эксплицирует концепт, дифференцируя свое/ иное и чужое), средства метаграфемики, а на лингвистическом уровне – прецедентность, дискурсивные слова, концептуальные метафоры, а также ресурсы стилистики.

Кроме того, тексты политического дискурса содержат не только и не столько события и их оценку, сколько объективацию новой ценностной глобальной и национальной картины мира, которая корректируется в связи с меняющимся политическим пейзажем, а также транслируют российскую модель глобализации, основанную на традиционных, стабильных ценностях; не на однополярности, унилатерализме с доминантой чьих-либо интересов, а на принципах открытости, паритета всех участников мирового сообщества, что особенно важно для понимания мягкой силы России, ее стремления к конструктивному решению глобальных проблем и международных вопросов. Именно этот сегмент концептуальной информации важно выделить при анализе имплицитной составляющей текста как фрагмента медийного политического дискурса, особенно в

процессе обучения как носителей русского языкового сознания, так и инофонов, изучающих русский язык и культуру [8].

Библиография

1. Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. – М., 2004. 94 с.
2. Гостева Ж.Е. Картина политического мира и дискурс политической коммуникации.// Известия ВГПУ. – 2012, №2. С. 40-42.
3. Захарова М.В. Брифинг официального представителя МИД России, М. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1919516/#0.
4. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке М.: Ин-т языкоznания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 11-24.
5. Мухаммад Л.П. Основы антропологической лингводидактики: истоки, состояние, перспективы/. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021 – № 2. № 2. С. 87-92.
6. Стародубова О.Ю. Аспекты интерпретации текста. Издательство Проспект. – М., 2023. – 48 с.
7. Стародубова О.Ю. Лингвокультурная ситуация сквозь призму прецедентного феномена как отражение интертекстуальности в эпоху глобализации. // Вестник МГОУ, серия Лингвистика, 2019, № 5. С. 101-112.
8. Стриженко А.А. К вопросу семантической организации политического текста// Язык и коммуникация. Сб. науч. тр. Вып. 124. – М.: МГПИИЯ, 1978. С. 161-168.
9. Чикилева Л.С. Риторический дискурс: когнитивно-прагматический и структурностилистический аспекты. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 316 с.
10. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект : монография. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. – 292 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Политический дискурс явление особого синкетического порядка. В нем соединяются разные механизмы, способы и принципы воздействия и манифестации. При этом можно говорить и о его уникальных, отличных свойствах. Рецензируемый материал направлен на формат декодирования действительности и верификацию моделирования альтернативного фактического поля в медийном пространстве. На мой взгляд, работа достаточно интересна, общая концептуальная основа выверена, должная аналитика выдержана. Стиль сочинения тяготеет к научному типу: например, «медиацентризм как доминанта эпохи диктует свои законы моделирования действительности в рамках конкретного текстового продукта, при этом реальная событийность или фактическое поле подвергается существенной переработке в связи с интересами и идеологическими предпочтениями продуцента речи, затем встраивается в текст и транслируется читателю в контексте новой модели и конкретного факта, и картины мира в целом, дифференцируя свое и чужое», или «если текст звучащий (креолизованный, поликодовый), необходимо учитывать и невербальные знаки, в том числе интонацию, которая дополняет и

усиливает авторские интенции. Если речь идет о письменном тексте, следует обратить внимание на ресурсы метаграфемики (шрифт, цвет, размер начертаний, нестандартные знаки препинания, расположение фрагментов текста на странице, членение на абзацы), например, кавычки могут служить средством выражения иронии, а значит, интенции критики, которая показывает авторские предпочтения» и т.д. В качестве рабочего материала взят «брифинг М. Захаровой, официального представителя МИД РФ»: «Обратимся к практике. Рассмотрим применение описанной методики на материалах Брифинга официального представителя МИД России М. Захаровой от 6 декабря 2023г. [3 здесь и далее]. Основная цель брифинга – попытка объективной характеристики современной международной обстановки, декодирование истинного смысла номинаций событий, данных оппозиционной стороной, то есть смоделированной, сфальсифицированной реальности, а также конструирование новой модели глобализации на основе оценочной характеристики фактов, событий в рамках не только национальной российской картины мира (в том числе концепта патриотизма и т.д.), но и с учетом иных национальных, религиозных и др. интересов и ценностей». В статье полновесно оценивается языковой блок / лексический состав речи, это дает основание сказать, что исследование имеет целый завершенный вид: например, «Например, свое представлено следующими вариантами: Россия, россияне, Русский мир, наши граждане, мирные граждане, мирные жители, гражданские лица, ребенок, ни в чем не повинная женщина, российские дипломаты, наша страна, абсолютное большинство членов мирового сообщества [3]. В указанных примерах используется тактика единения, актуализированы национальные, гендерные, возрастные, профессиональные, социальные идентичности, сопряженные с универсальными позитивными концептами мир, нация, государство, человек, Отечество; маркером авторской оценки становится притяжательное местоимение наши, которое актуализирует концепт патриотизм, используется нейтральная или книжная лексика» и т.д. Аргументация и выводы направлены на объективный ценз, фактические неточности в работе не выявлены. Автор стремится к тому, чтобы работа имела более сложный вид, при этом была полезна читателю / исследователю. Подчеркну практическую значимость труда, также то, что автор учел общие требования издания. Цель исследования достигнута, в выводах отмечено, что «тексты политического дискурса содержат не только и не столько события и их оценку, сколько объективацию новой ценностной глобальной и национальной картины мира, которая корректируется в связи с меняющимся политическим пейзажем, а также транслируют российскую модель глобализации, основанную на традиционных, стабильных ценностях; не на однополярности, унилатерализме с доминантой чьих-либо интересов, а на принципах открытости, паритета всех участников мирового сообщества, что особенно важно для понимания мягкой силы России, ее стремления к конструктивному решению глобальных проблем и международных вопросов». Думаю, что потенциальный читатель для данного текста найдется, материал уместно использовать в вузовской практике, при изучении дисциплин гуманитарного цикла. Рекомендую статью «Декодирование действительности и моделирование альтернативного фактического поля в медийном дискурсе» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дуданов Т.В. Сравнительная характеристика паратактического оформления условия и безусловности на материале китайского и русского языков // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71613 EDN: SNRLWW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71613

Сравнительная характеристика паратактического оформления условия и безусловности на материале китайского и русского языков

Дуданов Тимофей Васильевич

ORCID: 0009-0007-1747-9440

аспирант; кафедра восточных языков; Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, г. Москва, Миусская, 6

✉ tdudanov@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71613

EDN:

SNRLWW

Дата направления статьи в редакцию:

27-08-2024

Дата публикации:

03-09-2024

Аннотация: Условные и безусловные конструкции китайского языка исследованы относительно малым количеством отечественных лингвистов. Обычно оба типа конструкций рассматриваются в контексте союзного оформления, однако большой интерес может представлять и бессоюзное оформление условия, что и являлось предметом исследования автора при написании статьи. Цель заключается в поиске разных вариантов оформления значения условия и безусловности с точки зрения паратаксиса (без помощи союзов или союзных слов), а также сопоставительном анализе способов передачи значений в китайском и русском языках. Материал на русском языке приведён лишь для возможности сравнить разные способы выражения условия на родном языке и иностранном языке лицами, не занимающимися изучением и

исследованием китайского языка. Отбор материала осуществлялся на основе работ ведущих китайских и русских лингвистов, а также словарей и статей отечественных и зарубежных исследователей. Все передаваемые ниже значения подтверждаются примерами из китайской и русской литературы. Для китайских примеров приводятся транскрипция, подстрочный перевод и полный перевод предложения. По результатам исследования, было выявлено многообразие условного и безусловного оформления предложений без помощи союзов. Именно бессоюзное оформление в китайском языке и являлось объектом научной новизны в процессе исследования. Рассматривались только те случаи, где можно было подобрать аналогичный вариант передачи условия и безусловности как в китайском, так и в русском языке. Материал может быть полезным не только для китаистов и специалистов в области общего языкознания, но и обучающихся китайскому или русскому языкам для возможности расширения словарного запаса и изучения разнообразных способов выражения условия и безусловности.

Ключевые слова:

китайский язык, русский язык, условие, условные конструкции, безусловность, гипотетичность, предположение, уступка, паратаксис, сравнительная характеристика

Введение

В условных предложениях одна часть указывает на условие, а вторая — на результат или следствие. К числу прототипических условных конструкций можно отнести сложноподчинённые предложения, представленные условным союзом «если» и другими близкими по смыслу союзами [\[1, с. 13-15\]](#).

Тем не менее условие может быть маркировано не только союзами, но и другими частями речи, то есть оно может быть выражено паратактически. Значение в данном случае зависит от контекста и выполняемой функции в конкретном высказывании. Именно подобный способ построения условных предложений и рассматривается в данной статье.

В китайском языке также существуют паратактические способы оформления условия, см. например, [\[2, с. 368\]](#).

При отборе материала мы акцентировали внимание не только на таких понятиях как условие, но и на таких терминах как гипотетичность (предположение, предположительность) и противопоставление. Выбор понятия «гипотетичность» связан с тем, что китайский союз 如果 rúguō (если), являющийся наиболее частотным в китайском языке, указывает на данное значение, а в русском языке условие само по себе зачастую содержит предположение. Понятие же «противопоставление» рассматривается в контексте отсутствия условия, способного повлиять на результат — безусловности. Кроме того, данное значение представляется через условное предложение [\[3, с. 87\]](#).

Таким образом, в данной статье проводится сопоставление паратактического оформления условия и безусловности на материале китайского и русского языков. Всего выделено 5 способов выражения с одним или несколькими вариантами указания на условие и безусловность, а также особые случаи выражения данных значений, не входящие ни в одну из групп.

Значение 1. Исключительность

Китайский язык

Наречие 必/须/必须 bì/xū/bìxū (должен)

Наречие 必/须/必须 bì/xū/bìxū (должен) как показатель условия был упомянут Люй Шусяном. Он входит в число слов, передающих реальное необходимое условие. Если в первой части таких предложений передаётся условие, то во второй части — время [4, с. 98]; [4, с. 156]. Позднее Ван Ли дополнил, что наречие 必 bì (должен) употребляется для передачи стяжённой формы условия. Стяжённая форма представляет собой предложение с чёткой структурой, которое не содержит фразовых пауз и где сказуемые образуют валентность с одним и тем же подлежащим [2, с. 114].

Тем не менее употребление наречия подтверждается и в современном китайском языке. Об употреблении 必须 bìxū (должен) для выражения необходимого условия говорил Чжан Бинь. Онставил это слово в один ряд со связками 只有 zhǐyǒu (если только) и 除非 chúfēi (если только) [5, с. 488]:

1)

深刻	的	印象,	必须	亲自
Shēnkè	de	yìnxìàng,	bìxū	qīnzhì
ГЛУБОКИЙ	PTCL	ВПЕЧАТЛЕНИЕ	ДОЛЖЕН	CAM
进	到	那	动人	的
jìn	dào	nà	dòngrén	de
ВХОДИТЬ	DO	TO	ТРОГАТЕЛЬНЫЙ	PTCL
环境中,	才	能	体会	得到。
huánjìng.zhōng,	cái	néng	tǐhuì	dé.dào.
ОБСТАНОВКА.LOC	ТОГДА	МОЧЬ	ПОНИМАТЬ	ПОЛУЧАТЬ.RES

Нужно («Если только») самому оказаться в той трогательной обстановке, только тогда можно понять то глубокое впечатление. (Линь Хуэйинь. Наша столица)

Наречия 只 zhǐ (только) и 偏/偏偏 piān/piānpiān (только, вопреки)

Ли Цзиньси ставил наречия 只 zhǐ (только) и 偏/偏偏 piān/piānpiān (только, вопреки) в один ряд с союзом 但是 dànshì (но) и относил их к противопоставительным союзам [6, с. 280]. Если союз 但是 dànshì (но) служит для усиления значения, то 只 zhǐ (только) — для его смягчения, а 偏 piān (только, вопреки) в свою очередь указывает на ожидание ситуации, поэтому 偏 piān, кроме значения «только», имеет значение «вопреки (ожиданиям)» [4, с. 36]. Тем самым оба слова указывают на безусловность, то есть неизменность результата вне зависимости от условия.

В современном языке наречие 只 zhǐ (только) чаще всего сочетается с другими словами для выражения условия. Например, 只 zhǐ (только) входит в состав наречия 只是 zhǐshì (только), которое как раз указывает на невозможность влияния условия на результат [7, с. 56]:

2)

我们	这	黄土	沉积层上	的
Wǒmen	zhè	huángtǔ	chénjī.céng.shang	de
Мы	ЭТО	ЛЁСС	ОТЛОЖЕНИЕ.LOC	PTCL
古老	民族	的	子孙	#

гүләо	мінзұ	де	зісүн,	үе
ДРЕВНИЙ	НАРОД	PTCL	СЫНОВЬЯ И ВНУКИ	ТОЖЕ
有	顿河哥萨克	一样	动人	的
уǒu	Dùnhé.gēsàkè	yíyàng	dòngrén	de
ИМЕТЬ	ДОН.КАЗАК	ОДИНАКОВЫЙ	ТРОГАТЕЛЬНЫЙ	PTCL
情话,	只	格调	不	同
qínghuà,	zhǐ	gédiào	bù	tóng
ИСКРЕННИЕ СЛОВА	ТОЛЬКО	КАЧЕСТВО	НЕ	ОДИНАКОВЫЙ
罢了。				
bàle.				
ЛАДНО				

Наши дети и внуки из древних народов, проживающих на лёссовых отложениях, так же искренни до глубины души, как и донские казаки. У них (несмотря на всё это) отличаются лишь моральные качества, и всё. (Чэнь Чжуншуй. Дядя Ма Ло)

Если говорить о наречии 偏/偏偏 piān/piānpiān (только, вопреки), значение «только» имеет только слово 偏偏 piānpiān. Значение же «вопреки» имеет как 偏偏 piānpiān, так и 偏 piān [7, с. 428-429].

3)

他	能	主动	让	我
Tā	néng	zhǔdòng	ràng	wǒ
OH	МОЧЬ	АКТИВНЫЙ	ЗАСТАВЛЯТЬ	Я
看	字,我	偏	不
kàn	zì,	...wǒ	piān	bù
СМОТРЕТЬ	ИЕРОГЛИФ	Я	ВОПРЕКИ	НЕ
急着	看,			
jí.zhe	kàn, ...			
ТОРОПИТЬСЯ.PRG	СМОТРЕТЬ			

Он может проявить активность и показать мне иероглифы, ...но я, вопреки его ожиданиям («несмотря на его ожидания»), не буду торопиться с этим. (Цзя Пинва. Ли Сянху)

4)

他.....	自己	正	要	把
Tā...	zìjǐ	zhèng	yào	bǎ
OH	CAM	PRG	НАМЕРЕВАТЬСЯ	BA
一肚子	苦水	告诉	夫人,	偏偏
yí.dùzi	kǔshuǐ	gàosu	fūrén,	piānpiān
ОДИН.ЖИВОТ	ГОРЕЧЬ	СООБЩАТЬ	ЖЕНА	ВОПРЕКИ
一点	勇气	没有。		
yìdiǎn	yǒngqì	méiyǒu.		
НЕМНОГО	СМЕЛОСТЬ	НЕ ИМЕТЬ		

Он сам собирался рассказать о своей горечи жене, только («несмотря на ожидания») смелости не хватило. (Чжан Хэньшуй. Милые бранятся — только тешатся)

Предлог 除 chú (кроме)

Предлог 除 chú (кроме) также относится к числу тех, что употребляется в условных предложениях. Это слово образует условие в конструкции 除(了).....外 chú (le)... wài (не считая) [4, с. 166]. Ван Ли ставит его в один ряд с союзом 除非 chufēi (если только) [2, с. 369].

5)

刊物中	除	一般	地	宣传
Kānwù.zhong	chú	yìbān	de	xuānchuán
ИЗДАНИЕ.LOC	КРОМЕ	ОБЫЧНЫЙ	PTCL	ПРОПАГАНДИРОВАТЬ
复古	外,	还	有	不
fùgǔ	wài,	hái	yǒu	bù
ВОССТАНОВЛЕНИЕ	НЕ СЧИТАЯ	ЕЩЁ	ИМЕТЬ	НЕ
少	诬蔑	青年	学生	的
shǎo	wūmiè	qīngnián	xuésheng...	de
МАЛО	ПОРОЧИТЬ	МОЛОДОЙ	СТУДЕНТ	PTCL
		ЧЕЛОВЕК		
文章。				
wénzhāng.				
СТАТЬЯ				

В издании, кроме обычной пропаганды восстановления старого порядка (инт. «если не брать в учёт обычную пропаганду восстановления старого порядка»), также имеется немало статей, порочащих молодых студентов. (Лу Синь. Ответ господину KS)

6)

一个	秘书长	除了	一个	养老
Yí.ge...	mìshūzhǎng...	chúle...	yí.ge	yǎnglǎo
ОДИН.CL	СТАРШИЙ СЕКРЕТАРЬ	КРОМЕ	ОДИН.CL	УЙТИ НА ПОКОЙ
的	国史馆	委员	空头衔	外,
de	guóshǐguǎn	wěiyuán	kōng.tóuxián	wài,
	КОМИТЕТ ПО			
PTCL	СОСТАВЛЕНИЮ	ЧЛЕН	ПУСТОЙ.ЗВАНИЕ	НЕ СЧИТАЯ
	ИСТОРИИ			
实际	仅仅	是	一个	复兴大学
shíjì	jǐnjin	shì	yí.ge	Fùxīng.dàxué
НА САМОМ	ТОЛЬКО	COP	ОДИН.CL	ФУСИН.УНВЕРСИТЕТ
ДЕЛЕ				
的	教授。			
de	jiàoshòu.			
PTCL	ПРОФЕССОР			

Кроме того, что старший секретарь является членом комитета по составлению истории без звания (инт. «Если не считать, что старший секретарь является пустоголовым членом комитета по составлению истории»), он на самом деле только профессор колледжа Фусин. (Ван Хо. Война и люди)

Русский язык

В русском языке аналогом для наречия 必须 bìxū (должен) может послужить глагол «стоить». Согласно словарю С. И. Ожегова, он указывает на требование осуществления

чего-либо или наличие смысла в совершении действия [\[8, с. 768\]](#). Е. М. Галкина-Федорук в свою очередь утверждает, что «стоить» используется в безличной форме и ставится после инфинитива для указания на условно-временные или условно-следственные отношения [\[9, с. 347\]](#); [\[9, с. 409\]](#):

7) **Стоит** сделать паузу, и ее опять заполнит гвалт. (В. Г. Распутин. Новая профессия) = Если только сделать паузу, её опять заполнит гвалт.

Кроме того, в русском языке также встречаются аналоги наречий 只 zhī (только) и 偏/偏偏 piān/piānpiān (только, вопреки). В русском языке для выражения похожего значения употребляются слова «лишь» и «только». В словаре Ожегова говорится о близости «только» к слову «но» [\[8, с. 330\]](#); [\[8, с. 802\]](#).

8) — Представьте, я сейчас об этом же думал, **только** не теми словами. (И. Грекова. На испытаниях) = Представьте, я сейчас об этом же думал, но, несмотря на то что я думал об этом, я всё же думал об этом не теми словами.

9) Конвоиры все в полушибаках, **лишь** шестеро в тулупах. (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича) = Конвоиры все в полушибаках, но, несмотря на это, шестеро в тулупах.

Дополнительно «лишь» и «только» могут употребляться и в качестве частиц для указания на ограничение. В сочетании с некоторыми категориями слов они формируют исключительно условные отношения: например, в словосочетании с предлогом «при» и существительным или в деепричастном обороте [\[10, с. 118\]](#); [\[10, с. 158\]](#):

10) **Только при** воспоминании о Гите его сердце сжалось. (А. П. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха) = Если только он вспоминал о Гите, его сердце сжалось.

11) Австрия же вообще держится **лишь при** помощи Германии. (Н. А. Островский. Рожденные бурей) = Австрия же вообще держится, если только она опирается на помочь Германии.

12) Ведь таким судам нужны иногда свидетели, которые публично предают других, **только губя** себя, — то есть через свой собственный труп. (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей) = Ведь таким судам нужны иногда свидетели, которые публично предают других, если только они губят себя, — то есть через свой собственный труп.

13) **Лишь сойдясь** так близко с гениями, начинаешь по-настоящему ценить простых людей. (Ю. М. Нагибин. Трое и одна и еще один) = Если только сходишься так близко с гениями, ты начинаешь по-настоящему ценить простых людей.

Значение 2. Изменение ситуации

Китайский язык

Числительное — yì/yí (один)

Числительное — yì/yí (один) указывает на временную непосредственность, но в то же время имеет значение гипотетичности, а при указании на будущее эта гипотетичность проявляется ещё сильнее. В этом случае слово приобретает значение «стоит только», «если только» [\[4, с. 143-144\]](#).

В современном языке числительное — *yì/yí* (один) встречается в сочетании с коррелятом *就 jiù* (то). Наличие условия, например, подтверждает Син Фуи, который допускает добавление к конструкции —……*就*…… *yì/yí... jiù...* (как только..., то тогда) других элементов, например, условного союза *只要 zhǐyào* (если только) [11, с. 266], [11, с. 521]:

14)

—	离开	你	爹	的
Yì	Iíkāi	nǐ	diē	de
СТОИТ ТОЛЬКО	ПОКИДАТЬ	ТЫ	ПАПА	PTCL
眼	你	就	不	学好。
yǎn	nǐ	jiù	bù	xué.hǎo.
ГЛАЗ	ТЫ	TO	НЕ	УЧИТЬСЯ.ХОРОШИЙ

Стоит только исчезнуть с поля зрения отца, как сразу перестаёшь учиться. (Мо Янь.
Погреб сандального мастера)

15)

而	夫妇	两	人	在
Ér	fūfù	liǎng	réν	zài
HO	МУЖ И ЖЕНА	ДВА	ЧЕЛОВЕК	НАХОДИТЬСЯ
外面	奔波	了	一天,	只要
wàimian	bēnbō	le	yì.tiān,	zhǐyào
СНАРУЖИ	ГОНЯТЬСЯ	PFV	ОДИН.ДЕНЬ	ЕСЛИ ТОЛЬКО
—	见	他	的	面
yí	jiàn	tā	de	miàn
СТОИТ ТОЛЬКО	ВСТРЕЧАТЬ	ОН	PTCL	ВСТРЕЧАТЬ
就	亲热	得	不得了。	
jiù	qīnrè	de	bùdéliao.	
TO	ТЁПЛЫЙ	PTCL		НЕВЕРОЯТНО

Но мама с папой целый день носились по улице. **Стоило им только** встретить его, как с теплом приняли его. (Чжан Вэй. На плато)

Конструкции 越……越…… yuè... yuè... и 愈……愈…… yù... yù... (чем..., тем...)

Конструкции 越……越…… yuè... yuè... (чем..., тем...) и письменный вариант 愈……愈…… yù... yù... (чем..., тем...) Люй Шусян относит к числу пропорциональных предложений. Это такие предложения, в которых обе части указывают на изменение и наличие взаимных отношений, то есть фактически получается конструкция «Если А меняется, то и Б меняется» [4, с. 74]. По словам Ван Ли, в контексте предложения они приобретают условное значение [2, с. 73] [12, с. 217]. Конструкции 越……越…… yuè... yuè... и 愈……愈…… yù... yù... (чем..., тем...) также входят в число стяжённых предложений и употребляются так же, как и союз *只要 zhǐyào* (стоит только), указывающий на достаточное условие [5, с. 506] [11, с. 104], [11, с. 378].

16)

四个 人 越 瞒 越 伤心。

— .	— .	— .	— .	— .	— .
Sì.ge	rén	yuè	kū	yue	shāngxīn.
ЧЕТЫРЕ.CL	ЧЕЛОВЕК	ЧЕМ	ПЛАКАТЬ	ТЕМ	ГРУСТНЫЙ

Чем больше все четверо плачут, тем больше они расстраиваются, ... (инт. «Стоит только им больше заплакать, так они ещё больше расстраиваются».) (Юй Хуа. Жить)

17)

我们	这个	地方,	愈	喝
Wǒmen	zhè.ge	dìfang,	yù	hē
мы	ЭТО.CL	МЕСТО	ЧЕМ	ПИТЬ
冷水	愈	发烧。		
lěng.shuǐ	yù	fāshāo.		
ХОЛОДНЫЙ.ВОДА	TEM			

Мы здесь чем больше пьём холодную воду, тем больше у нас повышается температура. (инт. «Стоит нам только выпить больше холодной воды, как мы всё больше простужаемся».) (Лю Байюй. Второе солнце)

Наречие 再 zài (ещё)

По словам Ли Цзиньси, наречие 再 zài (ещё) в ряде конструкций употребляется для выражения предположения. Оно встречается в таких конструкциях, как 再.....越发..... zài... yuèfā... (чем..., тем...), и再.....那..... zài... nà... (если ещё раз..., то тогда...) [6, с. 312]. Ван Ли же относит предложение с наречием 再 zài (ещё) к одному из типов условных предложений [2, с. 73]:

18)

下次	再	化	个	缘,
Xiàcì	zài	huà	ge	yuán,
СЛЕДУЮЩИЙ	ЧЕМ	ПРОСИТЬ	CL	СУДЬБА
РАЗ				
叫	我们	这	出手	小
jiào	wǒmen	zhè	chūshǒu	xiǎo
НАЗЫВАТЬ	мы	ЭТО	ПРОТЯГИВАТЬ	МАЛЕНЬКИЙ
			РУКУ	
的,	越发	拿不出来	了。	
de,	yuèfā	ná.bu.chū.lái	le.	
PTCL	TEM	БРАТЬ.НЕ.ВЫХОДИТЬ.VEN	MOD	

В следующий раз, чем больше ты будешь (инт. «если ты будешь больше») попрошайничать, тем меньше ты (инт. «то больше ты не») получишь. (Чжан Айлин. Оковы)

19)

月容	红脸	笑道:	“Zài	要
Yuè Róng	hóngliǎn	xiào.dào:	ЕЩЁ	yào
ЮЭ ЖУН	КРАСНЕТЬ	СМЕЯТЬСЯ.RES		НАМЕРЕВАТЬСЯ
吃,	那	我	成	了
chī,	nà	wǒ	chéng	le
ЕСТЬ	ТОГДА	я	СТАНОВИТЬСЯ	PFV
一个	大	饭桶	了！”	

yí.ge	dà	fàntōng	le!"
ОДИН.CL	БОЛЬШОЙ	ОБЖОРА	MOD

Юэ Жун покраснел и засмеялся: «(Если) Буду есть дальше, стану обжорой! (Чжан Хэньшуй. Глубокая яма ночью)

Наиболее же обобщённую картину употребления наречия 再 zài (ещё) дал Чжан Бинь. По его мнению, оно также употребляется в стяжённых предложениях. Наречие 再 zài (ещё) в подобных предложениях является многозначным. При его употреблении в одиночку оно становится схожим по значению с союзом 如果 rúguō (если) и тем самым приобретает значение предположения, а при употреблении в паре с наречием 也 yě (всё же) наречие походит на союз 即使 jíshí (даже если) и тем самым приобретает значение безусловности [5, с. 504-508].

20)

再	不	买	谁	知道
Zài	bù	mǎi	shéi	zhīdào
ЕЩЁ	НЕ	ПОКУПАТЬ	КТО	ЗНАТЬ
价格	又	会	涨	到
jiàgé	yòu	huì	zhǎng	dào
ЦЕНА	ЕЩЁ	МОЧЬ	РАСТИ	ДО
哪里	去。			
nǎlǐ	qù.			
КУДА	IT			

Если не купить, то неизвестно, насколько цена поднимется. (Чжан Пин. Выбор)

21)

你	心情	再	不	好
Nǐ	xīnqíng	zài	bù	hǎo
ты	НАСТРОЕНИЕ	ЕЩЁ	НЕ	ХОРОШИЙ
也	不	能	这样	干
yě	bù	néng	zhèyàng	gàn
ВСЁ ЖЕ	НЕ	МОЧЬ	ТАК	ДЕЛАТЬ
呀?				
ya?				
PTCL				

Даже если у тебя опять будет плохое настроение, ты не можешь так сделать? (Цзя Пинва. Бывшая столица)

Дополнительно парная конструкция 再.....也..... zài... yě... (даже если..., все равно...) может выражать степень совершения действия при постановке прилагательного между двумя наречиями:

22)

再	凶	的	狗	也
Zài	xīōng	de	gǒu	yě
ЕЩЁ	СВИРЕПЫЙ	PTCL	СОБАКА	ВСЁ ЖЕ
都	怕	我。	wǒ	
dōu	nà			

...
ВСЁ ЖЕ БОЯТЬСЯ Я
...
.....

Неважно, насколько свирепа собака, она все равно меня боится. (Юй Хуа. Крики в моросящий дождь)

Последнюю роль, которую играет конструкция 再……也…… zài... yě... (даже если..., все равно...) — это роль сравнения. В статье У Суна говорится, что в данной конструкции допускается повторное употребление прилагательного с последующим отрицательным наречием 不 bù/bú (не) и дополнительным элементом возможности 过 guò (преодолевать, обгонять). Таким образом, получается конструкция A + 再 + прил. + 也 + прил. + 不过 + В [13, с. 86].

23)

乔家	那	小子	再	俏皮
Qiáo.jiā	nà	xǐǎozi	zài	qiàopí
ЦЯО.СЕМЬЯ	ТО	МАЛЫЙ	ЕЩЁ	НЕПОСЛУШНЫЙ
也	俏皮不过			您。
yě	qiàopí.bù.guò			nín.
ВСЁ ЖЕ	НЕПОСЛУШНЫЙ.НЕ.ПРЕОДЕВАТЬ			Вы

Тот малый из семьи Цяо не сравнится с тобой по тому, насколько он озорной (инт. «даже если и не непослушный, он не обгоняет тебя по степени непослушания».) (Чжан Айлин. Первое кадило с запахом орлиного дерева)

Русский язык

Аналогом числительного — 一/yì/yí (один) и наречия 再 zài (ещё) в русском языке является слово «один». Оно может употребляться в сочетании с сочинительным союзом «и» [14]:

24) **Одно** слово, **и** все будет по-вашему. (Булат Окуджава. Новенький как с иголочки) = Если только вы скажете одно слово, все будет по-вашему.

25) **Еще минута, и** Есенин стоит на стуле **и**, жестикулируя, читает свои короткие стихи. (М. М. Зощенко. Перед восходом солнца) = Если проходит еще одна минута, Есенин встаёт на стул **и**, жестикулируя, читает свои короткие стихи.

Для указания на сравнение можно употреблять фразы «в сравнении с» и «по сравнению с», которые также указывают на условие [10, с. 121], [10, с. 130].

26) **В сравнении с** нами, они как три богатыря с картины знаменитого художника Васнецова. (Аркадий Львов. Двор) = Если сравнивать с нами, они как три богатыря с картины знаменитого художника Васнецова.

27) **По сравнению с** другими потерями эта была не самой важной, но почему-то болезненной и непонятной, и что-то в нем не хотело с нею мириться. (Валентин Распутин. Живи и помни) = Если сравнивать с другими потерями, эта была не самой важной, но почему-то болезненной и непонятной, и что-то в нем не хотело с нею мириться.

Что касается китайских конструкций 越……越…… yuè... yuè... и 愈……愈…… yù... yù... (чем..., тем...), аналогично им в русском языке нарастание степени происходит при добавлении частицы «с» к отглагольным существительным, указывающим на развитие и изменение ситуации [10, с. 125-126].

28) С ростом агрессии в его мозгу происходят изменения и даже начинают подергиваться конечности... (Е. В. Колина. Дневник измены) = Если в его мозгу растет агрессия, то происходят изменения и даже начинают подергиваться конечности...

Значение 3. Время

Китайский язык

Частица 了 le

Примеры с аспектуальной частицей 了 le в качестве показателя гипотетичности приводил ещё Ли Цзиньси. В их число входят примеры с постановкой 了 le как в придаточной, так и главной части [6, с. 312]. Факт условности в предложении с 了 le впоследствии подтвердил Ван Ли. В таком случае происходит перемешивание предложения и будущего. Если употреблять частицу 了 le в зависимой (условной) клаузе, то это будет означать завершённость условия свершения того или иного события [2, с. 162]:

29)

她	今天	准备	了	钞票
Tā	jīntiān	zhǔnbèi	le	chāopiào
ОНА	СЕГОДНЯ	ПОДГОТОВИТЬ	PFV	КУПЮРА
去	赎	它	回来。	
qù	shú	tā	huí.lái.	
ИДТИ	ОТКУПАТЬСЯ	ОНО	ВОЗВРАЩАТЬ.VEN	

(Если) она сегодня подготовит деньги (то) и пойдёт откупаться. (Янь Гэлин. Преступник Лу Яньши)

Частица 了 le может идти как после глагола, так и в конце условной части. В первом случае она указывает на завершённость (глоссируется как PFV — перфектив), а во втором — на изменение состояния (глоссируется как MOD — модальность) [15, с. 380]:

30)

你	将来	嫁	了	人
Nǐ	jiānglái	jià	le	rén
ты	БУДУЩЕЕ	ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖ	PFV	ЧЕЛОВЕК
可	不	要	打	丈夫
kě	bú	yào	dǎ	zhàngfu
INT	НЕ	НАДО	БИТЬ	МУЖ
呀。				
ya.				
PTCL				

Если женишься, не бей мужа. (Су Цин. Красавица на неправильном пути)

31)

将来	李子	考上	大学	了,
Jiānglái	Lǐzǐ	kǎo.shàng	dàxué	le,
БУДУЩЕЕ	ЛИЦЗЫ	ПОСТУПАТЬ.RES	УНИВЕРСИТЕТ	MOD
■	是	堂堂皇皇	的	正名。

~	~	— — —	~	— —
gèng	shì	tángtáng.huánghuáng	de	zhèngmíng.
БОЛЕЕ	COP	ЧЕСТНЫЙ	PTCL	ВЫПРАВЛЕНИЕ ИМЁН

В будущем (если) Лицзы поступит в университет, (то) и начнётся истинное выправление имён. (Лю Синлун. Ходящие по небу)

Наречие 早 zǎo (давно)

Наречие 早 zǎo (давно) в большей степени указывает на нереальное условие. Ван Ли в качестве примера приводит фразу 早知 zǎo zhī (давно знал, если бы я знал) [12, с. 61]. Именно это сочетание всегда указывает на гипотетическое условие.

Наречие 早 zǎo (давно) может ставиться как в первой, так и во второй части [17, с. 35]:

32)

早	知	如此,	不	跟
Zǎo	zhī	rúcǐ,	bù	gēn
ДАВНО	ЗНАТЬ	ТАК	НЕ	С
宣相	出来	走	这	遭
Xuān Xiāng	chū.lái	zǒu	zhè	zāo
СЮАНЬ СЯН	ВЫХОДИТЬ.VEN	ПРОХОДИТЬ	ЭТО	БЕДА
也罢！				
yěbà!				
ЛИШЬ				

Если бы я знал, что всё будет происходить так, мы бы с Сюань Сяном не попали в беду.
(Сюй Синъе. Золотая чаша с изъяном)

33)

学堂里	毕业	是	有	年限
Xuétáng.li	bìyè	shì	yǒu	niánxiànr
УЧЕБНОЕ	ОКАНЧИВАТЬ	INT	ИМЕТЬ	ПРЕДЕЛ
ЗАВЕДЕНИЕ				
的,	早	毕业,	早	有
de,	zǎo	bìyè,	zǎo	yǒu
PTCL	PAHO	ОКАНЧИВАТЬ	PAHO	ИМЕТЬ
了	出身。			
le	chūshēn.			
PFV	ОТДАВАТЬ			
	ЖИЗНЬ			

Окончанию учебного заведения есть предел. Чем («Если») раньше закончишь, тем раньше посвящать себя жизни. (Чжан Хэньшуй. Северный гусь летит на юг)

Существительное 时 shí (время)

О существительном 时 shí (время, когда) чаще говорят, когда речь идёт о временных конструкциях и чаще всего в предложении оно переводится как «когда», однако оно также может нести условный или гипотетический оттенок и приобретать значение «если» [6, с. 293]. В таком случае существительное 时 shí (время, когда) указывает на более

низкую вероятность совершения действия [2, с. 72–73]. В. И. Горелов отдельно рассматривал сложноподчинённые условно-временные предложения с союзом 如果 rúguō (если) и существительным 时 shí (время), в результате чего образуется союзное единство 如果……时, …… rúguō... shí, ... (в случае, если) [17, с. 221–222]. При этом союзы, передающие условие, гипотетичность и безусловность, могут опускаться в предложении [7, с. 469]. Таким образом, существительное 时 shí (время, когда) также может употребляться для выражения условия:

34)

老徐	和	你	说话	时,
Lǎoxú	hé	nǐ	shuōhuà	shí,
LAОСЮЙ	И	ты	ГОВОРИТЬ	ВРЕМЯ
温首	腆颜	的,	他	是不是
wēn.shǒu	tiǎnyán	de,	tā	shì.bu.shì
ЛАСКОВЫЙ.ГОЛОВА	НАГЛЫЙ	PTCL	ОН	COP.НЕ.COP
对	你	有	点	意思?
duì	nǐ	yǒu	diǎn	yìsi?
К	ты	ИМЕТЬ	НЕМНОГО	ПЛАН

Когда (Если) Лao Чу с тобой разговаривает так нагло и лицемерно, он разве не хочет что-то от тебя? (Ли Чжунь. Жёлтая река течёт на восток)

Наречие 每 měi (каждый)

По мнению Люй Шусяна, условное отношение, в отличие от временного, выражается при неслучайном совпадении или несовпадении двух событий. В качестве примера он приводит предложения с наречием 每 měi (каждый) [4, с. 143].

Однако 每 měi (каждый) может выражать условие и в современном языке в таких выражениях, как 每当(一) měi dāng (yì/yí) и 每逢(一)měi féng (yì/yí) (каждый раз, когда/во всех случаях, если). Они указывают на повторяющееся явление, которое выступает в качестве обобщённого правила [11, с. 283–284]:

35)

每当	一个	小猪	生下来	的
Měidāng	yí.ge	xiāozhū	shēng.xiàlái	de
КАЖДЫЙ	ОДИН.CL	ПОРОСЁНОК	РОЖДАТЬ.COMPL	PTCL
РАЗ, КОГДА				
时候,	喜鹊	笑,	她	也
shíhòu,	xǐquè	xiào,	tā	yě
КОГДА	СОРОКА	СМЕЯТЬСЯ	ОНА	ТОЖЕ
笑。				
xiào.				
СМЕЯТЬСЯ				

Каждый раз, когда/Во всех случаях, если поросёнок рождается, смеётся и сорока, и она сама. (Гэ Фэй. Трилогия «Цзяннань»)

36)

她	每逢	下	了	戏,
ta	mǎiféng	xià	le	yì

на	тическую	на	и	и,
ОНА	КАЖДЫЙ	ЗАКАНЧИВАТЬ	PFV	СПЕКТАКЛЬ
总	等着	宝庆	带	她
zǒng	děng.zhe	Bǎo Qìng	dài	tā
ВСЕГДА	ждать.PRG	БАО ЦИН	БРАТЬ	ОНА
回	家。			
huí	jiā.			
ВОЗВРАЩАТЬСЯ	ДОМ			

Каждый раз, когда/Во всех случаях, если заканчивается спектакль, она ждёт, когда Ван Цин проводит её домой. (Лао Шэ. Сказители)

Русский язык

В русском языке временное и условное значение в предложении также могут пересекаться. Е. В. Урысон, приводя в качестве примеров «когда» и «если», говорила о возможности их взаимозамены в ряде контекстов [3, с. 12-13]. Однако в данном случае речь идёт о союзах, что не имеет отношения к теме данной статьи.

Тем не менее, если говорить о нереальном условии, то в русском языке существуют способы его выражения, подобно наречию **早已** zǎo (давно) в китайском языке. В русском языке показателем нереального условия является частица «бы»/«б», которая выражает сослагательное наклонение.

37) Так охнула **бы** женщина, уронившая кувшин с молоком: " Ой! " (Юрий Коваль. Листобой) = (Если бы это произошло,) так охнула бы женщина, уронившая кувшин с молоком: " Ой! "

38) Я уж думала: лучше **б** он ушел, а я сама помою. (Вера Белоусова. Второй выстрел) = Я уж думала: если б он ушёл, я б была рада.

Дополнительно для выражения нереального условия можно употреблять внепарадигматическую непрямую форму повелительного наклонения (императива) в форме 2 лица единственного числа [18, с. 226-227]; [18, с. 234]:

39) **Будь** собрание на стороне Иванько, он бы в своих дальнейших усилиях это обстоятельство непременно использовал. (Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру) = Если бы собрание было на стороне Иванько, он бы в своих дальнейших усилиях это обстоятельство непременно использовал.

Значение 4. Произвольность и неопределенность

Китайский язык

Произвольность и неопределенность может образовываться благодаря невопросительному употреблению вопросительных местоимений. Чжан Бинь выделял три способа их невопросительного употребления: произвольное, можно определённое и неопределенное [5, с. 321]. Наибольший интерес в этой статье представляют произвольное и неопределенное употребления вопросительных местоимений, так как именно они содержат в себе значения условия и безусловности.

Советский лингвист В. И. Горелов отнёс местоимения с произвольным употреблением к

неопределённым местоимениям [17, с. 20-21]. Предположительно, это сделано для удобства ориентирования русскоговорящими, начинающими изучать китайский язык, в рассматриваемом материале.

Л. Чэн и А. Джаннакиду, говоря о произвольном употреблении вопросительных местоимений, выделяли компоненты свободного выбора, которые необходимы для передачи безусловности: 哪 nǎ (который из) и 什么 shénme (что) [19, с. 1]; [19, с. 15]:

40)

哪	一次	也	不	象
Nǎ	yí.cì	yě	bú	xiàng
КОТОРЫЙ ИЗ	ОДИН.РАЗ	ВСЁ ЖЕ	НЕ	ПОХОЖИЙ
这次	这么	使	她	感到
zhè.cì	zhème	shǐ	tā	gǎndào
ЭТО.РАЗ	ТАК	ЗАСТАВЛЯТЬ	ОНА	ЧУВСТВОВАТЬ
愤恨,				
fènhèn, ...				
ЯРОСТЬ				

Не было ни одного момента, который вызывал бы у неё такую же ярость, как этот. (инт. «Неважно что это был за момент, он не вызывал у неё такой ярости, как этот».) (Лао Шэ. Поезд в огне)

41)

这个	女人	只要	往	门槛上
Zhè.ge	nǚéń	zhǐyào	wǎng	ménkǎn.shang
ЭТО.CL	ЖЕНЩИНА	СТОИТ ТОЛЬКО	DIR	ПОРОГ.LOC
—	坐,	什么	丑事	都
yí	zuò,	shénme	chǒushì	dōu
СТОИТ	САДИТЬСЯ	КАКОЙ	СКАНДАЛ	ВСЁ ЖЕ
ТОЛЬКО				
会	被	喊出去。		
huì	bèi	hǎn.chūqù.		
МОЧЬ	PASS	КРИЧАТЬ.ВЫХОДИТЬ ИТ		

Стоит только этой женщине сесть у порога, как прекратятся все скандалы (инт. «Неважно, какой это был скандал, он все равно прекратится».) (Юй Хуа. Как Сюй Саньгуань кровь продавал)

Кроме вопросительных местоимений 哪 nǎ (который из) и 什么 shénme (что), в подобных предложениях допустимо употребление и других вопросительных местоимений: например, 谁 shéi (кто), 哪儿 nǎr (где, куда), 怎么 zěnme (как) [20, с. 291]:

42)

孩子	哪儿	也	不	去,
Háizi	nǎr	yě	bú	qù,
РЕБЁНОК	КУДА	ВСЁ ЖЕ	НЕ	ИДТИ
你	就	让	他	喂
nǐ	jiù	ràng	tā	wèi
ты	TO	ПОЗВОЛИТЬ	ОН	КОРМИТЬ
П 个	餵子	玩玩	呷	

jǐ.ge	гēzi	wán.wán	ba.
НЕСКОЛЬКО.CL	ГОЛУБЬ	ИГРАТЬ.RDP	PTCL

Ребёнок никуда не пойдёт. Скажи ему покормить голубей. (Ван Цзэнци. Восемь тысяч лет)

43)

我	不	做	决定,	由
Wǒ	bú	zuò	juédìng,	yóu
я	НЕ	ДЕЛАТЬ	РЕШАТЬ	ОТ
你	做,	怎麽	都	好。
nǐ	zuò,	zěnme	dōu	hǎo.
ты	ДЕЛАТЬ	КАК	ВСЁ ЖЕ	ХОРОШИЙ

Я не принимаю решений. Как хочешь (инт. «Неважно как ты хочешь»), так и делай. (Чжоу Гопин. Нюню)

В предложениях же с неопределенным употреблением вопросительные местоимения указывают на условие. Ещё Ли Цзиньси говорил о роли неопределенного местоимения 谁 shéi (кто) в условном предложении «кто..., тот...» [6, с. 232]:

44)

谁	不	想	掏	钱,
Shéi	bù	xiǎng	tāo	qián,
КТО	НЕ	ХОТЕТЬ	ВЫНИМАТЬ	ДЕНЬГИ
就	去	河里	过。	
jiù	qù	Héi	guò.	
TO	ИДТИ	ХЭЛИ	ПРОВОДИТЬ	

Кто (Если кто-то) не хочет раскошевливаться, тот пусть едет в Хэли. (Чэн Чжунши. Мост)

Кроме того, в данном типе предложений допускается повтор вопросительного местоимения в главной части. Подобное происходит не только с местоимением 谁 shéi (кто), но и с другими вопросительными местоимениями, как и случае с произвольным употреблением. В таком случае слово в придаточной части предложения имеет неопределенное значение, а второе — определенное [2, с. 247]. Подобные конструкции являются стяжёнными и служат для выражения гипотетического условия [9, с. 507].

Л. Чэн и К. Т. Джеймс Хуан относят вопросительные местоимения к числу анафорических (указывающих на предшествующее слово и отсылающих к ранее сказанному). Они служат для передачи нулевого условия, при интерпретации которого мы указываем на всеобщность ситуаций [21, с. 127]; [21, с. 153]; [21, с. 159].

45)

买	不倒翁	的	人	就
Mǎi	búdǎowēng	de	réng	jiù
ПОКУПАТЬ	НЕВАЛЯШКА	PTCL	ЧЕЛОВЕК	ТО
把	手	伸出去,		一律
bǎ	shǒu	shēn.chūqù,		yílǜ
BA	РУКА	ВЫТАГИВАТЬ ВЫХОЛИТЬ		ВСЕ

			ВМЕСТЕ
把	他们	按倒,	看
bǎ	tāmen	àn.dǎo,	kàn
BA	ОНИ	ТОЛКАТЬ.ПАДАТЬ	СМОТРЕТЬ
哪个	先	站起来	就
nǎ.ge	xiān	zhàn.qǐlái	jiù
КОТОРЫЙ.CL	СНАЧАЛА	ВСТАВАТЬ.ПОДНИМАТЬся VEN	TO
买	哪个,		
mǎi	nǎ.ge, ...		
ПОКУПАТЬ	КОТОРЫЙ.CL		

Человек, хотевший купить неваляшку, толкнул все неваляшки вместе и решил, что какая (инт. «если какая-то») из них первое всех встанет, такую он и купит. (Сяо Хун. Сказание о реке Хулань)

В этом предложении одно и то же вопросительное местоимение имеет разное значение в предложении. В предложении 46 одно 哪 nǎ имеет произвольное значение «какой из/который из», а второе 哪 nǎ — определённое значение «такой».

Русский язык

В русском языке для передачи безусловности не используются вопросительные местоимения. Для этого употребляются относительные и соотносительные местоимения. При употреблении относительных местоимений даётся указание на определяемые лица или предметы, а соотносительные местоимения — это слова со своим антецедентом (предшествующим словом) (например: « тот», «такой» и пр.).

В русском языке употребляются универсальные условно-уступительные конструкции. Они маркируются с помощью относительного местоимения и усиления отрицания глагола с помощью частицы «ни» [22, с. 605]. Среди относительных местоимений включаются слова «кто», «что», «как», «сколько» и другие:

46) **Кто бы ни** пришел из батареи, Леонтьев к слову и не к слову ругал каторжную писарскую жизнь: «Лучше на передовую, чем здесь корпеть. (Г. Я. Бакланов. Южнее главного удара) = Даже если кто-то приходил с батареи, Леонтьев к слову и не к слову ругал каторжную писарскую жизнь: «Лучше на передовую, чем здесь корпеть.

47) **Сколько бы ни** указывали стрелки, всегда будет «время Гиннес», то есть время промочить глотку темным ирландским пивом «Гиннес». (Василий Аксенов. Любовь к электричеству) = Независимо от того, что указывают стрелки, всегда будет «время Гиннес», то есть время промочить глотку темным ирландским пивом «Гиннес».

Для указания на неопределенное употребление местоимений употребляются относительные конструкции. в первой части употребляются относительные, а во второй части — соотносительные местоимения.

48) **Кто** определит меру небытия, **тот** и даст людям лучшее средство от страха смерти. (Фазиль Искандер. Мой кумир) = Если кто-то определит меру небытия, то этот человек и даст людям лучшее средство от страха смерти.

Значение 5. Отрицание

Китайский язык

Условие также может выражаться при помощи отрицания. Для этого употребляются близкие по смыслу отрицательные наречия 不 bù/bú, 没 méi, 非 fēi (не).

Ли Цзиньси говорил о редуплицированном употреблении наречия 不 bù/bú (не), благодаря чему образуется конструкция 不……不…… bù/bú... bù/bú... (не..., не...). Наряду с редуплицированной конструкцией, употребляется также фраза 非……不(可)fēi... bù (kě)... (без... нельзя...). Обе конструкции представляют собой упрощённый вариант предложения с союзом 若 ruò (если) [6, c. 138]. А, по мнению Люй Шусяна, конструкции 不……不…… bù/bú... bù/bú..., 非……不(可)fēi... bù (kě)... (без... нельзя...), а также дополнительно выделяемое им выражение 没……不…… méi..., bù/bú... (не..., не...) передают отрицательное необходимое условие, в котором содержится указание на обязательность совершения действия [4, c. 157-158].

Ван Ли относил подобную конструкцию к одной из тех, что выражает условие в предложении [2, c. 73].

49)

不	闷	人	不	成
BÚ	mèn	rén	bù	chéng
HE	РАССТРАИВАТЬ	ЧЕЛОВЕК	HE	СТАНОВИТЬСЯ
笑话。				
xiàohuà.				
ШУТКА				

(Если) Не расстроишь человека, (то) не получится шутки. (Ван Лэнфо. Чунь Эши)

50)

他们	没	进	门	不
Tāmen	méi	jìn	mén	bù
ОНИ	HE	ВХОДИТЬ	ДВЕРЬ	HE
能	算数,			
néng	suànshù, ...			
МОЧЬ	СЧИТАТЬ			

Если они не вошли, они не могут считать, ... (Сыма Чжунъюань. Пыльная буря)

51)

这样	不	负	责任
Zhèyàng	bú	fù	zérèn
ТАКОЙ	HE	НЕСТИ	ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
的	防空哨,	非	向
de	fángkōng.shào,	fēi	xiàng
PTCL	ПРОТИВОВОЗДУШНЫЙ.КАРАУЛ	HE	DIR
汇报	不	可!	上级
huìbào	bù	kě!	shàngjí
ДОКЛАДЫВАТЬ	HE	МОЧЬ	НАЧАЛЬСТВО

Настолько безалаберный караульный противовоздушной обороны не может не дожить обо всём начальству (инт. «Если не дожит начальству, это будет недопустимо!») (Вэй Вэй. Восток)

Для передачи отрицания возможна и редупликация сказуемого (выраженного прилагательным или существительным) в предложении, которое разрывается наречием 不 bù/bú (не). Таким образом, получается видоизменённая форма допущения, а получаемая конструкция переводится как «даже если предположить» [2, с. 312] [12, с. 349-351].

52)

面皮上	斑	不	斑	麻
Miànpí.shang	bān	bù	bān	má
КОЖА НА	ПЯТНО	НЕ	ПЯТНО	НЕРОВНЫЙ
ЛИЦЕ.LOC				
不	麻	的,	不	知
bù	má	de,	bù	zhī
HE	НЕРОВНЫЙ	PTCL	HE	ЗНАТЬ
长	了	些	什么。	
zhǎng	le	xiē	shénme.	
РАСТИ	PFV	НЕМНОГО	ЧТО	

Кожа на лице была в пятнышках и неровной, хотя скорее не в пятнышках и ровной (инт. «даже если предположить, что она была в пятнышках, она всё же была не в пятнышках; даже если предположить, что она была неровная, она всё же была ровной».) (Сян Кайжань. Неофициальная история иностранных студентов в Японии)

53)

处处	演出	越轨	的	举动,
Chùchù	yǎnchū	yuèguǐ	de	jǔdòng,
ПОВСЮДУ	ИСПОЛНЯТЬ	ВЫЙТИ ИЗ КОЛЕИ	PTCL	ДЕЙСТВИЕ
就	要	家	不	家,
jiù	yào	jiā	bù	jiā,
TO	НАДО	РОДИНА	НЕ	РОДИНА
国	不	国	了。	
guó	bù	guó	le.	
СТРАНА	HE	СТРАНА	MOD	

Повсюду творится хаос, скоро появится новая родина или страна, хотя может и не появится (инт. «даже если предположить, что появится новая родина, она всё же не появится; даже если предположить, что появится новая страна, она всё же не появится».) (Лу Синь. Сборник «Просто так»)

При употреблении наречия 不(是) bù (shì) (не) допускается также постановка наречия 就(是) jiù (shì) (то) во второй части предложения. Таким образом, получается конструкция 不(是).....就是..... bù (shì)... jiù (shì) ... (если не..., то...). При употреблении же наречия 非 fēi (не) во второй части ставится наречие 即 jí (то) и получается конструкция 非.....即..... fēi... jí... (если не..., то...). Ли Цзиньси относит их к числу альтернативных отменяющих союзов, которые указывают на противоречие между гипотетичностью и следствием [6, с. 274], а Люй Шусян также относит конструкцию 不.....就(是) bù (shì)... jiù (shì) ... (если не..., то...) к числу отрицательных условных конструкций [4, с. 157]. В таком случае в предложении содержится указание на неопределённый выбор [20, с. 362].

54)

但	那个	男的	已经	把
Dàn	nà.ge	nánde	yǐjīng	bǎ
HO	TO.CL	МУЖЧИНА	УЖЕ	BA
她	忘	了,	不	是
tā	wàng	le,	bú	shì
ОНА	ЗАБЫВАТЬ	PFV	НЕ	COP
不	接	电话	就	是
bù	jiē	diànhuà	jiù	shì
НЕ	ПРИНИМАТЬ	ТЕЛЕФОН	TO	COP
拿起	电话	胡乱	答应	一通,
ná.qí	diànhuà	húluàn	dāying	yì.tōng, ...
БРАТЬ.ПОДНИМАТЬ ТЕЛЕФОН БЕСПОРЯДОЧНЫЙ ОТКЛИКАТЬСЯ ОДИН.CЛ				

Но тот мужчина уже забыл про неё. Она если не брала трубку, то хотя бы пыталась как-то откликнуться. (Ван Шо. Суть игры в трепетании сердца)

55)

沿儿庄人	上	至	七老八十,
Yán'érzhuāng.rén	shàng	zhì	qī.lǎo.bāshí,
Яньэрчжуан.ЧЕЛОВЕК	ВЕРХ	ДО	СЕМЬ.ПОЖИЛОЙ.ВОСЕМЬДЕСЯТ
下	至	童男	倘若
xìà	zhì	tóngnán	tǎngruò
НИЗ	ДО	МАЛЬЧИК	ДЕВОЧКА
不	会	造	炮,
bú	huì	zào	pào,
НЕ	МОЧЬ	СОЗДАВАТЬ	ПЕТАРДА
残	即	傻。	非
cán	jí	shǎ.	fēi
ЖЕСТОКИЙ	TO	ГЛУПОЙ	НЕ

Если никто от стариков и детей из Яньэрчжуана не умеет запускать петарды, то это если не жестоко, то глупо. (Фэн Цзицай. Запустим парные петарды)

Кроме того, следует упомянуть особую конструкцию 爱 ài + гл. + 不 bù/bú + гл. («хочешь делай, хочешь не делай»). Она также входит в число стяжённых предложений и указывает на свободный выбор. Фактически данная конструкция содержит два гипотетических предложения: «если..., то...» и «если не..., то не...». Иногда эта конструкция передаёт негативную коннотацию [23, с. 176].

56)

这句	话	也许	说	得
Zhè.jù	huà	yěxū	shuō	de
ЭТО.CL	ФРАЗА	ВЕРОЯТНО	ГОВОРИТЬ	PTCL
太	深奥	了	一些,	随便
tài	shēn'ào	le	yìxiē,	suíbiàn
СЛИШКОМ	ГЛУБОКИЙ	PFV	НЕМНОГО	ВСЕ РАВНО
吧！	你	爱	懂	不
ba!	Nǐ	ài	dǒng	bù

...
 PTCL ТЫ **ЛЮБИТЬ** ПОНЯТИЕ
 ...
 ...
 ...
 ...
ПОНЯТИЕ
ПОНЯТИЕ

Эта фраза, вероятно, слишком трудна для понимания. Мне все равно! Если понимаешь, значит, понимаешь; если не понимаешь, значит, не понимаешь. (Лао Шэ. Моя жизнь)

Русский язык

В русском отрицание с помощью условия возможно благодаря предлогу «без» [24, с. 105]. Он указывает на условие появления события, отсутствие которого определяет невозможность действия. Сказуемое в таком случае имеет отрицательную форму или стоит в форме пассива [10, с. 122]:

57) **Без** таких сомнений я и шагу ступить не могу. (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей) = Если нет таких сомнений, я и шагу ступить не могу.

Кроме того, допускается использование частицы «нет», которое употребляется в предложении с неглагольными структурами [10, с. 142]:

58) **Нет уроков — нет двоек**, и задачка решена! (Симон Соловейчик. Ватага «Семь ветров») = Если нет уроков, значит, нет двоек, и задачка решена!

59) Трудное положение! **Нет билета, нет кораблика**. (Юрий Дружков (Постников). Приключения Карандаша и Самоделкина) = Трудное положение! Если нет билета, значит, нет кораблика.

Заключение

Проведённое исследование позволило обнаружить нестандартные способы передачи выражения условия без использования всем известных маркеров условных и безусловных придаточных, то есть союзов. Несмотря на то что для каждого случая как в китайском, так и в русском языке было подобрано лишь по одному примеру, этими примерами удалось чётко отразить условный и безусловный контекст. Немаловажную роль сыграла интерпретация примеров предложений на двух языках, благодаря которым было наглядно показано, как выглядели бы предложения при прототипическом оформлении условия.

Материал может быть полезен как лингвистам, так и изучающим китайский язык или русский язык как иностранный. Появляется возможность использовать разнообразные лексические средства для передачи смысла в процессе речевого общения как в письменной, так и в устной форме.

Список условных сокращений

PTCL — частица

LOC — пространственный послелог

RES — дополнительный элемент с указанием на результат

COP — связка

PRG — показатель настоящего момента совершения действия

BA — показатель постановки дополнения перед глаголом

CL — счётное слово

PFV — результативная частица

VEN — дополнительный элемент направления движения к говорящему

MOD — модальная частица

IT — дополнительный элемент направления движения от говорящего

INT — усилитель

COMPL — указание на завершение действия

инт. — интерпретируется как...

Библиография

1. Типология условных конструкций / под. ред. В.С. Храковского. СПб.: Рос. акад. Наук; Ин-т лингвистических исследований; Наука, 1998. 583 с.
2. Wang Li. Zhongguo yufa lilun. Beijing: Zhonghua shuju, 2015. 465 p.
3. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.
4. Lü Shuxiang. Zhongguo wenfa yaolüe. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1945. 214 p.
5. Xinbian xiandai hanyu / Ed. by Zhang Bin. Shanghai: Fudan daxue chubanshe, 2002. 587 p.
6. Li Jinxi. Xinzhu guoyu wenfa. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1947. 396 p.
7. Xiandai hanyu babai ci / Ed. by Lü Shuxiang. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1999. 760 p.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Рос. акад. наук; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова; ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
9. Современный русский язык / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Московского университета, 1957. 515 с.
10. Ван Лань. Средства выражения условных отношений в современном русском языке: функционально-семантический подход / дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2024. 210 с. URL: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=5938> (дата обращения: 26.08.2024).
11. Hanyu fuju yanjiu / Ed. by Xing Fuyi. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2001. 696 p.
12. Wang Li. Wangli quanji. Beijing: Zhonghua shuju, 2014. 464 p.
13. Wu Song. Shilun wutiaojian rangzhuanju // Jianghan daxue xuebao (renwen kexue ban). 2011. No 30(01). Pp. 85–90.
14. Пекелис О.Е. Условные придаточные // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2017. URL: http://rusgram.ru/Условные_придаточные (дата обращения: 26.08.2024).
15. Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei. Shiyong xiandai hanyu yufa. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2004. 1005 p.
16. Jing-Schmidt Z. What are they good for? A constructionist account of counterfactuals in ordinary Chinese // Journal of Pragmatics. 2017. No 113. Pp. 30–52.
17. Горелов В.И. Грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1982. 280 с.
18. Семантика и типология императива. Русский императив / отв. ред. В.Б. Касевич. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
19. Lai-Shen Cheng, L., Giannakidou, A. The Non-uniformity of Wh-indeterminates with

- Polarity and Free Choice in Chinese // Strategies of Quantification. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 123–152.
20. Hu Yushu. Xiandai hanyu. Shanghai: Shanghai jiaoyu chubanshe, 1981. 568 p.
21. Lai-Shen Cheng, L., James Huang, C.-T. Two types of donkey sentences // Natural Language Semantics. 1996. No. 4(2). Pp. 121–163.
22. Haspelmath, M., König, E. Concessive conditionals in the languages of Europe // Adverbial Constructions in the languages of Europe. Berlin: De Gruyter, 1998. No. 3. Pp. 563–640.
23. Huang Borong, Liao Xudong. Xiandai hanyu (xiace). Beijing: Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2002. 334 p.
24. Нерушева Т.В. ФСП условия и разнородные средства его выражения в русском и английском языках // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5-2 (64). С. 102–109.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сопоставительный характер лингвистических исследований наиболее продуктивен и действенен. Общая направленность подобных изысканий касается практической оценки языка. На мой взгляд, это является серьезным подспорьем для дальнейшего становления науки, развития ряда дисциплин связанных с вариантным анализом естественной системы. Автор обозначает, что «в статье проводится сопоставление паратактического оформления условия и безусловности на материале китайского и русского языков. Всего выделено 5 способов выражения с одним или несколькими вариантами указания на условие и безусловность, а также особые случаи выражения данных значений, не входящие ни в одну из групп». Вектор целевого положения выверен, конструктивность намечена и определена. Задача сводится к верификации сравнительной характеристики паратактического оформления условия и безусловности на материале китайского и русского языков. Считаю, что предмет исследования соотносится с одной из рубрик издания, серьезных противоречий нет. Стиль наррации сведен к собственно научному типу: например, «Наречие 必/须/必须 bì/xū/bìxū (должен) как показатель условия был упомянут Люй Шусяном. Он входит в число слов, передающих реальное необходимое условие. Если в первой части таких предложений передаётся условие, то во второй части — время [4, с. 98]; [4, с. 156]. Позднее Ван Ли дополнил, что наречие 必 bì (должен) употребляется для передачи стяжённой формы условия. Стяжённая форма представляет собой предложение с чёткой структурой, которое не содержит фразовых пауз и где сказуемые образуют валентность с одним и тем же подлежащим [2, с. 114]», или «В русском языке аналогом для наречия 必须 bìxū (должен) может послужить глагол «стоить». Согласно словарю С. И. Ожегова, он указывает на требование осуществления чего-либо или наличие смысла в совершении действия [8, с. 768]. Е. М. Галкина-Федорук в свою очередь утверждает, что «стоить» используется в безличной форме и ставится после инфинитива для указания на условно-временные или условно-следственные отношения [9, с. 347]; [9, с. 409]», или «Числительное — 一/yì/yí (один) указывает на временную непосредственность, но в то же время имеет значение гипотетичности, а при указании на будущее эта гипотетичность проявляется ещё сильнее. В этом случае слово приобретает значение «стоит только», «если только» [4, с. 143-144]. В современном языке числительное — 一/yì/yí (один) встречается в сочетании с коррелятом 就 jíù (то). Наличие условия, например,

подтверждает Син Фуи, который допускает добавление к конструкции —.....就..... yì/yí... jiù... (как только..., то тогда) других элементов, например, условного союза 只要 zhǐyào (если только)...» и т.д. В работе достаточное количество примеров, автору удается аргументировать позицию / собственный взгляд на проблему. Актуальным является и подход, который методологически оправдан. Материал, на мой взгляд, может быть применен в вузовской практике, не исключаю, что ряд тезисов целесообразно развернуть в новых исследованиях тематически смежной тематики. Базовые блоки (основная часть) имеют аналитический тон: например, «примеры с аспектуальной частицей 了 le в качестве показателя гипотетичности приводил ещё Ли Цзиньси. В их число входят примеры с постановкой 了 le как в придаточной, так и главной части [6, с. 312]. Факт условности в предложении с 了 le впоследствии подтвердил Ван Ли. В таком случае происходит перемешивание предложения и будущего. Если употреблять частицу 了 le в зависимой (условной) клаузе, то это будет означать завершённость условия свершения того или иного события [2, с. 162]...» и т.д. Ссылки и цитации верифицированы; общие требования издания учтены. Научный ритм сопоставлений выдержан, цель как таковая достигнута. Автор приходит к выводу, что «проведённое исследование позволило обнаружить нестандартные способы передачи выражения условия без использования всем известных маркеров условных и безусловных придаточных, то есть союзов. Несмотря на то что для каждого случая как в китайском, так и в русском языке было подобрано лишь по одному примеру, этими примерами удалось чётко отразить условный и безусловный контекст. Немаловажную роль сыграла интерпретация примеров предложений на двух языках, благодаря которым было наглядно показано, как выглядели бы предложения при прототипическом оформлении условия». Используемый список источников полновесно введен в текст работы, правка излишня. Статья «Сравнительная характеристика паратактического оформления условия и безусловности на материале китайского и русского языков» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Платицын А.В. Интермедиальный «след» античности в интерфейсе современных стриминговых сервисов (случай Авроры Акснес) // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71471 EDN: YMLMCG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71471

Интермедиальный «след» античности в интерфейсе современных стриминговых сервисов (случай Авроры Акснес)

Платицын Александр Владимирович

магистр; кафедра Журналистики, медиакоммуникаций и рекламы; Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, ул. Зеленый Проспект, 66А, каб. 311

✉ alexanderplatitsyn@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71471

EDN:

YMLMCG

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2024

Аннотация: Предметом исследования является Canvas-видео норвежской исполнительницы Авроры Акснес (AURORA) на платформе Spotify. Объектом исследования является презентация античной эстетики в интерфейсе стриминговых сервисов и творчество артистки. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как генезис интермедиальности, ее связь с представлением об экфрасисе в античной риторике, а также бессознательный характер заимствования (реконструирования) визуальных образов в новых медиа. Отмечается корреляционный характер некоторых художественных средств, маркирующих как современные формы экфрасиса, так и более конвенциональные примеры его использования. Рассматривается килик художника-вазописца Аполлодора как частный пример древнегреческой росписи, подсознательно воспроизведимой в процессе имитации античной эстетики в музыкальном клипе. Особое внимание уделяется эстезису субкультурных течений в цифровом пространстве, их специфике в контексте воспроизведения эстетических впечатлений. В процессе подготовки исследования были задействованы описательный, контрастивный, семантико-

стилистический и компаративистский методы, а также метод экстраполяции. Основными выводами проведенного исследования являются наличие реминисценции краснофигурной вазописи в оформлении Canvas-видео, метамодернистский характер интермедиального послания и его потенциал в области генерации социальных общностей. Особым вкладом автора в исследование темы является оригинальное описание четырех уровней взаимодействия послания с его умозрительным источником. Также приведены авторские художественные переводы некоторых текстов исполнительницы, особенно важных в рамках настоящей работы. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении и анализе до сих пор не изученных аспектов публичного позиционирования на стриминговых платформах. Новым элементом в современной научной парадигме также представляется идея соотношения медиастратегии отдельных лидеров мнений с феноменом образования малых социальных групп (субкультур) на почве эстетических ассоциаций. Приводится ряд перспективных направлений для дальнейших научных изысканий в области теории и практики экфрасиса, интермедиальности и методологии публичного позиционирования.

Ключевые слова:

эстезис, интермедиальность, новые медиа, медиастратегия, Canvas-видео, экфрасис, AURORA, Spotify, dark academia, субкультура

Цифровому обществу свойственна повышенная динамика социального контекста. Современный человек обладает неограниченным доступом ко всякого рода информационным потокам разной степени значимости и, что немаловажно, достоверности. Естественным образом возрастает уровень социальной тревожности, беспокойства о неуловимом настоящем и плохо прогнозируемом будущем. Эти условия обращают фокус внимания новых культурных сообществ в сторону эстетического освоения мира; если угодно, сетевого эскапизма. То, что исследователи информационного общества называют «визуальным поворотом», провоцирует изменение перцептивных свойств отдельных социальных групп — активных пользователей сетевых платформ. Когда традиционные институты переживают системный кризис, на авансцену выходят малые группы без установленных границ и с довольно низким порогом вхождения.

Особое значение в контексте философии субкультуры несет понятие эстезиса (др.-греч. αἴσθησις) — термина, охватывающего область априорного самосознания малых социальных групп. По Маффесоли, эстезис включает в себя ощущение эмоциональной сопричастности как основание групповой идентичности, объединяющей последователей субкультуры при помощи сходных бессознательных реакций. Также эстезис понимается как процесс эстетизации явлений жизни участниками автономного сообщества [1]. Актуализация эстезиса в наше время происходит благодаря высвобождению мультисенсорного воздействия на индивида, которое также активизирует эстетическое чувство. Интенсификация личных переживаний, впечатлений сопряжена с воспроизведением так называемой «атмосферы», что в разрезе новых медиа означает «пространственный носитель настроения» [2]. Нетрудно обнаружить и конкретные проявления «атмосферы». Например, в конце года музыкальные сервисы формируют для своих пользователей индивидуальные плейлисты, называемые «музыкальной аурой».

В этой статье мы рассмотрим наглядный пример интермедиальной связи античной эстетики и современных коммуникативных платформ. Важно заметить, что частный случай

«музыкальной ауры» демонстрирует лишь одно из возможных средств репрезентации переживания в новых медиа. Наряду с ним существует синкетический формат Canvas-видео, разработанный стриминговым сервисом Spotify. Он позволяет зацикливать 8-секундные клипы для отображения в интерфейсе конкретной музыкальной записи. Инструмент создан для артистов, размещающих музыкальные релизы на платформе, что позволяет им экстенсивно развертывать эстетический спектр. Иными словами, площадка дает им возможность задействовать больше передовых механик для усовершенствования стратегии публичного позиционирования и укрепления эмоциональной связи. «Добавляйте новый Canvas всякий раз, когда вас что-то вдохновляет», — предлагают разработчики [3]. Ролик также дополняется характерными эффектами мерцания, имитации старой пленки или ряби для визуализации ритмического рисунка.

Обращение к античности в контексте интермедиальности неслучайно. Впервые ее прообраз возникает в риторике, где понятие экфрасиса (др.-греч. ξέφρεσις) описывает средство выражения одного медиа через другое. Чаще всего речь идет о переложении внешних характеристик объекта визуального искусства на словесное творчество, о выражении пластического средствами языка. О. А. Джумайло, рассуждая о гранях интермедиальности в современном академическом дискурсе, пишет следующее: «...интермедиальность как феномен взаимодействия различных искусств, каналов передачи информации, эстетических впечатлений и эмоционального опыта осмысливается еще со времен античности. <...> Уже Квинтилиан и Лонгин подчеркивали значение визуальных образов в создании особых эмоций и чувства возвышенного» [4].

Одним из классических примеров экфрасиса принято считать «Оду к греческой вазе» Джона Китса, где английский поэт прибегает к описанию изображений, выполненных античным мастером. Этот случай интересен нам отнюдь не только ввиду его конвенциональности, но прежде всего в связи со спецификой китсевского экфрасиса. Характеристика древних рисунков сопровождается в тексте рядами риторических вопросов:

О чем по кругу ты ведешь рассказ?
То смертных силуэты иль богов?
Темпейский дол или Аркадский луг?
Откуда этот яростный экстаз?
Что за погоня, девственный испуг?
Флейт и тимпанов отдаленный зов?

(перевод Г. Кружкова) [5, С. 28-30]

Представленный фрагмент демонстрирует существенную дистанцию между экфрасисом и реалистическим письмом. Ведь Китс, кроме того, что ни разу не упоминает в тексте оды слово «ваза», использует зримую реальность античной вазописи в качестве катализатора лирических эмоций. Читатель принимает образ вазы уже вторично, в соответствии с диапазоном чувств, заданным в стихе. Авторское допущение, регулируемый отступ от пластики объекта восприятия наводит исследователей на мысль о вторичности источника. По замечанию Е. А. Королёвой, «...подробное описание вазы подменяется альтернативным образом, созданным воображением поэта и способствующим обнаружению того, что не явлено. Античная ваза ассоциируется у поэта с быстротечностью времени и вечностью искусства» [6]. Здесь для нас важно подчеркнуть, что трактовка искусной формы вариативна, и эта вариативность представляется нам сущностной чертой экфрасиса, отчетливо просматриваемой в новых

медиа. Кроме того, поскольку чтение объекта интерпретации (источника) с дословной точностью невозможно, то читатель-реалист при соприкосновении с экфрасисом неизбежно столкнется с ретардацией; в свою очередь, авторское прочтение, напротив, активизирует эмоциональную мотивацию и обнаруживает новые пути взаимной ассоциации. Элемент частного переживания упрощает механику социализации, образование мелких «групп по интересам» на почве эстетической общности (эстезис).

Парадигма цифровых медиа не только распространяет само явление интермедиальности на новые информационные носители, но и способствует утверждению его многомерности. Художественный текст-экфрасис «цитирует» источник, обретает самостоятельную ценность вследствие его интерпретации; в то время как цифровое медиа инкорпорирует источник, обращая его в иное, автономное эстетическое измерение, функционирующее в симбиозе таких «изъятых» источников. Исходя из практики вербального творчества, мы предполагаем, что подобно тому, как античная эстетика пробуждает лирическое переживание Джона Китса, она так же способна провоцировать психологические реакции малых аудиторий. Поскольку аудиовизуальная перцепция представляется нам основой нынешней сетевой эстетики, на место писателя приходит поп-артрист, а классические формы поэтического творчества на бумажных носителях вытесняются «бегущей строкой» лирик-видео.

Наглядным примером такого рода может служить музыкальное творчество норвежской певицы Авроры Акснес (AURORA). Сценический псевдоним артистки отсылает к римской богине утренней зари, которая соответствует древнегреческой Эос. Публичная стратегия исполнительницы включает в себя выраженный акцент на мифологическом аспекте ее текстов, который находит отражение и в визуальном оформлении. Например, в ее репертуаре можно встретить такие сочинения, как Artemis. Композиция посвящена авторскому прочтению образа Артемиды. Представление о богине охоты раскрывается теми же средствами, что и в оде Джона Китса. Здесь не предпринимается попытки реконструировать образ Артемиды, сохранив его каноническую оболочку. Артистка лишь транслирует субъективное ощущение божественной сущности. Примечательно, что она также использует череду риторических вопросов:

What will you do when she	Что ты решишь, когда она осушит
drinks the sea?	море?
Drown her in sorrow or let her	Запрешь в печаль или позволишь
be free?	быть свободной?
When she's upset, all of her	Когда она расстроена, все ее сердце
heart is cold	спит во льду
What will you do when she	Что ты решишь, когда она возьмет
eats the moon?	Луну?
Make her return it or give her a	Вернешь ее назад или предложишь
spoon?	утварь?
When she is full, all of her	Когда она сыта, все ее сердце тлеет
heart is warm	углем

(оригинальный текст) [\[7\]](#)

(перевод наш — А.П.)

Анализ используемых визуальных средств предоставляет нам не менее занятные артефакты публичной стратегии. AURORA использует технологию Canvas-видео для сопровождения своих релизов на стриминговой платформе Spotify. Осеню 2021 г. она анонсировала новое 8-секундное видео, воспроизводимое в интерфейсе при

прослушивании песен Cure For Me и Runaway (отметим, что видеоряд не вполне самостоятелен — он взят из опубликованного в то же время клипа на песню Giving In To The Love). Рассматриваемый Canvas представляет собой артистическую имитацию древнегреческой скульптуры: актрисы в декоративных одеяниях, напоминающих короткий хитон, изображают античную сцену (см. рис. 1).

Важно обратить внимание на фон и цветовую гамму ролика. Фигуры, подсвеченные цветом жженого апельсина, контрастируют с темным задним планом. Это решение неслучайно — именно такой баланс цветов мы встречаем на различных объектах пластических искусств времен античности. Здесь цветовая гамма дополняет эффект имитации, поскольку с ее помощью режиссер клипа включает колориметрические данные в сетку восприятия, а также симулирует методику краснофигурной вазописи в трехмерном игровом пространстве. На этом этапе рассуждений допустим, что один из возможных источников имитируемого образа — килик «Две гетеры» (ок. 490-480 гг. до н.э.) [8], приписываемый художнику-вазописцу Аполлодору и хранящийся в Национальном археологическом музее Тарквинии, Италия (см. рис. 2).

Рис. 1. Скриншот Canvas-видео AURORA (2021)

Рис 2. «Две гетеры» (ок. 490-480 гг. до н.э.)

Итак, явление интермедиальности генетически связано с древней традицией переложения одной искусственной формы на другую и восходит к методологии экфрасиса. В рамках описанного нами примера Canvas-видео предстает интермедиальным посланием, направленным на интенсификацию ассоциативных рядов и воссоздание определенного семантического поля вокруг артистки. Эта цифровая форма взаимодействует с объектом интерпретации (источником) на четырех уровнях: 1) цветовая игра (опосредованно, через симуляцию цветовой гаммы, соотношение цветов в пространстве, достижение определенных оттенков путем цветокоррекции); 2) образный ряд (обращение к умозрительному источнику через моделирование абстрактного античного сюжета усилиями съемочной группы и актерского состава); 3) интертекстуальная отсылка (античный сюжет дополняется внутренним по схеме: «источник → клип → Canvas»); 4) графика (изображение внутри Canvas «подмигивает» зрителю, то исчезая, то появляясь вновь, производя визуальный эффект дежавю).

Как мы уже заметили, эстетический потенциал экфрасиса раскрывается в более точном приближении ввиду лирического чувства, которое передается читателю (зрителю) средствами авторского прочтения источника. Указанная закономерность частично распространяется на приведенный случай AURORA. Сопоставление Canvas-видео и античного килика не позволяет говорить об оптическом тождестве: героини видеоролика одеты, одна из них ставит стопу на колено другой. Этих элементов мы не встречаем в потенциальном референсе. Также в музыкальном клипе актриса держит в руке плод, в то время как гетера на килике несет медицинский сосуд. Особенно интересно, что сцена в музыкальном клипе тоже отличается от аналогичной в Canvas — фрукт в них держат разные девушки, что позволяет говорить о возможной актерской импровизации. Изображение на килике является частью трехактного художественного сюжета о различных формах туалетных процедур. Невзирая на то, что в музейном описании допускается эротический подтекст рисунка, более убедительной представляется иная версия. С точки зрения Ж.-П. Декодра, изображения следует трактовать как эпизоды «более гуманного метода» интимной депиляции. Исследователь указывает, что оба метода, отраженные на посудах, есть не что иное, как наглядная иллюстрация к фразе «красота требует жертв» [9].

Можно заключить, что рамка умозрительного в музыкальном клипе служится до типической для древних рисунков позиции, выражающей готовность к взаимопомощи, и не оставляет места версии буквального копирования, или даже непосредственного знакомства с источником. Здесь исторический сеттинг и цветовая игра концептуализируют фигуральное высказывание о взаимоподдержке и гуманности. В этом смысле показателен фрагмент текста Giving In To The Love, который AURORA исполняет в момент появления девушек в кадре:

Someone out there is trying To find somebody whole, who is not dying But everybody cries and nobody comforts The television lies and now my mind hurts	Некто вовне стремится отыскать Того, кто цел и не согласен умирать Но все ревут, и нет кругом отрад И телевизор врет, и ноет голова (перевод наш — А.П.)
--	--

(оригинальный текст) [10]

Наш обобщающий вывод заключается в том, что корректное прочтение авторского замысла возможно лишь в контексте его соотношения с реминисценцией древнегреческой эстетики. В нашем случае речь идет не о сознательном заимствовании, но об имплицитной цитате, нацеленной прежде всего на графическое подобие, взятое из эмоционального опыта артистки. Также прототип насыщается собственным восприятием — исполнительница достраивает архетипический образ путем обращения к актуальному информационному контексту, что представляет собой классический пример метамодернистской культурной практики [11]. По словам О. С. Безручко, «границы реминисценции зачастую бывают весьма абстрактны, умозрительны. Ведь, по сути, речь идет об источнике вдохновения автора. Осознанно или нет, мы черпаем вдохновение в зрительных образах, которые нас окружают, или виденных в прошлом» [12].

Изначально клип был опубликован на фоне всемирной пандемии, что формирует его семантическое поле как, с одной стороны, трагической констатации внешнего мира, с другой — лирического зова к человеку. «Думаю, мы более изолированы друг от друга,

чем когда-либо; огромное количество людей одиноки», — объясняет артистка. Она отмечает, что ее «спиритический» творческий метод не позволяет ответить на все вопросы. «Однако это нечто, усиливающее все, чем являюсь я сама и мир вокруг меня. Это помогает мне испытывать эмпатию, или даже что-то глубже эмпатии — глубокую потребность расслышать внешний мир», — заключает она [13]. Лейтмотив страдания и, как следствие, утешения является краеугольным камнем образования малых социальных групп, конструкции эстетической идентичности в контексте глобальных потрясений. Интермедиальность предоставляет оригинальный набор инструментов для презентации этих потрясений и воссоздания иллюзорных «стен» цифровой субкультуры. Частный случай, проанализированный нами в тексте настоящей статьи позволяет также проследить инерцию субкультурной идентичности. Песни AURORA нередко встречаются в тематических плейлистиках, посвященных субкультуре dark academia [14, 15]. Потенциал древнегреческой эстетики в ее сочинениях резонирует с предпочтениями последователей субкультуры, в значительной мере основанной на героике и формах античного искусства. Таким образом, интермедиальная практика высвобождает бессознательные реакции аудитории, воссоздавая тем самым новые ассоциативные связи в границах сетевого эстезиса.

Особый интерес для дальнейших научных изысканий в рамках предметной области представляет исследование нарративной структуры текстов исполнительницы, поиск новых интертекстуальных связей с древними мифами. Кроме того, перспективными направлениями изучения нам видятся современные формы экфрасиса, методы публичного позиционирования артистов в других музыкальных сервисах, а также иные частные случаи интермедиальных практик.

Библиография

1. Ильин И. П. Эстезис // Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН: INTRADA, 2001. С. 368.
2. Беме Г. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики // Журнал Metamodern / Пер. с англ. Стаса Онисенко. 2018. URL: <https://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics>
3. Canvas: show fans something new // Spotify. 2024. URL: <https://artists.spotify.com/en/canvas>
4. Джумайло О. А. Понятие интермедиальности и его эволюция в современном научном знании // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 58-62.
5. Китс Д. Стихотворения и поэмы: Пер. с англ. / Сост., вступ. статья, comment. И. Шайтанова. Худож. И. Шипулин. М.: Худож. лит., 1989. 319 с.
6. Королёва Е. А. Литературно-художественные источники формирования экфрасиса в прерафаэлизме // Вестник КГУ. 2008. № 2. С. 214-218.
7. Artemis lyrics: AURORA // Genius. 2022. URL: <https://genius.com/Aurora-artemis-lyrics>
8. Vase 352439, ATHENIAN, Tarquinia, Museo Nazionale Tarquiniese // Classical Art Research Centre. University of Oxford. 2024. URL: <https://www.beazley.ox.ac.uk/record/AEEB6EDD-D551-4683-879E-1392B4E3B9FE>
9. Descoedres J.-P. ΉΔΙΣΤΟΣ ΔΑΙΜΩΝ // Antichthon. 1981. Vol. 15. pp. 8-14. DOI: 10.1017/S0066477400004512
10. Giving In to the Love lyrics: AURORA // Genius. 2021. URL: <https://genius.com/Aurora-giving-in-to-the-love-lyrics>
11. Подлёднов Д. Д., Казанцева Е. Д. Тенденции метамодернизма в живописи Адама Миллера // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2024. № 2 (58). С. 55-71.
12. Безручко О. С. Реминисценция и язык постмодернизма // Известия РГПУ им. А. И.

Герцена. 2011. № 127. С. 195-199.

13. AURORA: We are ruining so much of what is special about us // Dork. 2024. URL:
<https://readdork.com/features/aurora-dork-play-cover-may-24/>

14. dark academia but make it pop // Spotify. 2024. URL:
<https://open.spotify.com/playlist/3rrIuEmvcxzC92IDptpe9M>

15. Dark Academia playlist // Amazon Music. 2024. URL: <https://music.amazon.com/user-playlists/c4d0c2f76f654163818c1d2195f081cdsune>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Оценка и анализ цифрового пространства являются необходимым условием совершенствования, обновления контента, улучшения коммуникативной составляющей. В рецензируемой статье рассмотрен наглядный пример интермедиальной связи античной эстетики и современных коммуникативных платформ. Автор отмечает, что «частный случай «музыкальной ауры» демонстрирует лишь одно из возможных средств репрезентации переживания в новых медиа». Постановка проблемы достаточно интересна, определенный конструктивный ценз исследователем обозначен. Структура данного труда имеет относительно выровненный характер, ориентир на жанр собственно научного изыскания имеется. Уместны, на мой взгляд, отсылки к т.н. информационно-теоретическим блокам, они позволяют сформировать базис, который далее развернут в сопоставлении с практикой: «обращение к античности в контексте интермедиальности неслучайно. Впервые ее прообраз возникает в риторике, где понятие экфрасиса (др.-греч. Εκφράσις) описывает средство выражения одного медиа через другое. Чаще всего речь идет о переложении внешних характеристик объекта визуального искусства на словесное творчество, о выражении пластического средствами языка», или «парадигма цифровых медиа не только распространяет само явление интермедиальности на новые информационные носители, но и способствует утверждению его многомерности. Художественный текст-экфрасис «цитирует» источник, обретает самостоятельную ценность вследствие его интерпретации; в то время как цифровое медиа инкорпорирует источник, обращая его в иное, автономное эстетическое измерение, функционирующее в симбиозе таких «изъятых» источников» и т.д. Стиль работы соотносится с научным типом, термины / понятия используются в режиме унификации, серьезных фактических нарушений не выявлено. Суждения по ходу текста объективны, примечательна для работы и должна аргументация того или иного положения: «цифровому обществу свойственна повышенная динамика социального контекста. Современный человек обладает неограниченным доступом ко всякого рода информационным потокам разной степени значимости и, что немаловажно, достоверности. Естественным образом возрастает уровень социальной тревожности, беспокойства о неуловимом настоящем и плохо прогнозируемом будущем», или «исходя из практики вербального творчества, мы предполагаем, что подобно тому, как античная эстетика пробуждает лирическое переживание Джона Китса, она так же способна провоцировать психологические реакции малых аудиторий. Поскольку аудиовизуальная перцепция представляется нам основой нынешней сетевой эстетики, на место писателя приходит поп-артрист, а классические формы поэтического творчества на бумажных носителях вытесняются «бегущей строкой» лирик-видео» и т.д. Считаю, что статья может стать неким подспорьем для создания новых исследований в смежно-тематическом русле. Анализ интермедиальной активности певицы AURORA дается конструктивно, обстоятельно:

например, «в рамках означенного нами примера Canvas-видео предстает интермедиальным посланием, направленным на интенсификацию ассоциативных рядов и воссоздание определенного семантического поля вокруг артистки. Эта цифровая форма взаимодействует с объектом интерпретации (источником) на четырех уровнях: 1) цветовая игра (опосредованно, через симуляцию цветовой гаммы, соотношение цветов в пространстве, достижение определенных оттенков путем цветокоррекции); 2) образный ряд (обращение к умозрительному источнику через моделирование абстрактного античного сюжета усилиями съемочной группы и актерского состава); 3) интертекстуальная отсылка (античный сюжет дополняется внутренним по схеме: «источник → клип → Canvas»); 4) графика (изображение внутри Canvas «подмигивает» зрителю, то исчезая, то появляясь вновь, производя визуальный эффект дежавю)» и т.д. Основная цель исследования достигнута, материал имеет актуальный характер, авторская точка зрения доступна и объективна. В финальном блоке отмечено, что «что корректное прочтение авторского замысла возможно лишь в контексте его соотношения с реминисценцией древнегреческой эстетики. В нашем случае речь идет не о сознательном заимствовании, но об имплицитной цитате, нацеленной прежде всего на графическое подобие, взятое из эмоционального опыта артистки. Также прототип насыщается собственным восприятием — исполнительница достраивает архетипический образ путем обращения к актуальному информационному контексту, что представляет собой классический пример метамодернистской культурной практики...», «Частный случай, проанализированный нами в тексте настоящей статьи позволяет также проследить инерцию субкультурной идентичности. Песни AURORA нередко встречаются в тематических плейлистиках, посвященных субкультуре dark academia [14, 15]. Потенциал древнегреческой эстетики в ее сочинениях резонирует с предпочтениями последователей субкультуры, в значительной мере основанной на героике и формах античного искусства». Основные требования издания учтены, дополнений и специальных корректировок текст не требует. Материал уместно использовать при изучении дисциплин связанных с теорией и историей медиа-культуры. Рекомендую статью «Интермедиальный «след» античности в интерфейсе современных стриминговых сервисов (случай Авроры Акснес)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Мельникова Л.А. Наполеоновская тема в повести А. Зегерс «На Гваделупу вернулось рабство» в контексте традиций Ф.М. Достоевского // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71520 EDN: YMMFYL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71520

Наполеоновская тема в повести А. Зегерс «На Гваделупу вернулось рабство» в контексте традиций Ф.М. Достоевского

Мельникова Любовь Александровна

ORCID: 0000-0001-5257-6069

кандидат филологических наук

доцент; кафедра филологических дисциплин; Балашовский институт (филиал), Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

412300, Россия, Саратовская область, г. Балашов, ул. Карла Маркса, 29

[✉ Imelnikova5@mail.ru](mailto:Imelnikova5@mail.ru)

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71520

EDN:

YMMFYL

Дата направления статьи в редакцию:

19-08-2024

Аннотация: Предметом исследования являются особенности раскрытия наполеоновской темы в повести А. Зегерс «На Гваделупу вернулось рабство» в контексте развития традиций Ф.М. Достоевского. Это произведение относится к числу так называемых «негритянских» повестей Анны Зегерс. В основе развития описываемых в произведении событий лежит антагонизм и проблема взаимного неприятия черных и белых. Проблема угнетенного положения негров в повести тесно связана с образом Наполеона. В своих литературно-критических статьях А. Зегерс неоднократно обличала наполеоновскую концепцию власти. Писательница размышляла о ней в рамках анализа творческого наследия Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. В данной статье раскрытие наполеоновской темы в повести А. Зегерс рассматривается в контексте традиций Ф.М. Достоевского. Автор использует следующие методы исследования художественного произведения: метод структурного анализа, метод целостного анализа, метод

сравнительного анализа. В результате проведенного исследования установлено, что образ Наполеона в данном произведении воссоздается посредством использования несобственно-прямой речи, выразительных деталей, прямых и косвенных характеристик, даваемых ему другими персонажами. Следование традициям Ф.М. Достоевского в данном произведении проявилось в том, что, во-первых, А. Зегерс воссоздает образы героев-идеологов Бове и Беранже, для которых служение общественному долгу, размышления о судьбах человечества (на примере населения Гваделупы) доминируют над личными интересами. Во-вторых, как и русский классик, писательница порицает жестокое и неоправданное стремление к власти и величию, основанное на унижении и уничтожении слабых и беззащитных. Но в отличие от романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором Раскольников восхищается Наполеоном как историческим деятелем, немецкая писательница основное внимание сосредотачивает на описании восприятия Бонапарта его современниками. Вследствие этого культ личности Наполеона в основной части повести отсутствует, а в finale произведения он развенчивается посредством использования антитезы с образами Бове и Беранже. В этом заключается своеобразие художественного подхода немецкой писательницы в плане наполеоновской темы в повести «На Гваделупу вернулось рабство»

Ключевые слова:

Зегерс, Наполеон, Достоевский, оппозиция, повесть, рабство, независимость, колонизаторство, негр, Гваделупа

Попытки осмыслиения образа Наполеона, оценки влияния его деятельности на ход французской и мировой истории, судьбы разных людей предпринимались различными писателями XIX-XX веков: Ф. Стендалем, О. де Бальзаком, В. Гюго, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, С. Цвейгом и другими. Примыкает к их числу в данном отношении и немецкая прозаик и публицист Анна Зегерс (Anna Seghers, наст. имя и фамилия Netty Radvanyi, урожд. Reiling, 1900–1983), которая подвергает художественному исследованию последствия колонизаторской политики Наполеона на островах Карибского моря в повести «На Гваделупу вернулось рабство» (1948).

В своих литературно-критических статьях А. Зегерс неоднократно обличала наполеоновскую концепцию власти. Писательница размышляла о ней в рамках анализа творческого наследия двух выдающихся русских писателей XIX века – Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого – в своих статьях «Наполеоновская идеология власти в произведениях Толстого и Достоевского» (*Die napoleonische Macht-Ideologie in den Werken Tolstoi und Dostojewskis*, 1948) и «Идея наполеоновской власти в романах Толстого и Достоевского» (*Die Idee von der napoleonischen Macht in Romanen von Tolstoi und Dostojewski*, 1963). Исследователи творчества А. Зегерс обращали внимание на то, что в своих «негритянских» повестях писательница солидализируется с позицией Ф.М. Достоевского относительно оценки деятельности Наполеона [9, с. 105]. Рассмотрим в настоящей статье, как раскрывается наполеоновская тема в повести А. Зегерс «На Гваделупу вернулось рабство» в контексте влияния традиций вышеназванного русского классика.

Актуальность данного исследования связана, с одной стороны, с возросшим в последние годы интересом отечественного литературоведения к проблеме русского-немецкого литературного диалога XIX-XX веков, о чем свидетельствует серия научных конференций «Россия-Германия: литературные встречи», проводимых на базе ИМЛИ РАН, с другой –

недостаточно подробной и разносторонней изученностью творческого наследия А. Зегерс в отечественной германистике в аспекте заявленной в настоящей статье проблематики.

На творческие параллели в художественных мирах Ф. М. Достоевского и А. Зегерс обращали внимание И. Мишин [\[8\]](#), Г.М. Фридлендер [\[10\]](#), Ю. Леман [\[7\]](#), Г.Г. Ишимбаева [\[5\]](#). Наполеоновская тема в произведениях Ф.М. Достоевского становилась объектом изучения ряда отечественных исследователей – Е. Н. Агашиной [\[1\]](#), Н. А. Горбанева [\[2\]](#), Э.М. Жиляковой [\[3\]](#), Н. Н. Подосокорского [\[9\]](#), специфика же раскрытия наполеоновской проблематики в творчестве А. Зегерс, художественный мир ее повести «На Гваделупу вернулось рабство» предметом отдельного изучения в российском литературоведении пока не становились. Этим обусловлена новизна нашей работы.

Автор статьи использует следующие методы: метод целостного анализа, метод структурного анализа, метод сравнительного анализа художественных произведений.

«На Гваделупу вернулось рабство» относится к числу так называемых «негритянских» повестей А. Зегерс. Центральной в данном произведении является проблема свободы и угнетения чернокожего населения Гваделупы, которая возникает уже в самом начале повести, раскрываясь посредством презентации пейзажных описаний: «Ночь стояла тихая. Где-то за хижиной, невидимое и неслышное, притаилось море. В мирном сиянии луны неглубокая котловина казалась озером, а прилепившаяся к ее краю хижина – лодкой. Тени одиноких, до самых верхушек оголенных пальм чертили на поверхности решетку. Как ни слаб был ветер, он издавал своеобразный шум, колебля перистые листья пальм, – словно потрескивание скрытого пожара» [\[4, с. 163\]](#).

Сравнение моря с озером, на наш взгляд, указывает на территориальную, «локальную» ограниченность места действия в данном произведении, также оно показывает, что на момент начала описываемых в тексте событий атмосфера на острове внешне является относительно спокойной. Уподобление хижины лодке, с одной стороны, акцентирует неустойчивость положения негров, которых может «носить» по волнам последствий политических бурь, происходящих в родной стране их колонизаторов, с другой – намекает на наличие у чернокожих надежды на возможность выбора ими пути своего дальнейшего развития.

Общая умиротворяющая атмосфера первой части вышеприведенного ночного пейзажного описания резко диссонирует со второй частью, в которой возникают мотивы одиночества, тревоги, отчаянной импульсивности. Этому способствуют образы одиноких пальм, тени которых рисуют на поверхности озера решетку. Эта деталь дает читателю понять, что настоящая свобода для негров невозможна, и как покажет дальнейшее развитие событий в произведении одной из причин этого станет приход к власти Наполеона. Прежде чем перейти к анализу непосредственно наполеоновской темы в повести, охарактеризуем персонажный уровень рассматриваемого текста.

Система персонажей повести «На Гваделупу вернулось рабство» полицентрична и основана на оппозиции «черные» – «белые», срединное положение между ними занимают мулаты. Среди героев описываются три протагониста – Бове, адъютант комиссара острова («белый»), Беранже, комендант форта (мулат), Поль Роан («черный»). Создав своеобразный союз, эти три персонажа ведут просветительскую работу среди негров, разъясняя им, какие перемены в их жизнь должно принести постановление Конвента о предоставлении чернокожему населению Гваделупы

возможности разделить между собой поровну землю острова и начать возделывать ее для себя, что, по сути, равносильно отмене рабства. Данных персонажей объединяет не только следование общей цели – добиться свободы для негров – но и то, что каждый из них ставит свой профессиональный и нравственный долг выше личных интересов. Бове отказывается вернуться в Париж, где его безуспешно ждет несколько лет невеста Клодина, Беранже сдержанно общается с внезапно прибывшими на остров супругой и дочерью, так как все его мысли и устремления подчинены цели непосредственной реализации на острове распоряжений Конвента, позволяющих неграм обрести независимость. Оба этих персонажа можно отнести к категории героев-идеологов, поскольку их, как и многих героев Ф.М. Достоевского, судьбы человечества (пусть и в границах небольшого острова в Карибском море) волнуют гораздо больше личных страстей.

В основе развития описываемых в повести событий лежит антагонизм и проблема взаимного неприятия черных и белых. В произведении присутствует мотив высокомерного и презрительного отношения французов к неграм, особо яркое выражение он получает в эпизоде, описывающим прибытие на остров после утверждения во Франции власти Наполеона комиссара Буассере и его секретаря и заместителя Фабиена. Адъютант прежнего комиссара, Бове, не видит во время первой встречи с ними никаких поводов для беспокойства, однако Поль Роан сразу понимает, что приезд данных чиновников принесет на остров недобрые перемены, поскольку улавливает намеки на них в их поведении: «чуть заметный холодок, с каким новые начальники приняли слова Бове о том, что негр, если понадобится, дополнит его доклад. Неуловимая насмешка на лице у обоих во время приветственных обещаний» [\[4, с. 187\]](#).

Поль Роан занимает особое место в системе персонажей данного произведения. Его природная проницательность в повести дополняется указанием на то, что он обучился грамоте. Благодаря этому, «какие бы события ни назревали на востоке, в неведомой ему стране, и как бы по-разному ни воспринимали их люди, Полю Роану было легко составить о них суждение. Куда легче, нежели тем, кто во всем этом варился» [\[4, с. 187\]](#). Приведенная цитата показывает, что Анна Зегерс указанием на данные качества своего персонажа пытается реабилитировать его в глазах читателей, указать на то, что чернокожие в интеллектуальном отношении могут не только не уступать белым, но даже и превосходить их.

Именно посредством несобственно-прямой речи Поля в повести подчеркивается жестокость «белых»: «Поль Роан еще ребенком убедился, что белые ни перед чем не останавливаются, было бы у них желание и власть» [\[4, с. 188\]](#). В то же время представитель ордена иезуитов, отец Дюмерк, проживший на острове сорок лет, обучивший Поля Роана и других чернокожих чтению, стремился на своем примере показать другие варианты поведения европейцев. Монахи его ордена отпустили на волю рабов, принадлежащих монастырю на острове, а сам он неутомимо «старался разъяснять неграм, что корыстолюбие, жажда наслаждений, стремление к власти и жестокость – необязательные свойства христиан с белой кожей» [\[4, с. 186\]](#). Однако поведение колонизаторов на острове зачастую противоречит подобным утверждениям, опровергает их и поведение Наполеона. Последний относится в произведении к категории отрицательных героев. Проблема угнетенного положения негров в повести тесно связана с образом Наполеона. Отметим, что в числе непосредственно действующих в произведении персонажей Наполеон не появляется на страницах повести.

Целостный образ этого персонажа в тексте воссоздается постепенно. Сначала он

возникает в результате эпизодических упоминаний о том, что Бонапарт вернулся из Парижа. Портрет данного героя, сформированный толпой, на начальных порах сводился к тому, что «Бонапарт – совсем еще молодой офицер, который вел революционную армию от победы к победе» [4, с. 190]. Отметим, что в своей повести А. Зегерс делает акцент не столько на презентации личности Наполеона, сколько на описании сущности и последствий проводимой им политики в отношении негритянского населения колонизированных Францией островов. С приходом Наполеона политическая риторика французских властей относительно чернокожего населения Гваделупы мгновенно меняется: «В первых же циркулярах, полученных на Гваделупу, не чувствовалось больше окрыляющего дыхания свободы. Всех должностных лиц в городе и деревне предлагалось сменить» [4, с. 183]. Далее психологический портрет Наполеона дополняется выразительной речевой характеристикой адъютанта коменданта форта Беранже: «Бонапарт терпеть не может негров. Он всегда злится, когда их куда-нибудь назначают или приводят по службе» [4, с. 184]. На возможность грядущих недобрых перемен намекает также циркуляр, полученный комендантом форта, гласящий: «Все указания предыдущего правительства впредь до особого усмотрения объявить недействительными» [4, с. 184]. Прибывшие на Гваделупу новый комиссар Буассере и его секретарь Фабиен становятся своеобразными посланниками Наполеона, стремящимися на острове претворить в жизнь полученные от нового консула указания. Внимательный Поль Роан сразу же догадывается о подлинных целях их визита: «из того, что проскальзывало в их разговорах нетрудно было заключить, что у негров собираются отнять их вольности, урезать их гражданские права» [4, с. 187].

В повести приводится оценка Наполеона, с точки зрения Дюмерка, посредством презентации несобственно-прямой речи последнего, в которой сквозит критика цинизма и чрезмерного прагматизма нового руководителя Франции: «От консула пришел запрос: что дали государству Антильские острова со времени освобождения негров? Чего уж дать от человека, который стоимость свободы мерит стоимостью кораблей, груженных сахаром и кофе!» [4, с. 186].

Примечательно, что никто из положительных персонажей произведения не одобряет политики Бонапарта. В произведении есть только один герой, восхищающийся личностью Наполеона – Фабиен, но его образ отнесен в повести отрицательными коннотациями восприятия. В разговоре с Бове Фабиен становится ретранслятором позиции Наполеона относительно негров. Комментируя попытку Туссена создать на Гаити республику, он восклицает: «Где это слыхано, чтобы с чернокожими заключали мир? <...> Вы не знаете нашего генерала Бонапарта! Он вам еще преподнесет сюрприз!» [4, с. 190].

Оценки, даваемые Фабиеном Наполеону, отмечены приметами восторженной идеализации: «Что за человек Бонапарт <...> Он воззвигнет для нас новое отчество. Не на революционной болтовне, а на славе и чести!» [4, с. 191]. Он же проявляет себя декламатором ключевого направления внешней политики Наполеона: «Нам теперь нужны колонии. Нам нужны кофе и сахар. И, значит, нужны рабы» [4, с. 191]. В то же время писательница посредством использования выразительных художественных деталей указывает читателю на ошибочность взглядов Фабиена. Пропагандируя колонизаторскую политику и захватнические амбиции, он вступает в спор с убежденным в ошибочности подобного подхода и в необходимости более конструктивных перемен Бове, во время которого заявляет: «Вы заблуждаетесь, – сказал Фабиан. Он ногтем счищал с миндаля соль, принимая ее за сахар (курсив наш – Л.М.). – Сахар при Бонапарте ничем не отличается от сахара при Людовике Шестнадцатом <...> Сахар

принес нашему отечеству богатство и завидное благосостояние <...> Вся разница в том, на кого трудится раб <...>, для кого он рубит сахарный тростник – для Людовика Шестнадцатого или Наполеона» [\[4, с. 192\]](#). На наш взгляд, данная деталь (принятие соли за сахар) весьма показательна и имеет несколько интерпретаций, Во-первых, она указывает на то, что Фабиен ошибочно оценивает политическую ситуацию и величие Наполеона, во-вторых, она подчеркивает корыстолюбивые амбиции данного персонажа, его чрезмерную сосредоточенность на проблеме добычи сахара, в-третьих, она намекает на отсутствие у этого героя политической чистоплотности и проницательности. Свои размышления о целесообразности избранной Наполеоном политики Фабиен завершает циничным умозаключением, подчеркивающим лицемерность его натуры: «Англичанин – наш исконный враг <...> И если англичане со своими рабами производят больше сахара, чем мы со своими волелями о равноправии, то вывод один: “Надо кончать болтовню! На колени, негры! А в трехцветных шарфах можете щеголять и дальше, сколько вам понравится”» [\[4, с. 192\]](#). На следующий день Фабиен распространяет на острове прокламацию, в которой Наполеон предстает разоблачителем вероломства Туссена на острове Гаити. Проницательный Поль Роан, прочитав прокламацию об участии восставших на Гаити негров, делает пророческое заявление относительно дальнейшей судьбы чернокожих на Гваделупе: «Бонапарт, чье имя стоит под прокламацией, уже ничего общего не имеет с Республикой. Он снова нас сделает рабами» [\[4, с. 194\]](#).

После обнародования данной прокламации в повести возникает мотив тесноты. Он используется писательницей для описания реакции героев-протагонистов на этот документ: «Вечером Бове зашел к Полю. Ему показалось, что стены сдвинулись тесней, а со стенами и люди. Время стало тесней, оно давило на плечи, сжимало горло» [\[4, с. 194\]](#). Перемены в настроениях семьи Роана подчеркивают выразительные сравнения: «У всех в глазах, застыл испуг, словно ураган обрушился на остров» [\[4, с. 194\]](#). Косвенно свое несогласие с намерениями Наполеона выражает и получивший распоряжение покинуть остров отец Дюмерк: «Если снова наступит трудное время, сказал Дюмерк, а его с ними не будет, пусть знают, что это не от него зависело» [\[4, с. 195\]](#). Вскоре после оглашения прокламации осуществляется раздел земель и негры начинают работать на выделенных им участках. Однако процесс дискриминации чернокожего населения Гваделупы после прихода к власти Наполеона постепенно набирает обороты: создается новое временное управление, в составе которого нет ни одного негра, услуги Поля Роана в качестве посредника между белыми и неграми французским колонизаторам становятся больше не нужны. Через некоторое время происходит и легитимный возврат рабства: издается приказ о том, что негры со своими семьями должны вернуться на прежние места работы, поскольку декреты предыдущего правительства объявили о утратившими свою силу.

Герои-протагонисты Бове, Беранже, Поль Роан болезненно реагируют на эти перемены. Образ Наполеона возникает в беседе Беранже с его служанкой-негритянкой Жаклин. Упрекая своего хозяина в том, что он «слишком болеет о неграх», прислуго пытается отговорить Беранже от рокового решения: «<...> что бы ты не сделал, нам, неграм, это не поможет. Ваш новый господин – тот, что пишет законы и издает приказы, он, говорят, могущественный господин. Так что же ты можешь против него – один, на этом острове? <...> остров наш такой крошечный – вашему могущественному господину до него и дела нет. Что для него – одним островком больше или меньше!» [\[4, с. 202\]](#). Однако Беранже, не желая быть участником нового витка закабаления негров, взрывает вверенный ему на острове форт, выражая этим поступком и своей гибелью протест против политики Наполеона.

Перед тем, как рассказать читателю о дальнейшей судьбе Бове и Роана, повествователь вновь обращается к фигуре Наполеона. Его комментарий выступает в качестве своеобразного дополнения слов Жаклин: «После описанных событий прошло много лет. Первый консул Бонапарт стал императором Наполеоном. Он завоевал пол-Европы. Ему предстоял поход на Россию. То, что случилось в начале столетия на одном из островов Карибского моря, успело уже выветриться из людской памяти» [\[4, с. 212-213\]](#). Данный комментарий примечателен тем, что, с одной стороны, в нем возникает мотив забвения, с другой – он дает понять, что воспоминания о событиях на Гваделупе спустя значительный временной промежуток позволяют оценить степень их влияния на умы представителей последующих поколений. Рассказ о волнениях, которые произошли на Гваделупе после возврата рабства, А. Зегерс вкладывает в уста их очевидца – полковника наполеоновской армии Буайе, который рассказывает во время очередного отпуска о событиях тех лет своей семьи. Поля Роана, вставшего во главе восстания против французского управляющего имения, ранят, затем арестовывают и публично казнят, надев перед этим на него железный ошейник. Примечательно, что Буайе, показанный в тексте представителем наполеоновской армии, не только оправдывает подобную жестокость, но и считает ее целесообразной: «Это был полезный урок, чтобы навсегда отучить их от таких проделок. Вот и видно, к чему приводят идеи свободы и равенства, когда их вбивают в голову всякой сволочи» [\[4, с. 214\]](#). Упоминает полковник и о Бове, погибшем вместе с неграми и найденном впоследствии среди их тел, и о Беранже, взорвавшем свой форт. Для большинства слушателей Буайе его рассказ примечателен прежде всего своей занимательностью и экзотичностью содержания. Подлинное значение поступков Беранже и Бове смог по-настоящему оценить только двенадцатилетний брат полковника Альфонс, склонный не столько восхищаться услышанным, сколько размышлять о нем. В его внутреннем монологе, имплицитно присутствует развенчивание культа личности Наполеона, критика тщеславных устремлений Бонапарта и его поклонников, что отражает позицию самой писательницы относительно описанных в повести событий: «Так, значит, существует и другой мир? Люди действуют там по другим законам? То, во имя чего чужой человек пожертвовал жизнью, ничего общего не имело со славой, о какой им здесь приходилось читать и слышать. Со славой, что кружит головы молодым людям этих мест. Со славой триумфальных арок и орденов. Со славой, о которой вешают барабанная дробь и знамена, склоненные над могилой» [\[4, с. 215\]](#). Финальной фразой своего произведения – «Слава того, чужого человека выражалась только в ознобе, пробравшем мальчика [\[4, с. 215\]](#) – писательница приводит читателя к выводу о том, что у представителей других поколений могут быть другие, более достойные, нежели Наполеон, примеры для подражания – личности, которые могут поставить служение долгу, следование моральным принципам выше собственного тщеславия.

В повести «На Гваделупу вернулось рабство» А. Зегерс, так же как и Ф.М. Достоевский в романе «Преступление и наказание», подвергает оценке деятельность Наполеона с позиций этики (что отличает их подход от подхода Л.Н. Толстого, большое внимание уделяющего исследованию непосредственно личности и поведения Наполеона в романе «Война и мир»). Для Раскольникова Наполеон – это символ крайне дерзостного преступления всех границ [\[6, с. 155\]](#). Аналогично воспринимают Наполеона и герои-протагонисты в повести А. Зегерс. Как и русский классик она показывает ошибочность оправдания жестокости, цинизма и захватнических стремлений Наполеона. Но в отличие от романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», в котором Раскольников восхищается Наполеоном как историческим деятелем спустя десятилетия после

прекращения последним политической активности, немецкая писательница основное внимание сосредотачивает на описании восприятия Бонапарта его современниками. Вследствие этого культ личности Наполеона в основной части повести отсутствует, а в finale произведения он развенчивается посредством использования антитезы с образами Бове и Беранже. В этом заключается своеобразие художественного подхода немецкой писательницы в аспекте раскрытия наполеоновской темы в повести «На Гваделупу вернулось рабство».

Библиография

1. Агашина Е. Н. Раскольников и «Наполеоновы» (к теме раскола в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 4(16). С. 98-101.
2. Горбанев Н.А. Наполеоновский мотив в романе Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3. С. 27-34.
3. Жилякова Э.М. Ф.М. Достоевский и Вальтер Скотт (к вопросу о наполеоновском мифе) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 2(18). С. 44-56.
4. Зегерс А. На Гваделупу вернулось рабство // Человек и его имя: повести и рассказы. М., 1965. С. 163-215.
5. Ишимбаева Г. Г. Рецепция русской литературы в творчестве Анны Зегерс // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 1. С. 241-249.
6. Кожинов В. В. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Три шедевра русской классики. М., 1971. С. 107-186.
7. Леман Ю. Между партийностью и критической дистанцией: поздний период творчества Анны Зегерс // Русская литература в Германии. Восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII века до настоящего времени. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. С. 288-293.
8. Мишин И. Достоевский и зарубежные писатели (основные проблемы творчества, традиции и новаторство): учеб. пособие по спецкурсу. Ростов-на-Дону, 1974.
9. Подосокорский Н.Н. «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71-135.
10. Фридлендер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. Л.: Наука, 1978. С. 117-174.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопрос влияния фигуры Наполеона на формирование литературных тестов не нов. Стоит признать, что данный образ претворяется и в зарубежной, и отечественной литературе, однако, можно говорить и т.н. косвенном влиянии, что собственно и рассматривается в рецензируемой статье. Автор в начале своего труда отмечает, что «попытки осмыслиения образа Наполеона, оценки влияния его деятельности на ход французской и мировой истории, судьбы разных людей предпринимались различными писателями XIX-XX веков: Ф. Стендалем, О. де Бальзаком, В. Гюго, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, С. Цвейгом и другими. Примыкает к их числу в данном отношении и немецкая прозаик и публицист Анна Зегерс (Anna Seghers, наст. имя и фамилия Netty Radványi, урожд. Reiling, 1900-1983), которая подвергает художественному исследованию последствия

колонизаторской политики Наполеона на островах Карибского моря в повести «На Гваделупу вернулось рабство» (1948)». На мой взгляд, выбранный вектор рассмотрения проблемы вполне продуктивен и концептуален, материал имеет строго выдержаный научный тон; каких-либо серьезных или спорных составляющих в тексте не выявлено. Думаю, что практическая направленность работы налична, материал можно использовать в вузовской практике. Автор точен в подборе аргументов, точен и в формулировках, что явно следует оценить положительно: например, «актуальность данного исследования связана, с одной стороны, с возросшим в последние годы интересом отечественного литературоведения к проблеме русского-немецкого литературного диалога XIX-XX веков, о чем свидетельствует серия научных конференций «Россия-Германия: литературные встречи», проводимых на базе ИМЛИ РАН, с другой – недостаточно подробной и разносторонней изученностью творческого наследия А. Зегерс в отечественной германистике в аспекте заявленной в настоящей статье проблематики», или «система персонажей повести «На Гваделупу вернулось рабство» полицентрична и основана на оппозиции «черные» – «белые», срединное положение между ними занимают мулаты. Среди героев описываются три протагониста – Бове, адъютант комиссара острова («белый»), Беранже, комендант форта (мулат), Поль Роан («черный»). Создав своеобразный союз, эти три персонажа ведут просветительскую работу среди негров, разъясняя им, какие перемены в их жизнь должно принести постановление Конвента о предоставлении чернокожему населению Гваделупы возможности разделить между собой поровну землю острова и начать возделывать ее для себя, что, по сути, равносильно отмене рабства» и т.д. Оправдана т.н. критическая база исследования, ссылки и цитации выверены: «на творческие параллели в художественных мирах Ф. М. Достоевского и А. Зегерс обращали внимание И. Мишин [8], Г.М. Фридлендер [10], Ю. Леман [7], Г.Г. Ишимбаева [5]. Наполеоновская тема в произведениях Ф.М. Достоевского становилась объектом изучения ряда отечественных исследователей – Е. Н. Агашиной [1], Н. А. Горбанева [2], Э.М. Жиляковой [3], Н. Н. Подосокорского [9], специфика же раскрытия наполеоновской проблематики в творчестве А. Зегерс, художественный мир ее повести «На Гваделупу вернулось рабство» предметом отдельного изучения в российском литературоведении пока не становились. Этим обусловлена новизна нашей работы». Автор заинтересован предметом исследования, заметно, что объективная составляющая доминирует. Аналитика оценки распространена на все изыскание: «в повести приводится оценка Наполеона, с точки зрения Дюмерка, посредством презентации несобственно-прямой речи последнего, в которой сквозит критика цинизма и чрезмерного прагматизма нового руководителя Франции: «От консула пришел запрос: что дали государству Антильские острова со времени освобождения негров? Чего уж дать от человека, который стоимость свободы мерит стоимостью кораблей, груженных сахаром и кофе!». Считаю, что тема раскрывается планомерно, последовательно, при этом потенциальный читатель «втягивается» в диалог, выстраивает и свое понимание роли «Наполеона в романе А. Зегерс». В заключительном блоке обозначено, что «в повести «На Гваделупу вернулось рабство» А. Зегерс, так же как и Ф.М. Достоевский в романе «Преступление и наказание», подвергает оценке деятельность Наполеона с позиций этики (что отличает их подход от подхода Л.Н. Толстого, большое внимание уделяющего исследованию непосредственно личности и поведения Наполеона в романе «Война и мир»). Для Раскольникова Наполеон – это символ крайне дерзостного преступления всех границ [6, с. 155]. Аналогично воспринимают Наполеона и герои-протагонисты в повести А. Зегерс...». Логическое завершение работы есть показатель выверенности позиции. Общие требования издания учтены, правка текста излишня. Считаю, что работу «Наполеоновская тема в повести А. Зегерс «На Гваделупу вернулось рабство» в

контексте традиций Ф.М. Достоевского» можно рекомендовать к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ню Ю. Прототип в романе А. Варламова «Мысленный волк» // Филология: научные исследования. 2024. № 8.
DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71455 EDN: YGPQAW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71455

Прототип в романе А. Варламова «Мысленный волк»

Ню Юэцю

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, г. Владивосток, ул. Аякс, 101007

✉ nyu.yu@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Литературный герой"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71455

EDN:

YGPQAW

Дата направления статьи в редакцию:

11-08-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению прототипов в романе «Мысленный волк», образы которого составляют как вымышленные, так и реальные персонажи. Автор вывел их под другими именами, но прототипы легко угадываются: Легкобытов Павел Матвеевич – это Пришвин Михаил Михайлович, Савелий Круд – Грин Александр Степанович, а «мужик/старец/странник» – Распутин Григорий Ефимович. Межтекстовые связи биографий прототипов и романа демонстрируют авторскую установку на воссоздание той действительности, которую он не смог изобразить в рамках документального биографического повествования. Читателю и исследователю предоставляется уникальная возможность наблюдать, как на базе жизненного материала исторических лиц рождается художественная действительность, преломленная в сознании автора. Сам автор не раз в своих интервью давал ключ к пониманию замысла романа, говоря, что он смог высказать через вымышленных героев то, что не высказал в биографиях прототипов. В статье применяются следующие методы исследования: сопоставительный, герменевтический, сравнительно-типологический, описательный. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое исследование прототипов в романе. Несмотря на совпадение фактического материала Варламов устанавливает дистанцию между изображаемыми в романе героями и их

прототипами, дает им новые имена, помещает в несколько иные событийные контексты. Так, на переплетении вымысла и реальных событий создается художественный мир. Актуальность видится в обращении к одной из ключевых проблем литературоведения на материале произведения современного автора. Именно биографии прототипов становятся тем стержнем, на который нанизываются вымышленные события и который определяет сюжетные линии вымышленных персонажей. В силу указанного выше биография не является ни рамочным компонентом, ни автономным жанром, но становится некой парадигмой для сюжетного строения романа. И уже в этой парадигме каждый из героев волен высказывать свои идеи, спорить о настоящем и будущем России, наблюдать эпоху исторических социальных переворотов и войн.

Ключевые слова:

биография, прототип, вымысел, реальные события, Пришвин, Легкобытов, Савелий Круд, Александр Грин, мужик, Распутин

Роман «Мысленный волк» открывает широкое поле для исследований, А. Латынина одна из первых посвятила свою критическую статью рассмотрению героев, биографической подоплеке романа, а также пониманию исторической концепции [10]. Современные исследователи рассматривают тему революции и исторического прошлого в романе [9, 8]. Различным аспектам поэтики романа посвящены работы Я. Солдаткиной (творческое наследие А. Платонова в творчестве Варламова) [13], В.И. Еркина (о прототипах в романе) [7]. Осмыслению романа с точки зрения «конструирования особых «мысленных» мирообразов» посвящен раздел исследования Г.Т. Гариповой [6]. В.А. Мескин соотнес сюжетно-композиционную структуру и мотивный уровень текста с символистской поэтикой начала XX века – Ф. Сологуба, В. Брюсова, но прежде всего с поэтикой автора «Петербургра» А. Белого [12].

Систему образов романа «Мысленный волк» составляют как вымышленные, так и реальные персонажи. Среди последних встречаются герои биографических книг А. Варламова: Михаил Михайлович Пришвин, Александр Степанович Грин и Григорий Ефимович Распутин. Автор вывел их под другими именами, но прототипы легко угадываются: Легкобытов Павел Матвеевич – это Пришвин Михаил Михайлович, Савелий Круд – Грин Александр Степанович, а «мужик/старец/странник» – Распутин Григорий Ефимович.

Рассмотрение романа «Мысленный волк» вне связи с биографиями, написанными Варламовым, существенно сузит «горизонт» читательского восприятия. Ведь сам автор не раз в своих интервью давал ключ к пониманию замысла романа. Например, в журнале «Русский язык в центре Европы. Ассоциация русистов Словакии» опубликовано интервью, в котором Варламов подробно говорит о причинах, побудивших его обратиться к героям своих биографий, но уже сделав их прототипами: «Получилось так, что я писал писательские биографии, но я чувствовал, что есть довольно много каких-то вещей, которые в них не вмещаются. Потому что, с моей точки зрения, биография – это жанр очень строгий, не должно быть никаких домыслов, допусков, все очень строго и точно. А когда работаешь с материалом, то появляются и такие туманные, сомнительные вещи, до конца не понятные. Просто то, что не вместится в документальную прозу, оно как раз может быть использовано в художественной прозе. В связи с этим я даже придумал

такую метафору: биографии, которые я написал, – это твердая почва, а над этой твердой почвой стелется туман. А этот Мысленный волк – такой туман, который стелется над моими романами. Мне в этом тумане очень интересно, так как я смог высказать про Серебряный век и моих героев то, что я не высказал в своих биографиях» [\[15, с. 46\]](#). Варламов предоставляет читателю и исследователю уникальную возможность наблюдать, как на базе жизненного материала, исторической реальности рождается художественная действительность, преломленная в сознании художника слова.

Легкобытов Павел Матвеевич – Пришвин Михаил Михайлович. У персонажа, как и у его прототипа, большая семья, отец умер, когда они были ещё детьми, и мать играла важную роль в жизни мальчиков. Павел Матвеевич вырос в бедной семье в окружении четырёх братьев – мать в одиночку воспитывала пятерых детей: «... и слёзы Павлушкиной матери, которая в действительности была бедна и еле-еле растила пятерых детей и в ногах у него валялась, умоляя пощадить её сына и снизойти к её несчастному положению» [\[3, с. 66\]](#). Пришвин стал сиротой в восемь лет, отца почти не помнил, и фигура матери вышла для него на первый план: «Отца своего Миша Пришвин знал совсем немного <...> Она овдовела в сорок лет, Миша осиротел в восемь. Об отце он вспоминал, что это был человек мечтательный и бездеятельный <...> Так получилось, что женщины оказывали на мальчика гораздо большее влияние...» [\[4, с. 11-13\]](#).

Поступление в гимназию – еще одна веха совпадения биографии прототипа и героя, упоминается обучение там вместе с Буниным («однокашничек» в романе), исключение из гимназии: «Я был мальчиком, гимназистом <...> А-а, соседушка [про Бунина] ... – Мягкие губы презрительно дёрнулись и приоткрыли коричневые зубы. – Однокашничек». Учитель гимназии Р-в в романе описывается как отрицательный персонаж, между ним и Павлом Матвеевичем складываются плохие отношения, и именно Р-в исключает Павла Матвеевича: «Гимназисты относились к педагогу с опаской. Никто не знал, в каком настроении учитель придёт на урок <...> Что ж, я уйду, но ты за мной побегаешь. Уроки для тебя окончены. <...> Я – изгнанный с волчьим билетом из гимназии недоучка...» [\[3, с. 25-28\]](#). Пришвин после окончания сельской школы поступил в гимназию, но плохие отношения с учителем Розановым привели к тому, что его исключили, когда он учился в четвёртом классе, вот как об этом говорится в биографии Пришвина, написанной Варламовым: «В таком именно месте, в елецкой гимназии, в одно время оказались (как после этого не верить в неслучайность всего на свете происходящего) по меньшей мере три личности мирового уровня – Розанов (в качестве учителя), Бунин и Пришвин... <...> Моё первое столкновение с ним [Розановым] было в 1883 году...» [\[4, с. 16\]](#).

Творческий путь Пришвина складывался не вполне прямолинейно, ведь по образованию он был агроном, и исследователи неоднократно подчеркивали то, что именно полученная профессия дала ему особый взгляд на природу. В романе «Мысленный волк» Варламов пишет: «Легкобытов по первой профессии был агрономом, но на этой ниве ничего не взрастил, если не считать небольшой книги про разведение чеснока, и заделался сначала журналистом, а потом маленьким писателем» [\[3, с. 9\]](#). В биографии «Пришвин» в главе «Основные даты жизни и творчества М.М. Пришвина» автор написал: «1903 – Работа агрономом в Клинском земстве Московской губернии. 1905 – Работа агрономом в г. Луге на опытной станции “Заполье” и в журнале “Опытная агрономия”» [\[4, с. 352\]](#).

Интересен тот факт, что Варламов подробно остановился на автобиографической подоплеке романов, которые пишут его герои – реальный и вымышленный. И здесь в

романе возникает любопытный мотив жизни как текста, как творческого действия столь важного для Серебряного века. В. Ходасевич, современник эпохи Серебряного века, оставивший ценнейшие воспоминания, говорит об общей установке писателей: «Здесь пытались претворить искусство в действительность, а действительность в искусство. События жизненные, в связи с неясностью, шаткостью линий, которыми для этих людей очерчивалась реальность, никогда не переживались, как только и просто жизненные; они тотчас становились частью внутреннего мира и частью творчества. Обратное: написанное кем бы то ни было становилось реальным, жизненным событием для всех. Таким образом, и действительность и литература создавались как бы общими, порою враждующими, но и во вражде соединенными силами всех, попавших в эту необычайную жизнь, в это "символическое измерение"» [14, с. 21]. Сложно сказать, намеренно ли Варламов подчеркивал момент преображения жизни Легкобытовым или же следовал за прототипом героя, но попытка Павла Матвеевича на страницах своего романа переиначить события своей жизни четко определена: «Начиная с того, что его маленький герой не присутствует при смерти отца, не пугается в отрочестве продажной женщины и из гимназии его не выгоняют с волчьим билетом, а он сам из неё уходит, скитается по Руси, по тайным её обителям, узнает её неведомых людей, законоучителей, странников и юродивых, путешествует по миру, едет в Америку, а потом возвращается в Петербург и побеждает апокалиптический град тем сокровенным знанием, которого нет ни у кого» [3, с. 58]. Интересна в этом плане текстовая перекличка с биографией Пришвина: «... замечательно и то, что в качестве места назначения избрана именно Азия. – Почему ты себе выбрал Азию, а не Америку?» [4, с. 17]. Как видим, данные межтекстовые связи демонстрируют авторскую установку Варламова на воссоздание той действительности, которую он не смог изобразить в рамках документального биографического повествования. Роман «Мысленный волк» – это ответы на те вопросы, которые задавал автор при написании документальной биографии, но документальность не позволяла выходить за рамки исторической и биографической реальности, а пространство художественного произведения позволяет вольную трактовку.

Биографическая деталь – обучение на агронома в Германии, первая влюбленность, которая не привела к отношениям описывается в обоих произведениях. Пришвин встретился с красивой девушкой и влюбился в неё за рубежом: «Произошло это не в Ельце и вообще не в России, а в Германии, куда Пришвину удалось уехать и поступить на агрономическое отделение Лейпцигского университета <...> отец её, Пётр Николаевич Измалков, был действительным статским советником» [4, с. 46-47]. Павел Матвеевич встретил первую любовь, когда был студентом Лейпцигского университета в Берлине: «Она – дочь статского советника из Петербурга. Мы познакомились в Берлине, в Пергамском музее, возле одной очень странной скульптуры. Это мраморное изваяние девочки, одетой в короткую тунику, приспущенную с одного плеча. Волосы у девочки убранны по-взрослому, она сидит, поджав ноги, смотрит вниз и отрешённо перебирает какие-то камушки. Самое поразительное, что, когда глядишь на неё с разных сторон, возникают противоположные ощущения – умиление, печаль, нежность, безысходность» [3, с. 16]. В романе сам Легкобытов рассказывает об этом немаловажном эпизоде в своей жизни, в повествовании встречаются дополнительные детали, уже не связанные с жизнью прототипа. Важен также и символизм образа девочки, играющей в камни, для дальнейшего повествования и для раскрытия образа главной героини Ули, которая станет возлюбленной Легкобытова, о чём будет написано ниже.

В романе также нашел отражение такой эпизод их жизни Пришвина, как тюремное заключение: «Через апокалиптический запал Пришвин попал в тюрьму и едва не сошёл

с ума, чуть-чуть руки на себя не наложил и, исцелённый природой и Ефросиньей Павловной, трезво смотрел на вещи, будучи в этом совершенно одиноким. Русскую интеллигенцию тянуло к сектантам (там была свежая кровь) ...» [\[4, с. 88\]](#). В романе автор несколько сгущает ситуацию, показывая, что жизни героя угрожала серьезная опасность: «Легкобытов был схвачен в числе других сотрудников эсеровской газеты «Воля народа», и всех этих людей было решено для устрашения интеллигенции взять в заложники и в случае необходимости расстрелять» [\[3, с. 493\]](#).

Пришвин был корреспондентом во время Первой мировой войны: «И всё же одно дело солдат, другое – корреспондент. <...> 1915–1916 – Поездка [Пришвина] на фронт в качестве военного корреспондента» [\[4, с. 101\]](#). Интересно, что в романе отсутствуют даты, вся хронология в романе выстраивается через соотнесение событий жизни героев с историческими событиями, так и об участии Легкобытова в военных действиях в качестве корреспондента читатель узнает в момент повествования об Уле: «В конце весны Уля наткнулась в «Ниве» на очерк Легкобытова. Ставший военным корреспондентом шеломский охотник по обыкновению добросовестно и цепко описывал то, что видел в зимних Августовских лесах во время отступления русской армии...» [\[3, с. 277\]](#).

Но, конечно, главное совпадение героя и прототипа наблюдается на ментальном уровне, даже если бы читатель ничего не знал об установке автора вывести героев своих биографий в качестве героев романа, у него все равно бы возникло ощущение родства Легкобытова с главным певцом русской природы. Павел Матвеевич в романе «Мысленный волк» изображён писателем, постоянно наблюдающим за природой и изображающим её красоту с благочестивым почтением. Павел Матвеевич старается постичь суть природы: «... он взлетал на высокий косогор, откуда видна была вся окрестная земля вплоть до синевшего вдали озера с парусами рыбарей и куполами далёких храмов. Там он садился у большого лесного пня, доставал из-за пояса тетрадку и сочинял роман о провинциальном, как будто бы робком, но очень зорком загорелом юноше, случайно попадающем из лесной глухи в холодную столицу» [\[3, с. 52\]](#). Глядя на прекрасный пейзаж, он был спокоен и сосредоточен, он погружен в природу, чувствует её сердцем и черпает в природе творческое вдохновение, относясь к ней как к чему-то родному.

То же самое находим в жизнеописании Пришвина. : «Пришвин – пророк экологической литературы» [\[16\]](#). Большая часть его творчества представлена очерками и дневниками. В них природа предстаёт живым существом, обладающим эмоциями. Для героя она подобна матери, заслуживающей любви и понимания. В представлении Пришвина она обладает особым очарованием и полна ярких красок – каждый цветок и дерево у него источают дыхание жизни. Суть творчества Пришвина прекрасно описана в следующем фрагменте: «Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в её тайную жизнь и воспел её красоту, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина» [\[5\]](#). Таким образом, Варламов в обоих случаях изобразил людей, творчество которых становится эмоциональным мостом между человеком и природой, позволяя читателю больше узнать о красоте окружающего мира.

Прототип Савелия Круды – Грин Александр Степанович. Но Круд скорее второстепенной лицо в романе, он в определенный момент встретился на пути Ули, покорил её мистификациями, опутал мечтой, но после расставания с ним, у нее ничего в жизни и не изменилось, и даже камень, который мог бы символизировать память о

«престиджитаторе», у нее украли. Поэтому при использовании биографического пласта прототипа Круды Варламов скорее обходится намеками, точек пересечения у этого героя и прототипа меньше, чем в предыдущем случае, нами описанном. Можно предположить, что Круд в большей степени вымышленный персонаж, возможно, некий собирательный образ всей интеллигенции того периода, талантливой, увлеченной мистификациями, но так и не нашедшей своего места в изменившемся мире. Тем не менее можно увидеть точки соприкосновения некоторых событий жизни Грина и Круды.

В первую очередь это сложное детство, ранняя утрата и общая неприкаянность. Мать Грина умерла рано, когда ему было 12 лет. Потеря матери стала тяжелым испытанием для героя: «... когда отец закрывал дверь, и мне было поздно утешить её <...> потерявшему в отрочестве мать Грину всегда не хватало женской, материнской любви и ласки и эта смерть сильно повлияла на его характер, то, что он всю жизнь этой любви искал, несомненно» [1]. «Мать болела, отец сильно и часто пил, долги росли; всё вместе взятое создавало тяжелую и безобразную жизнь. Среди убогой обстановки, без сколько-нибудь правильного руководства, я рос при жизни матери; с её смертью пошло еще хуже» [1]. Практически вторит этой истории и события жизни Круды, единственно дается авторская мотивировка поступков героя, чего в биографическом повествовании Варламов себе не позволял. Вот, например, история семьи: «...из которой его вышвырнула в тринадцатилетнем возрасте мачеха, а отец не стал за сына заступаться, но откупился деньгами. Те два червонца, которых другому могло бы хватить на полгода экономной жизни, юный Круд за месяц проел в одесских ресторанах и с той поры всю жизнь то голодал, то шиковал, но своего отношения к законам жизни не менял» [3, с. 416].

Подробное описание в биографии Грина его «взаимоотношений» с революцией: «Нечто подобное – «преступление и наказание» – выпало в молодости и на долю самого Грина, только, отшатнувшись от призрака революции, он ушёл совсем в другую сторону. Однако тема прихода и ухода из революции стала для Грина одной из самых важных, можно сказать, родовых. Как родовая травма» [1]. В романе заменяется довольно лаконичным и, можно сказать, ироничным перечислением: «Вслед за семьёй и гимназией пришла очередь армии, тюрьмы и прочих общественных институтов...» [3, с. 416].

Психологический портрет героя и прототипа тем не менее совпадает. В романе автор останавливается на такой черте Круды, как мизантропия: «Люди за редким исключением казались ему тупыми, жадными, самодовольными существами, но более всего на свете он не любил их сообщества <...> Насколько сильно Савелий не любил толпу, настолько же он любил одиночек и повсюду их искал» [3, с. 416]. Здесь художественно обыгрываются слова Грина о себе, которые Варламов привел в биографии писателя: «В общем, сверстники меня не любили; друзей у меня не было. <...> Играять я любил больше один, за исключением игры в бабки, в которую вечно проигрывал...» [1].

Важным для создания и «угадывания» прототипа, по нашему мнению, становится любовь к морю, кораблям и стремлению на юг: «Расставшись с Улей, Савелий двинулся в порт. Он любил лишь парусные суда и те города, в чьи гавани одним парусникам дозволено заходить, но за неимением таких городов отправлялся в обычный порт, где стояли под разгрузкой или загрузкой скучные серые корабли... <...> Бежать надо было не на север, а на юг» [3, с. 421, 427]. В биографии Грина читаем близкое: «Путь Грина лежал на юг, в Одессу, к морю. Он хотел стать моряком. Мореказалось ему альтернативой Вятке, убогой провинциальной жизни, скуке, косности, собственной никчёмности – море было

выходом из «Моей жизни» в тот мир, где все окружающие его «моряки и, в особенности, матросы в их странной, волнующей отблесками неведомого, одежде, – были героями, гении, люди из волшебного круга далёких морей...» [\[1\]](#).

Важным для соприкосновения образа Грина и образа Круда является образ возлюбленной. У Круда – Аля: «Аля чувствовала свою вину и решила устроить ему побег. Подогнала к берегу турецкую яхту с красными парусами...» [\[3, с. 213\]](#). У Грина – Екатерина: «Грин давно любил ту женщину, которая в роковой ноябрьский день 1903 года отправила его на задание вопреки его предчувствиям, а потом безуспешно пыталась вытащить из тюрьмы, но вместо этого сама угостила в ссылку в Холмогоры. Он любил Екатерину Александровну Бибергаль, он томился по ней, когда был в тюрьме, и о ней плакал герой рассказа...» [\[1\]](#).

«Мужик/старец/странник» – так в романе назывался Распутин Григорий Ефимович. Ещё одним реальным историческим персонажем А. Варламова является Григорий Распутин. В «Мысленном волке» его встречают Рив, Василий Христофорович Комиссаров, Уля и Вера Константиновна. В всех эпизодах он упоминается без имени: его называют просто «мужик», «старец» или «он». Обращение «мужик» встречается 86 раз, «старец» – 11 раз, а «странник» – 25.

Первое упоминание «мужика» в романе связано с Комиссаровым и историей появления Ули, ребенка которого предсказал «мужик» бездетной семье. Комиссаров узнает о первом покушении на Распутина и размышляет о том, что не от ножа сумасшедшей «бабы» тот должен был умереть, а далее «представляется» герою «где и когда, в каком часу» умрет бродяга: «Но отчего такая нехорошая, постыдная кончина живота у мужика случилась? Ладно б убили на темной дороге в глухую осеннюю либо стылую зимнюю ночь лихие люди, разбойники, тати, на которых креста нет...» [\[3, с. 137\]](#). Футурологическое прозрение об исходе жизни Распутина подается в романе как некое «странное» ощущение, настигшее героя. Прозорливость самого «старца» подается в романе с одной стороны как некая мистическая способность, при этом соблюдаются все атрибуты: туманность, недосказанность пророчеств о самом себе, о судьбе царской семьи, о России. Эти «прозрения будущего» можно воспринимать и в мистическом ключе, как действительную способность «старца» или случайное предчувствие героя, а можно в этом увидеть авторскую игру с временными пластами романа: предоощущение будущего героем – это уже свершившийся факт для автора, но нуждающийся в некотором осмыслинии с помощью художественных средств, которыми располагает роман. Об этой игре свидетельствует и появление еще одного героя, дяди Тома, который в разговорах с Комиссаровым «проговаривается» о том, что он некий посланец из будущего.

Таким образом, в романе «Мысленный волк» в рамках художественного романного дискурса происходит переосмысление материала биографий, созданных Варламовым ранее. Межтекстовые связи биографий и романа демонстрируют авторскую установку Варламова на воссоздание той действительности, которую он не смог изобразить в рамках документального биографического повествования. Несмотря на совпадение фактического материала Варламов устанавливает дистанцию между изображаемыми в романе героями и их прототипами, дает им новые имена, помещает в несколько иные событийные контексты. Так, на грани вымысла и исторического, реального подтекста создается художественный мир романа. Тем не менее, на наш взгляд, именно биографическая подоплека становится немаловажным элементом для понимания жанровой полифонии романа. Биографизм, который придает героям Варламов, становится тем стержнем, на который нанизываются вымышенные события и в рамках

которого существуют вымышленные персонажи. При этом, например, биография старца, прототипом которого стал Распутин, мифологизируется даже не столько по стандартам изображаемой эпохи, сколько по законам современного автору представления о нем («Когда я стал заниматься Распутиным, я понял, что его нельзя изъять из русской истории, без него невозможно объяснить ни Серебряный век, ни революцию, ни раннюю советскую эпоху» [2]). Следуя отдельным биографическим данным прототипов героев, Варламов создает иное повествование, в котором биография не является ни рамочным компонентом, ни автономным жанром, но является некой парадигмой для сюжетного строения романа. И уже в этой парадигме каждый из героев волен высказывать свои идеи, спорить о настоящем и будущем России, наблюдать эпоху исторических социальных переворотов и войн.

Библиография

1. Варламов А. Н. Александр Грин. М.: Молодая гвардия, 2005. 450 с. URL: Александр Грин-Художественная литература (azbyka.ru) (дата обращения: 18.04.24).
2. Варламов А. Н. «Без Распутина невозможно объяснить русскую историю» // Афиша Воздух. Москва. 2014. 30 июня. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/bez-rasputina-nevozmozhno-obyasnit-russkuyu-istoriyu/> (Дата обращения: 06.06.2024)
3. Варламов А. Н. Мысленный волк: роман. Москва: Изд-во АСТ, 2022. 508 с.
4. Варламов А. Н. Пришвин. «ВЕБКНИГА», 2021. Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия). 357 с.
5. Варламов А. Н. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование // Октябрь, 2002, № 1-2. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/1/var.html> (Дата обращения: 21.01.2024).
6. Гарипова Г. Т. Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парадигма художественности): дис. ... д. филол. н. Владимир. 2021. 612 с.
7. Еркина В. И. Образы поэтов «Серебряного» века в романе А. Варламова «Мысленный волк» и их характеристика в контексте尼цшеанской философии // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 357-358.
8. Клабукова Ю. В. Историческое прошлое России в художественно-философском осмыслиении А. Варламова в романе «Мысленный волк» // Успехи современной науки. 2016. Т. 3, № 5. С. 82-85.
9. Кротова Д. В. Образ революции в романе А.Н. Варламова «Мысленный волк» // Литература и революция век двадцатый. Москва : ЛИТФАКТ, 2018. С. 159-167.
10. Латынина А. Кто управляет историей? Заметки о романе Алексея Варламова «Мысленный волк» // Новый мир. 2014. № 9. С. 180-188.
11. Маглий А. Д. Оглянувшись в будущее. Беседу вела А. Маглий // Вопросы литературы. 2016. № 5. С. 114-138.
12. Мескин В. А. «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 1. С. 55-65.
13. Солдаткина Я. В. Творческое наследие А.П. Платонова и семантико-эстетические поиски современной русской прозе (А. Н. Варламов «Мысленный волк», А. В. Иванов «Ненастье») // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 1. С. 45-54.
14. Ходасевич В. Конец Ренаты // Брюсов В. Огненный ангел. СПб.: Северо-Запад. 1993. С. 21.
15. Шпачекова З. С Алексеем Варламовым не только о русской литературе... // Русский язык в центре Европы. Ассоциация русистов Словакии. Братислава. 2021. С. 41-51.
16. 李勇.普里什文作品中的生态文学思想及其浪漫主义气质[J].江苏社会科学, 2013,(04):149-154.-Ли

Юн. Экологическая литературная мысль и романтический темперамент в произведениях Пришвина. Социальные науки провинции Цзянсу, 2013, (№04): 149-154.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анализ прозы Алексея Варламова процесс весьма непростой, даже сложный и неоднозначный. Критические наблюдения, которые касаются этого автора, немногочисленны, они, порой имеют несколько описательный характер, серьезной оценки выявить и увидеть не получается. При этом вариатив наблюдений явно должен быть сформирован, так как выстроенный конструктивный диалог позволяет верифицировать прозу Алексея Варламова в нужном смысловом русле, определить ряд магистральных / канонических принципов организации художественного полотна. Автор статьи отмечает, что «роман «Мысленный волк» А. Варламова открывает широкое поле для исследований...». Трудно с этим не согласиться, так как многоступенчатая структура этого текста объективна. Системная оценка критических наблюдений позволяет «прощупать» то, что еще не было обозначено применительно к этому конструкту: «современные исследователи рассматривают тему революции и исторического прошлого в романе [9, 8]). Различным аспектам поэтики романа посвящены работы Я. Солдаткиной (творческое наследие А. Платонова в творчестве Варламова) [13], В.И. Еркина (о прототипах в романе) [7]. Осмыслиению романа с точки зрения «конструирования особых «мысленных» мирообразов» посвящен раздел исследования Г.Т. Гариповой [6]. В.А. Мескин соотнес сюжетно-композиционную структуру и мотивный уровень текста с символистской поэтикой начала XX века – Ф. Сологуба, В. Брюсова, но прежде всего с поэтикой автора «Петербург» А. Белого [12]». Считаю, что ссылки / отсылки к работам критического порядка оформлены верно, фактические вариации даны объективно и точно. Сразу же хочу отметить, что в статье отмечена важность «продуктивности диалога между автором [писателем] и реципиентом»: «Алексей Варламов предоставляет читателю и исследователю уникальную возможность наблюдать, как на базе жизненного материала, исторической реальности рождается художественная действительность, преломленная в сознании художника слова», или «Варламов подробно остановился на автобиографической подоплеке романов, которые пишут его герои – реальный и вымышленный. И здесь в романе возникает любопытный мотив жизни как текста, как творческого действия столь важного для Серебряного века. В. Ходасевич, современник эпохи Серебряного века, оставивший ценнейшие воспоминания, говорит об общей установке писателей: «Здесь пытались претворить искусство в действительность, а действительность в искусство. События жизненные, в связи с неясностью, шаткостью линий, которыми для этих людей очерчивалась реальность, никогда не переживались, как только и просто жизненные; они тотчас становились частью внутреннего мира и частью творчества. Обратное: написанное кем бы то ни было становилось реальным, жизненным событием для всех...» и т.д. Наличие ссылок обязательно для научного труда, это учитывает исследователь, объем оппозиционных вариаций, на мой взгляд, достаточен: «через апокалиптический запал Пришвин попал в тюрьму и едва не сошёл с ума, чуть-чуть руки на себя не наложил и, исцелённый природой и Ефросиньей Павловной, трезво смотрел на вещи, будучи в этом совершенно одиноким. Русскую интеллигенцию тянуло к сектантам (там была свежая кровь) ...» [4, с. 88]. В романе автор несколько сгущает ситуацию, показывая, что жизни героя угрожала серьезная опасность: «Легкобытов был схвачен в числе других сотрудников эсеровской газеты

«Воля народа», и всех этих людей было решено для устрашения интеллигенции взять в заложники и в случае необходимости расстрелять» [3, с. 493]» и т.д. Статья имеет стандартно жанровый вид, научная новизна сводится к малой степени рассмотрения ведущего вопроса, актуальность определяется эффектом (пост) возникающего желания и прочитать текст, и коснуться анализа его художественных граней. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом, логика оценки выверена на протяжении всего текста: например, «подробное описание в биографии Грина его «взаимоотношений» с революцией: «Нечто подобное – «преступление и наказание» – выпало в молодости и на долю самого Грина, только, отшатнувшись от призрака революции, он ушёл совсем в другую сторону. Однако тема прихода и ухода из революции стала для Грина одной из самых важных, можно сказать, родовых. Как родовая травма» [1]. В романе заменяется довольно лаконичным и, можно сказать, ироничным перечислением: «Вслед за семьёй и гимназией пришла очередь армии, тюрьмы и прочих общественных институтов...» [3, с. 416]» и т.д. Материал удобно использовать в вузовской практике при изучении новейшей прозы, текстов Алексея Варламова: собственно это и определяет практическую значимость этой работы. Считаю, что и выводы, по тексту рациональны, ониозвучны основному блоку: «в романе «Мысленный волк» в рамках художественного романа дискурса происходит переосмысление материала биографий, созданных Варламовым ранее. Межтекстовые связи биографий и романа демонстрируют авторскую установку Варламова на воссоздание той действительности, которую он не смог изобразить в рамках документального биографического повествования. Несмотря на совпадение фактического материала [,] Варламов устанавливает дистанцию между изображаемыми в романе героями и их прототипами, дает им новые имена, помещает в несколько иные событийные контексты. Так, на грани вымысла и исторического, реального подтекста создается художественный мир романа. Тем не менее, на наш взгляд, именно биографическая подоплека становится немаловажным элементом для понимания жанровой полифонии романа...». Общие требования издания учтены, серьезная правка текста излишня. Отмечу, что не в полной мере [что разумно, и сложно] задачи исследования решены, цель достигнута. Список источников достаточен, номинатив / жанровый предел разнообразен. Статья «Прототип в романе А. Варламова «Мысленный волк» может быть допущена к публикации в журнале «Филология: научные исследования». При этом правку можно внести в название, оставив, например, такой вариант – «Система прототипов романа Алексея Варламова «Мысленный волк»: режим дешифровки».

Philology: scientific researches

Правильная ссылка на статью:

Alimov T.E., Van G. The phenomenon of political correctness in English and Uzbek languages // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.44136 EDN: YHSQCF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44136

The phenomenon of political correctness in English and Uzbek languages / Феномен политкорректности в английском и узбекском языках

Алимов Тимур Эрмекович

аспирант, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ alimovcom@mail.ru

Вань Гуанфу

аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1042225231@rudn.ru

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.44136

EDN:

YHSQCF

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2023

Аннотация: В исследовании основное внимание уделяется поиску новых средств языковой выразительности и корректировке языкового кода как основным характеристикам языкового проявления политкорректности, которая стала неотъемлемым компонентом идеологии и обязательной частью языковой практики американской культуры и перманентно оказывающей влияние на узбекский и китайский дискурс. Объектом исследования является явление политической корректности в узбекской лингвокультуре через призму английского языка. Учитывая большое количество

лингвистических средств экспликации, а именно эвфемистические субSTITUTы, которые являются результатом выражения политкорректности и предметом данного исследования. Цель данного исследования – раскрыть феномен политкорректности в современном английском и узбекском языках, в частности лингвистического аспекта этого явления. Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые предпринята попытка комплексного рассмотрения функционирования политкорректной лексики не только в английском, но и в узбекском языке. Поскольку многие работы посвящены именно политкорректности в английском языке, примеры в узбекском дискурсе даются обычно в недостаточном количестве, чтобы по ним можно было судить о роли политкорректности в узбекской лингвокультуре. Результаты исследования выявили социокультурный и лингвистический аспекты политической корректности, раскрывающие новые тенденции в английском языке и социальных практиках, отвечающих требованиям инклюзивной коммуникации. Показано, что в Узбекистане это понятие развивается собственными путями, однако ее динамика и языковое воплощение находятся под сильным западным влиянием. Выявлены сложности политически корректной межкультурной коммуникации, которая в различной степени распространенности в английском и узбекском языках зависит вследствие разных культурных ценностей, религиозных убеждений, ценностных ориентациях, социально-экономической ситуации.

Ключевые слова:

Политическая корректность, Межкультурная коммуникация, Западный мир, Восточный менталитет, Языковой код, Языковая картина мира, Эвфемизм, Теория политической корректности, Политкорректные эвфемизмы, Политический дискурс

1. INTRODUCTION

In recent decades, the world around us has been filled with ongoing discussions, often resulting in the nature of discourse in the mass media, education, in the workplace, in everyday communication and in real social actions, including protests, about what various kinds of subcultural groups can and should claim and minorities (in the broadest sense of the word), which is determined by the global transformation taking place in the modern world, on the one hand, and it seems especially relevant to develop this topic on the material of the Uzbek language, in which political correctness does not yet play such a noticeable role as in English , with another. However, the term itself and some politically correct units are gradually penetrating the Uzbek language. The lack of theoretical development of political correctness in English and the lack of special research on this issue in the Uzbek and Chinese languages indicate the relevance of this study and determine the need to consider this issue in a comparative context.

The research work covered in the article is aimed at solving the following tasks: 1) define the concept of political correctness and explore its evolution in the English language and show the dynamics of implementation in Uzbek society; 2) identify the main aspects of political correctness.

2. THEORETICAL BACKGROUND

Interest in the phenomenon of political correctness began to attract the attention of scientists several decades ago, but researchers have not reached agreement on the specific

time and place of the emergence of political correctness. Various sources indicate that the earliest mention of the term «political correctness» dates back to 1793 in connection with the case Chisholm v. State of Georgia, which was decided by the US Supreme Court. In this case, the court decided that citizens could sue the states. In this case, the US Supreme Court recognized that the use of the term «United States» was «not politically correct» and recommended replacing it with «the people of the United States». Thus, the court emphasized that true power in the United States belongs to the American people, and not to individual states or the federal government [18].

Much later, especially in the early to mid-20th century, the term «political correctness» took on a completely different meaning. At the time, leftist circles began to use it to ironically ridicule the orthodoxies common among die-hard supporters of the Communist Party. They argued that these supporters held the «party line» - the doctrine of the Communist Party - to always be the highest standard of what was factual, acceptable or «politically correct» [34]. American scientist J. Hughes believes that the PC appeared thanks to the «Great Helmsman», and speaks of its germination on Western soil: «... political correctness first arose during the dictates of Mao Tse-Tung, then the chairman of the Chinese Soviet Republic, in the 1930s. But half a century later it changed, reappearing in a completely different environment, a developed capitalist society in which freedom of speech was guaranteed by the Constitution for two centuries, and, surprisingly, in American universities» [27, p. 5]. The modern American manifestation of PC appears in quotes dating back to the 1970s, in the context of the left and feminism. In fact, the first debate over the legality, status and semantics of the term arose in the late 1960s. within the framework of feminism, which has little in common with communism [22].

In the 1990s, conservatives used «political correctness» as a weapon to attack liberal intellectuals who supposedly policed language to advance an ideological agenda and suppress oppositional views. One of the first and most influential statements was published in October 1990 by New York Times reporter R. Bernstein, who warned - under the headline «The Growing Hegemony of the Politically Correct» - that the nation's universities were threatened by «growing intolerance, the cessation of debate, pressure to conform» [19]. Shortly thereafter, New York Magazine's January 1991 cover story, provocatively titled «Are you Politically Correct?», denounced the emergence of new «fundamentalists» consisting of «multiculturalists, feminists, radical homosexuals, Marxists and new Historians», who insisted that «Western culture and American society are hopelessly racist, sexist, and repressive» [16]. As M. Weigel stated, suddenly, «instead of being a phrase that the left used to curb dogmatic tendencies within its movement, «political correctness» became a talking point for neoconservatives, who declared that the PC represented a left-wing political program that was seizing control of American universities and institutions. Culture» [36].

Also in 1991, President George H. W. Bush gave a commencement speech at the University of Michigan: «[Although] the notion of political correctness arises from the laudable desire to sweep away the debris of racism and sexism and hatred, it replaces old prejudices with new ones» [26]. Bush's speech focused on the importance of protecting freedom of speech and against McCarthyism, which he believed was embodied by political correctness. Thus, political correctness became a matter of national policy. As K. Gibson rightly notes in an article entitled «How politically correct» went from compliment to insult, «the term political correctness was used both in the literal sense - with pride, to express a positive idea, and in the context of irony, indignation, insults and political disagreement» [26]. The above

examples show an internal contradiction in the concept of political correctness; it seems to express the ideals of justice, but at the same time, it can include insults and hostility towards political opponents in various areas.

As a backlash to the political correctness movement, political incorrectness arose. «After a period of initial acceptance, reactions ranged from mild criticism to outright hostility, ironic parody or contemptuous dismissal. At the same time, different genres and figures arose in political culture, which in different ways express views and use language that is blatant in its political incorrectness» [27, p. 16]. For example, a blatant example of "political incorrectness" in the West is now considered to be the numerous statements and statements of 45 US President Donald Trump, for whom the «concept of PC was very different in meaning from the earlier use of this term and was used to condemn a much wider range of socio-political models behavior» [35]. Trump wasn't just considered personally politically incorrect, he waged war on the PC, openly criticizing it as America's biggest enemy, a tedious waste of time, and worse, something that prevents America from "getting things done" and "doing the right thing" i.e. act decisively and judiciously to counter national threats such as Islamic terrorism, illegal immigration, and foreign commercial competition [37]. Steve Brotman notes that for Trump, political incorrectness has become the new norm of political correctness [21]. Bill Mar, host of the popular American show "Politically Incorrect," notes «that Trump says everything frankly, and people like it. He points out that an entire generation of Americans is tired of political correctness and cautious politicians - they are sick of it» [28]. K. Chau believes that «for conservative Americans, the term "political correctness" has become synonymous with political cowardice and an overly sensitive attitude to language» [5]. We can observe similar examples in Western Europe, for example, in Germany, critics of the migration policy of former Chancellor Angela Merkel (in most cases, representatives of right-wing radical forces) allowed themselves to make frank statements about their reluctance to see Muslim migrants in their country [31]. The right-wing party "Alternative for Germany", which entered the Bundestag in the 2017 elections, openly calls for expelling uninvited guests from the country, thereby violating all laws of political correctness, while the Germans did not hide their disappointment in the current migration policy, condemning the behavior of migrants in receiving countries [25].

Having analyzed the history of the emergence and modification of the concept of "political correctness" in the Western world using the example of the United States, which, of course, significantly influences political and social life on a global scale, we can come to the conclusion that political correctness is symbolic censorship, which, in turn, means «a set of mainly unofficial, but also semi-official and less often official prohibitions, the common distinguishing feature of which is the taboo of symbolic meanings considered by certain collective socio-political actors as ethically unacceptable and politically provocative» [12, p. 222]. Probably, it is precisely this emphasis in the interpretation and understanding of the phenomenon of political correctness - an emphasis that well reflects the widely declared adherence to certain standards of sociocultural and linguistic behavior in Western European countries, which contribute to the achievement of a conflict-free atmosphere in society - that can become a methodological tool for its comprehensive analysis in the context of this study.

2.1. The language of political correctness

The language, culture and mentality of different peoples are closely interconnected. The value system accepted in society is reflected in the language and influences its development. Changes in public life: cultural, social or political, lead to changes in the perception of the world by its members, which is also reflected in the language system. As S.G. Ter-Minasova rightly notes, «language is a mirror of culture, it reflects the social consciousness of the people, their mentality, national character, way of life, traditions, customs, morality, value system, attitude, vision of the world» [13, p. 14]. A clear example of such a relationship is the changes in the cultural picture of the world in English-speaking countries caused by the spread of the concept of political correctness. Speaking about the reason for the emergence of politically correct language, it is worth mentioning the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativity, according to which «language is the most important tool for thinking and perceiving reality, ... the thinking of a member of a certain ethnic and cultural community depends on language and only on it» [10, p. 49]. Therefore, if a person uses words that negatively evaluate a concept, then the speaker subconsciously develops a negative attitude towards the concepts. Supporters of political correctness adhere to this point of view, believing that «by changing language, people can radically change their forms of thinking and behavior» [10, p. 50].

Politically correct speech is a specific "language code", which, from the point of view of sociolinguistics, «represents the norms of linguistic behavior that an individual must, in the eyes of others, follow to a greater or lesser extent, and some of these norms will be norms of linguistic behavior - codes of the corresponding language» [1, p. 137].

Some liberal scholars pursue progressive social change through language, coining neutral neologisms to replace words they consider biased, offensive, and perpetrators of bias and oppression against disadvantaged groups. J. Mast views PC as a specific phenomenon, arguing that PC is in fact «a set of discourses and strategies designed to combat historically rooted and socio-culturally entrenched hierarchical systems of classification» [29]. On the one hand, this is the tabooing of words and expressions that do not meet certain criteria (politeness, tolerance, etc.), on the other hand, their replacement with more acceptable neutral (euphemisms) or positively colored definitions, as well as the creation of new words and phrases (so-called newspeak). N. Fairclough adheres to a similar point of view, considering «political correctness as "cultural politics" and political disagreements, at the center of which are different representations, values and concepts of identity» [23]. Since both sides of the conflict believe that cultural change must come with language change, these disagreements, he argues, have a lot to do with the nature of discourse. Active PC advocates strive to achieve the institutionalization of anti-racist and anti-sexist language. At the same time, the illocutionary force of activists' statements is very variable (request, persuasion, demand), but in any case we are talking about the desire to change individual behavior and language. They are convinced that the transformation of discourse will lead to changes in social practices through "processes of dialectical internalization." For example, writes N. Fairclough, if you call a person a "partner" and not a "lover" or "cohabitant," this will lead to a change in the perception of extramarital affairs and the attitude of others towards them, and, consequently, to a change in value orientations [23]. As D. Moller adds, «political correctness is an attempt to establish norms of speech (or sometimes behavior) that are believed to protect vulnerable, marginalized or historically persecuted groups and function by shaping public discourse, often by suppressing speech or other forms of social cues that contain the danger of insult, arbitrariness, desecration, and lowering the self-esteem of representatives of these groups and their supporters» [30].

Terminologically linking political correctness with language, S. G. Ter-Minasova highlights such an aspect as replacing some linguistic expressions with others, which makes it possible to eliminate painful, sensitive moments that humiliate a person: «political correctness of language is expressed in the desire to find new ways of linguistic expression to replace those, which hurt the feelings and dignity of the individual» [\[13, p. 215\]](#). In her opinion, political correctness represents a “purified”, “correct” version of language that excludes or minimizes discrimination against certain groups that are in a disadvantaged social position [\[13, p. 216\]](#), while some linguists add that in every country there are linguistic and sociocultural prerequisites that either promote or, conversely, hinder the formation of a language of political correctness [\[6\]](#).

The point of view expressed by Russian researcher V.V. Mayba. is also worthy of attention, who considers the language of political correctness as a two-level formation, that is, words and expressions that directly express the values and attitudes of political correctness, and, in fact, politically correct linguistic units, which are the result of the application of political correctness ideologies to the language system, performing the function of metaconcepts [\[6\]](#). Mainly PC is trying to establish a new polite public discourse to replace the various forms of individual and public use of combinations expressing prejudice and derogatory to human dignity [\[27, p. 59\]](#).

It is worth noting that political correctness was initially introduced in order to ensure successful communication, which required the selection of special linguistic means in a specific speech situation. The ideologists of political correctness argued that it is associated with the desire to respect the feelings and dignity of the individual and is aimed at respecting his rights in all spheres of life, including language. However, as noted by M.V. Melnikov, the actualization of modern political correctness is an example of the inventive way in which social engineers, such as manipulators of the New World Order, work, when the vocabulary of formal communication is subject to careful self-censorship, and “incorrect” language causes a great negative resonance in society [\[7, p. 129\]](#). Currently, there is a constant increase in the number of prohibited words and a ban on too specific discussion of certain areas of life, which is reflected not only in the media, but also in fiction and scientific literature, and in colloquial speech. Italian philosopher Umbert Eco notes that at the moment, political correctness is the main enemy of tolerance [\[13, p. 223\]](#).

Let's give just a few examples. Firstly, in the context of political correctness, not only the language code is subject to correction, but also symbolic images. Phillip Island's iconic fairy penguins have been renamed "Little Penguins" in Queensland to avoid offending the gay community. London-based book publisher Ladybird Books has asked "sensitive readers" to reconsider the fairy tales Cinderella and Sleeping Beauty for inclusivity. One of the problems was the presumption of gender pronouns. For example, the princess says "man" when she first sees the prince and has not yet met him, although gender-neutral language is preferable in such situations." Secondly, there are aspects of political correctness that go beyond the consideration of not only linguistics, but also semiotics as the science of signs. Actions and actions may not be politically correct. As a sign of inclusivity, British theaters have opened “gender-neutral toilets” for the convenience of transgender people [\[20\]](#). The United States of America has gone even further, and US passport applicants can choose their own gender (one of three genders, including non-binary "X"), with parents listed as Parent 1, Parent 2 [\[24\]](#). The so-called “politically correct language” has become normative for the formal style of communication and determines the dynamics of the social climate in

English-speaking countries.

Political correctness, according to its critics, has created an ultra-oppressive socio-political environment in which abstract ideals associated with diversity, equality and social justice take precedence over truth, common sense, the national interest and even nature itself. According to A. Skalchru, «the more political correctness tries to smooth out conflicts that arise in society, the more of them it generates» [\[33\]](#). As stated, for example, by L.G. Ionin, «political correctness... is not an accidental ideological phenomenon limited by place and time, but a fundamental and most important characteristic of modern mass democracy... ideology, serving, on the one hand, to justify the domestic and foreign policies of Western states and unions, and on the other - suppressing dissent and ensuring ideological and value consensus» [\[3\]](#).

2.2. Political Correctness in Uzbekistan

It must be emphasized that most of the works of scientists known to us are devoted to the consideration of political correctness in relation to Western cultures, while Uzbek culture is beyond the attention of researchers, however, political correctness is not the prerogative of only American society. Many Russian linguists [\[8, p. 135; 15, p. 95\]](#) note that currently this phenomenon is international in nature. Thanks to English, which has become the language of international communication over the past few decades, more and more societies are being involved in this process. It should be noted that phenomena that fall within the realm of political correctness vary among different peoples.

In recent years, political correctness has increasingly attracted the attention of the Uzbek public. This happens for obvious reasons. Firstly, for the Uzbek people, who are increasingly involved in the process of intercultural communication, the ability to correctly interpret the content of politically correct statements in English is the key to effective communication. Secondly, the multinationality of the Uzbek state, the strengthening of intercultural and interfaith hostility, violation of human rights, and the manifestation of xenophobia speaks of the need to cultivate tolerance, behavioral and linguistic correctness in Uzbek society.

The emergence of political correctness in the Uzbek language and culture is facilitated by the processes of globalization, the development of modern technologies, and some other factors. M. Yu. Palazhchenko in his dissertation "Political Correctness in Linguistic and Cultural Tradition (in English and Russian Material)" notes that the creation of new, politically correct terminology is the prerogative of economically prosperous societies [\[9\]](#). At the same time, in Uzbek society there is a deliberate refusal to borrow Western liberal norms and a consistent orientation towards the principles of «national identity and cultural traditions» in constitutional development [\[4, p. 23\]](#).

Researchers agree that ideas about political correctness in the Republic of Uzbekistan are still very vague. It is impossible to find a definition of political correctness in Uzbek dictionaries (whether political, sociological, cultural or explanatory). This tells us that the phenomenon has not yet received due attention. The idealization of the American way of life led to the penetration of many phenomena into the Uzbek language, including political correctness, but unlike the West, here it did not develop into ideology. Political correctness is not so popular in the Republic of Uzbekistan, and part of the origins of the unpopularity of politically correct terms originate in the Uzbek language itself. As Russian scientists Z. Popova and I. Sternin point out, the assimilation of political correctness is a slow process, because borrowed concepts, especially abstract ones, usually belong to the category of

single, non-systemic ones - they do not immediately find a paradigm, and the semantic composition of the word that names them is not immediately formed, they are expressed for a long time in descriptive phrases, accompanied by explanations, etc., which usually explains their difficult entry into the culture of the people who borrowed them [11]. In addition, the difficulty of understanding and using euphemistic constructions on the part of the Uzbek society is due to the fact that it (the language) is not very burdened with the norms of political correctness. The reasons for this state of affairs are the lack of relevant laws and instructions in the Republic of Uzbekistan, as well as the lack of formation of this concept in the minds of the majority of Uzbek language speakers. E.V. Kharchenko notes the fact of rejection of other people's ideas with differences in value systems, enshrined in spiritual priorities [14, p. 276]. Different understandings of morality underlie the Muslim (i.e., Uzbek) consciousness, on the one hand, and the Western – Christian, on the other. Western man is formed on the values of Protestant ethics with its priority of personality and individual self-realization. Individualism is one of the key characteristics of Western countries, particularly English-speaking communities. The concept of individualism brings to the fore such important things for English-speaking cultures as the attitude towards the human person as the highest value (there is the so-called cult of the individual); freedom and independence of the individual, its self-realization must be respected and respected.

Individualism is closely related to another very important concept in the English-speaking world: privacy. It explicates the presence of such values in English-speaking cultures as personal freedom and personal autonomy. A. Vezhbitskaya also emphasizes that a distinctive feature of Western civilization was and remains the distinction between public and private life [2, p. 187]. American values such as privacy and individualism are not fundamental to Uzbek culture, which is characterized by collectivism, especially clearly manifested in mahallas (Uzbek neighborhoods) - the guardians of age-old national foundations. Circulation of resources - mutual exchanges at *toy* (weddings), which create a network of mutual obligations, redistribute capital and help "keep the community intact." All this together, and not the "Uzbek character", gives local residents a «sense of home», «a sense of community» [32]. As the great Uzbek philosopher pointed out in his treatise, «Only through associations of many people helping each other, where each provides the other with some share of what is necessary for survival, can a person achieve the level of perfection to which he is destined by his nature» [17]. For her, Uzbek culture, the value of personal relationships and unity with the team is important. In Uzbek culture, compared to Western culture, the opposition of "public" and "private" is blurred, and its poles are practically not formed. Modern Uzbek society can be characterized as a hybrid society. It has distinctly modern features, while at the same time archaic clan relationships persist within society (although this also varies from province to province). In addition, people sometimes talk about the "Soviet syndrome": many aspects of the old system persist even after 30 years of independence.

Professor S.G. Ter-Minasova believes that the English language is generally more polite, more sensitive to the feelings of an individual, and explains this for historical and social reasons. The English mentality has always been characterized by a caring attitude, first of all, towards the individual, respect for his interests, feelings and experiences [13]. The relatively low prevalence of this phenomenon in Uzbek culture does not mean that English speakers are more polite than Uzbek speakers. In this case, according to A. Vezhbitskaya, «we are dealing not so much with "politeness" as such, but with various cultural values» [2, p. 45]. The very idea of being correct or simply observing linguistic tact, naturally, has long

existed in the Uzbek language. However, in Uzbekistan, unlike Western European countries, a slightly different linguistic behavior has developed, sometimes more aggressive, but also more sincere.

CONCLUSION

The study allows us to draw the following conclusions:

- 1) the phenomenon of political correctness is presented both on the socio-cultural level, closely related to ideology and politics, which consists in the persistent adherence to neutral formulations in relation to various groups of people, and the establishment of restrictions on freedom of speech, and on the linguistic (linguistic) level, which considers political correctness from the point of view of linguistic code aimed at finding new ways of linguistic expression instead of negative stereotypes that hurt the feelings and dignity of a person, infringing on his rights by habitual linguistic tactlessness and / or straightforwardness in relation to various kinds of subcultural groups and minorities;
- 2) the constant dynamics of politically correct language: what seemed acceptable yesterday ceases to be so; words that were considered an example of political correctness begin to be regarded as unacceptable, contrary to new moral norms;
- 3) in the Uzbek cultural space, in connection with the transition of Uzbekistan to market relations and the development of private property, it is gradually assimilating the concepts of political correctness, however, unlike Western countries, this concept has not become ideological, the attitude towards this phenomenon is mainly negative, Uzbek society for the most part resist other people's values. The term political correctness itself is not often used in research to describe a phenomenon important to Western society and in the media;
- 4) perhaps political correctness will never become such a comprehensive ideology in Uzbekistan as in the West, due to the uniqueness of the mentality and the Muslim religion, but the emergence of an increasing number of politically correct words and expressions cannot be denied. The Uzbek difference from the West is that the Uzbek people are much freer in their choice of words, no one forbids Uzbeks to call a spade a spade, in addition, the Uzbek media are not under such strict control of public opinion as in the United States. Difficulties are caused by differences in cultural norms and value orientations, grammatical design and semantics of statements, their associative connections, etc.;
- 5) we can conclude that the common features of American and Uzbek communicative behavior are openness, informality, directness in communication and emotionality. However, these features of American speech behavior do not prevent the spread of ideas of political correctness in society, since the communicative behavior of Americans is much more strongly influenced by such features of the American mentality as individualism, law-abidingness and attitude towards any person as a client on whom one's own well-being and achievement of high social status depends . As noted above, the ideology of political correctness in American society is formed primarily at the political and even legislative levels, and social and political prerogatives, accordingly, dictate the laws of its development to the language.

Библиография

1. Белл Р. Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. – Москва: Международные отношения, 1980. – 318 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.

3. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир // Л. Ионин. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2012. – 112 с.
4. Лалаянц Л. А. Особенности современного политического процесса в Республике Узбекистан // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2013. – №. 13. – С. 23-25.
5. Леонтович О. А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // *Russian Journal of Linguistics*. – 2021. – Т. 25. – №. 1. – С. 194-220.
6. Майба В.В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2016. – 107 с.
7. Мельников М. В. и др. Политкорректность в английском языке и актуальность ее изучения в вузе // Филологические науки в МГИМО. – 2019. – Т. 2. – №. 14. – С. 127-134.
8. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. 2-е изд-е. Москва: ЛЕНАНД, 2007. – 264 с.
9. Палажченко М. Ю. Политическая корректность в языковой и культурной традиции (на английском и русском материале): дис. ... канд. культурол. наук. – Москва, 2004. – 239 с.
10. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория : дис. канд. фил. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2004. – 217 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Общее языкознание: учебное пособие. 2-е изд-е, перераб. и доп. Москва: Восток-Запад, 2006. – 285 с.
12. Поцелуев С.П., Курбатов А.В., Маник А.С. Политическая корректность как политическая цензура: к иронии одного концепта // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 214–223. <http://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-1-214-223>
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва: Слово, 2000. – 624 с.
14. Харченко Е.В. Столкновение культур в рамках одной организации // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Москва: Ин-т языкоznание РАН, 2004. – С. 268-286.
15. Цурикова Л.В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен // Эссе о социальной власти / под общей ред. Л.И. Гришаевой. Воронеж. Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 94-102.
16. A report from Tulane University, quoted in: John Taylor, "Are You Politically Correct?" The New York Magazine, January 21, 1991.
17. AL-FARABI. FILOSOFSKIE TRAKTATY. Alma-Ata, 1972. Available at: https://platona.net/load/_knigi/jpofilosofii/i_storij_afilosofiarabskaj_a/al_farabi_filosofskietraktaty_1_972/59-1-0-1659
18. Berezow A. Political correctness prevents advancement of science // American Council of Science and Health. – 2016.
19. Bernstein R. The rising hegemony of the politically correct // New York Times. – 1990. – Т. 28. – С. 1-4.
20. Bovens L., Marcoci A. The gender-neutral bathroom: a new frame and some nudges // Behavioural Public Policy. – 2023. – Т. 7. – №. 1. – С. 1-24.
21. Brotman S. For Trump, being politically incorrect is now 'PC' // URL: <https://thehill.com/blogs/pundits-blog/presidential-campaign/288840-trumps-politically-correct-paradox> (accessed: 17 June, 2020). – 2016.
22. Ely R. J., Meyerson D. E., Davidson M. N. Rethinking political correctness // Harvard business review. – 2006. – Т. 84. – №. 9. – С. 78.
23. Fairclough N. Political correctness': The politics of culture and language // Discourse &

- Society. – 2003. – Т. 14. – №. 1. – С. 17-28.
24. Garcia L. Mirrors and Windows // Black Lives Matter at NYC Schools. URL: <https://blmedu.wordpress.com/2018/01/31/mirrors-and-windows-by-lalena-garcia/> (accessed: 14 July, 2020). – 2018.
25. Gastfreundschaft lässt sich nicht verordnen. Zeit Online, 03.10.2018. Available at: [https://www.zeit.de/kultur/2018-10/fluechtlinge-gastfreudschaft-identitaere-philosophie-essay](https://www.zeit.de/kultur/2018-10/fluechtlinge-gastfreundschaft-identitaere-philosophie-essay) (accessed 06.09.2023).
26. Gibson C. How 'politically correct' went from compliment to insult // The Washington Post. – 2016. – Т. 13.
27. Hughes G. Political correctness: A history of semantics and culture. – John Wiley & Sons, 2011.
28. Maher B. Bill Maher pens blistering essay on Hillary as "Charlie Brown", Trump and Why Bernie Sanders, socialist, can win // The Hollywood Reporter. – 2016.
29. Mast J. L. Legitimacy troubles and the performance of power in the 2016 US presidential election // American Journal of Cultural Sociology. – 2017. – Т. 5. – С. 460-480.
30. Moller D. Dilemmas of political correctness // Journal of Practical Ethics. – 2016. – Т. 4. – №. 1.
31. Neuerer D. AfD-Politiker fordert „Schutzanlagen“ gegenMigranten. Handelsblatt, 08.09.2015. Available at: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/alternative-fuer-deutschland-afd-politiker-fordert-schutzanlagen-gegenmigranten/12292864.html> (accessed 31.08.2023).
32. Sievers E. W. Uzbekistan's mahalla: from Soviet to absolutist residential community associations // Chi.-Kent J. Int'l & Comp. L. – 2002. – Т. 2. – С. 91.
33. Scalcău A. et al. The paradoxes of political correctness // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. – 2020. – Т. 15. – №. 4. – С. 53-59.
34. Schwartz H. S. Political correctness and the destruction of social order: Chronicling the rise of the pristine self. – Springer, 2016.
35. Schwarz O. Why did Trump call prayers politically correct? The coevolution of the PC notion, the authenticity ethic, and the role of the sacred in public life // Theory and Society. – 2023. – С. 1-34.
36. Weigel M. Political correctness: how the right invented a phantom enemy // The Guardian. – 2016. – Т. 30. – №. 11. – С. 2016.
37. Why Trump's War on "Political Correctness" Is Good News for Hate Speech. Vanity Fair, 09.08.2016. Available at: <https://www.vanityfair.com/news/2016/08/donald-trump-political-incorrectness> (accessed 07.09.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Феномен политкорректности в английском и узбекском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к сравнительно-сопоставительному изучению языков разных языковых групп, а также ввиду того, что сопоставление языков в когнитивном аспекте является одним из перспективных направлений в современной лингвистике и обширной областью для проведения исследований.

Статья представлена на английском языке.

Автор обращается к феномену политкорректности, который развит в английском языке,

однако не играет большой роли в узбекском.

В ходе исследования автор ставит следующие задачи: 1) определить понятие политкорректности и исследовать его эволюцию в английском языке, а также показать динамику внедрения в узбекском обществе; 2) выявить основные аспекты политкорректности.

В статье рассматриваются актуальные проблемы лексикологии и концептологии через призму лексики двух различных культур. Исследование является сопоставительном, проведенном на материале двух языков. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы.

К сожалению автор не указывает объем корпуса исследования, а также методологию его формирования для каждого из исследуемых языков.

Теоретические измышления недостаточно проиллюстрированы языковыми примерами, а также отсутствуют убедительные данные, например, полученные статистическими методами или корпусным анализом.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Отметим, что заключение требует усиления, оно не отражает в полной мере задачи, поставленные автором и не содержит перспективы дальнейшего исследования в русле заявленной проблематики. Библиография статьи насчитывает 37 источников, среди которых представлены работы как на русском, так и иностранных языках.

Высказанные замечания не являются существенными и не умаляют общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов лексикологии, сравнительному изучению английской и узбекской культур, изучению политического дискурса, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвященным связи языка и общества. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Феномен политкорректности в английском и узбекском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Творительный падеж существительных сквозь призму авербализации и прономинализации // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71472
EDN: YHXXBS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71472

Творительный падеж существительных сквозь призму авербализации и прономинализации

Шигуров Виктор Васильевич

ORCID: 0000-0002-0765-0482

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

[✉ shigurov@mail.ru](mailto:shigurov@mail.ru)

Шигурова Татьяна Алексеевна

ORCID: 0000-0002-4898-6484

доктор культурологии

профессор; кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

[✉ shigurova_tatyana@mail.ru](mailto:shigurova_tatyana@mail.ru)

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71472

EDN:

YHXXBS

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2024

Аннотация: Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования зон пересечения транспозиционных процессов в системе частей речи русского языка, демонстрирующих широкий спектр переходных явлений периферийного и гибридного типа. Синкетичные структуры, образующиеся в результате взаимодействия трех и

четырех частей речи и семантико-синтаксических разрядов предикативов и вводно-модальных единиц, обеспечивают возможность лаконичной, но семантически емкой передачи информации. Новизна исследования связана с тем, что в нем впервые предпринимается попытка выявления связей между этапами и пределом адвербиальной и прономинальной транспозиции языковых единиц на материале взаимодействующих существительных, наречий и местоимений. Целью исследования является комплексный анализ механизма ступенчатой транспозиции форм творительного падежа существительных в разряды определительно-количественных и обстоятельственно-пространственных наречий, а также в разряды неопределенных местоимений, соотносительных с числительными и наречиями. Объект анализа – субстантивные словоформы, вовлеченные в процессы адвербиальной и прономинальной транспозиции, предмет рассмотрения – этапы и признаки функциональной и функционально-семантической адвербиализации и прономинализации. Материалом для исследования послужили контексты употребления словоформ из Национального корпуса русского языка и собственные примеры авторов статьи, демонстрирующие разные стадии адвербиализации и прономинализации. Для достижения поставленных задач применялись такие методы исследования, как структурно-семантический и лексикографический анализ, оппозиционный метод, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа, лингвистический эксперимент. В результате исследования установлено, что ряд субстантивных словоформ в русском языке оказываются вовлеченными в такие транспозиционные процессы, как адвербиализация и прономинализация. Выявлено, что степень адвербиальной и прономинальной транспозиции у них неодинакова. Словоформы типа «навалом», «местами» подвержены собственно грамматической (функциональной) адвербиализации, протекающей в семантической зоне исходных лексем, а словоформы типа «порядком» подверглись функционально-семантической адвербиализации, нарушающей смысловое тождество исходных лексем. Выявлено, что грамматический или лексико-грамматический тип адвербиализации существительных может быть сопряжен с начальной или конечной стадиями их прономинальной транспозиции. Определены контексты, демонстрирующие разные стадии адвербиализации и прономинализации форм творительного падежа существительных. Представленные наблюдения могут послужить основой для дальнейшей разработки проблем совмещения разных типов транспозиции единиц в системе частей речи русского языка.

Ключевые слова:

русский язык, транспозиционная грамматика, адвербиализация, прономинализация, существительное, наречие, местоимение, зона периферии, ядро, периферия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

1. Вводные замечания

В современном русском языке широкое распространение получили слова и словоформы, предназначенных для экономной передачи емкой и разноспектной информации [6; 9, с. 380–390; 14]. Появление таких единиц во многом обусловлено действием механизма транспозиции языковых единиц в области частей речи и семантико-синтаксических

разрядов предикативов и вводно-модальных слов и выражений. В связи с этим весьма актуальным для теоретической грамматики является исследование природы и функционирования механизма частеречной транспозиции. Изучение этого механизма позволяет глубже осмыслить многие вопросы, связанные с взаимодействием грамматики и лексики в синкетичных структурах на разных стадиях субстантивации, адъективации, авербиализации, препозиционализации и т.п. (см., напр.: [1; 3; 5; 19, с. 313–350]). В результате ступенчатых транспозиций языковых единиц формируются периферийные и гибридные образования, совмещающие в той или иной пропорции и комбинаторике признаки взаимодействующих классов слов (см., напр.: [15, с. 434–439]). А.М. Пешковский писал: «...Как человек может быть одновременно и умным, и блондином, так и слово может быть одновременно и прилагательным, и местоимением («такой»), и глаголом, и числительным («утраиваю»), и прилагательным, и предметным словом («каменный»), и существительным, и качественным словом («белизна») и т. д.» [16, с. 47–48]. Осмысление синкетичных структур такого типа по принципу «или... или» невозможно: здесь есть и то, и другое, но в разной пропорции. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что слово может оказаться в зоне одновременного взаимодействия, не двух, а трех и даже четырех классов и безлично-предикативных и вводно-модальных семантико-синтаксических разрядов, что позволяет говорить о пересечении транспозиционных процессов предикативации, авербиализации, интеръективации и др. (см., напр.: [22, с. 34–43; 23, с. 23–34]). Вопрос о пересечении процессов авербиализации и прономинализации форм творительного падежа существительных относится к числу вопросов, почти не затронутых в русской грамматике, что делает актуальным предпринятое нами исследование. Новизну подхода определяет использование методики оппозиционного анализа, позволяющей выявить разные стадии и признаки авербиальной и прономинальной транспозиции субстантивных словоформ. Цель работы – комплексное исследование основных линий и глубины взаимодействия транспозиционных процессов авербиализации и прономинализации беспредложных форм творительного падежа существительных. Объект анализа – словоформы, в той или иной степени подвергшиеся транспозиции в наречия и местоимения-числительные. Предмет рассмотрения – стадии, признаки и предел их авербиализации и прономинализации. Материал исследования – типовые контексты употребления существительных, подвергшихся в той или иной мере авербиальной и прономинальной транспозиции, из «Национального корпуса русского языка» (далее: [НКРЯ]) [12]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>, а также собственные примеры авторов статьи. Для решения поставленных в работе задач использовались такие методы исследования, как структурно-семантический и лексикографический анализ, оппозиционный метод, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа, лингвистический эксперимент. Методологическую основу исследования составили работы отечественных и западных авторов по разным аспектам теории транспозиции, конверсии, деривации, трансформации (см., напр.: [2; 8, с. 5–11; 10, с. 9–25; 18; 20, с. 25–38; 26, с. 13–26; 27; 28]). Учитывался также исследовательский опыт в данной области и авторов статьи (см., напр.: [25, с. 5072–5976; 29, с. 177–191]).

2. Результаты исследования и обсуждение

В результате исследования авербиализации форм творительного падежа существительных без предлогов в класс наречий установлено, что данный тип транспозиции может пересекаться с прономинализацией и модальцией. В итоге образуются особые гибридные структуры, находящихся в зоне влияния разных частей

речи (существительное, наречие, местоимение) и межчастеречного семантико-синтаксического разряда вводно-модальных единиц. Ср., например, местоименно-числительный (1) и вводно-модальный типы употребления (2) адвербиализованных форм творительного падежа существительных:

- (1) *Народу было **порядком*** (\approx 'много');
- (2) *Вы, **часом**, не художник?* (\approx 'случайно').

В настоящей статье речь пойдет о совмещении процессов адвербиализации и прономинализации, в которые оказываются вовлечеными словоформы на *-ом / -ами* типа *навалом, битком, порядком; местами*.

Адвербиализация указанных словоформ может иметь двоякую природу. Во-первых, это может быть чисто грамматический (функциональный) тип транспозиции языковых единиц в наречия, протекающий в пределах исходных субстантивных лексем (*навалом, местами*). Во-вторых, такая адвербиализация, будучи функционально-семантический, способна приводить к нарушению тождества субстантивных лексем и образованию на базе форм творительного падежа единственного числа (*битком, порядком*) новых, адвербиальных единиц языка. В результате адвербиализации субстантивных словоформ *навалом, битком, порядком* образовались количественные наречия меры и степени, а в результате адвербиализации субстантивной словоформы *местами* – пространственное наречие, используемое для локализации местоположения предмета. Ср., например, контексты употребления частеречных омонимов – существительного *порядком* (3) и наречия *порядком* (4):

- (3) *Вероятно, и Пальчиков ему пригождался для этого – чтобы сказали: смотрите, я могу думать не только о работе, не только о прибыли, но и о человеке. Я могу ради человека пренебрегать **порядком**. Я могу ради человека уступать* [А. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014][НКРЯ];
- (4) *Похоже, Шувалову уже **порядком** поднадоела эта история длиной почти в три года* [А. Лабыкин. Монопольный форсаж // «Эксперт», 2014] [НКРЯ].

С учетом пересечения процессов адвербиализации и прономинализации в структуре словоформ типа *навалом, битком, порядком* можно выделить три типовых контекста их употребления. В этом плане показательно, например, сравнить типы употребления словоформы *навалом*.

Во-первых, это контексты собственно субстантивного употребления *навалом*:

(5) *За высоким **навалом** декораций, в окошке под потолком, ворочалась, черно запечатывая всё, тяжелая тень* [В. Шапко. Бич // «Волга», 2011] [НКРЯ]; *К чести душевной трезвости о, Кириллы, он недолго задержал сына на горней высоте, куда того вознесло тайное родительское честолюбие, тлеющее под душным **навалом** нужды и разочарований* [Ю. Нагибин. Беглец (1977)] [НКРЯ]; *Маня ложилась спать рано, по-крестьянски, но в этот раз она долго стояла за **навалом** бревен недалеко от клуба...* [П. Проскурин. Судьба. Книга первая. Адамов корень (1993)] [НКРЯ]; *Я не заметил, когда и как очутился под **навалом** бревен, переброшенных через канаву* [К. Воробьев. Друг мой Момич (1965)] [НКРЯ]; *На базаре рядом с рундуками, обитыми цинком, рядом с **навалом** камбалы и розовой султанки плескались мелкие волны и поскрипывали бортами шаланды* [К. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность (1954)] [НКРЯ].

Во-вторых, это контексты собственно адверbialного употребления *навалом* со

значением 'беспорядочной кучей' в функции присубстантивного атрибута или обстоятельства образа действия (иногда с оттенком меры и степени) при глаголах типа *грузить*, *нагрузить*, *лежать*, *валяться* для обозначения действия, связанного с множеством предметов. Само слово *навал* образовано способом нулевой суффиксации от кумулятивного глагола *навалить*, обозначающего достижение итогового значительного количества результатов, объектов при многократном осуществлении действия. Например:

(6) *Ребята возмущались малым наличием мешков: в них бы отправлять картошку в город, в них, а не громоздить ее кучами для **погрузки навалом**, чтобы гибла в пути* [А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998] [НКРЯ];*Письма разлетались. Их сгребали в кучу, **грузили навалом**. Десятки тысяч писем* [В. Катаев. Время, вперед! (1931-1932)] [НКРЯ];*Ребята возмущались малым наличием мешков: в них бы отправлять картошку в город, в них, а не **громоздить** ее кучами для погрузки **навалом**, чтобы гибла в пути* [А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998] [НКРЯ];*Выбило и рамы, выбросило фикусы, кастрюли, аквариумы – все это **навалом валялось** по всему двору, и все хрустело и звенело под ногами* [Ю. Казаков. Из повести «Две ночи» («Разлучение душ») (1960-1970)] [НКРЯ];*Рядом **навалом, горой, лежали** тюки с конфискатом* [Грэй Ф. Грин. Кетополис – Киты и броненосцы (2001)] [НКРЯ].

В-третьих, это контексты местоименно-числительного употребления адвербиализированной субстантивной словоформы *навалом* в синкетической функции предиката-обстоятельства меры и степени или обстоятельства меры и степени (при глагольных предикатах со значением наличия, появления чего-либо типа *иметься*, *появляться*). Таковы разговорные конструкции с родительным падежом имени, обозначающие неопределенное большое количество объектов, типа *Каких-то предметов навалом*, т.е. очень много:

(7) *Рассказ можно написать о чем угодно. Сюжетов **навалом**. Возьмем любую профессию* [С. Довлатов. Заповедник (1983)] [НКРЯ];*На Нижнем Амуре, где осетров и калуги **навалом**, в каждой деревушке давным-давно существовали подпольные цеха, они готовили отменную икру...* [Л. Наумова. Последняя книга писателя // «Дальний Восток», 2019] [НКРЯ];*Старое советское выбрасывали, покупали все импортное... «Челноки» тут же всего навезли: чайники, телефоны, мебель... холодильники... Откуда-то всего появилось **навалом*** [С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013] [НКРЯ].

В контекстах типа (7) наблюдается пересечение адвербиальной и прономинальной транспозиции в структуре словоформы *навалом*. Однако степень ее адвербиализации и прономинализации неодинакова. Если переход существительного *навал* в форме творительного падежа (*навалом*) в количественное наречие можно считать завершенным (в пределах исходной субстантивной лексемы), то переход этой же адвербиализированной словоформы в разряд местоимений-числительных представлен лишь начальной стадией, в связи с чем возникает особый тип гибридных образований. Ядерное отсубстантивное наречие *порядком* также обнаруживает лишь некоторое движение, или, иными словами, делает первый шаг по направлению к неопределенным местоимениям-числительным типа (*новых книг*) *несколько*.

Схожую ситуацию можно наблюдать с субстантивными словоформами *капельку* и *крошечку*, также подвергшимися процессам «завершенной» адвербиализации (правда, в отличие от *навалом*, нарушающей тождество исходных лексем – *капелька* и *крошечка*) и «начальной» прономинализации. Ср. контексты собственно субстантивного (8), адвербиального (9) и адвербиально-прономинального употребления словоформы *капельку* (10):

(8) Его мраморно-белые лепестки выгнулись, и в середине цветка появилась жёлто-золотая чаша, на дне которой, на голубых мягких тычинках, лежало маленько красное зёрнышко, похожее на **капельку** крови [А. Милорадов. Маленькая Божья Птичка // «Наука и религия», 2010] [НКРЯ];

(9) Ежели бы он был **капельку** лучше, он не стал бы заводить роман на стороне [Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)] [НКРЯ];

(10) Почтенная публика, **капельку** терпения! Сейчас на ваших глазах произойдёт чудо! [Д. Колодан, Карина Шаинян. Затмение (2007)] [НКРЯ].

Что касается транспозиционного процесса адвербиализации словоформы **навалом**, то она представлена в типовых контекстах четырьмя этапами (стадиями): а) стадией ядерных существительных в функции объектного дополнения (11); б) стадией периферийных существительных в функции обстоятельства образа или способа действия с возможным оттенком меры и степени, употребляемых с адъективными и / или субстантивными распространителями (12); в) стадией промежуточных субстантивно-адвербиальных образований, употребляемых без зависимых слов в синкетической функции дополнения и обстоятельства способа действия (13) и г) стадией одиночно употребляемых периферийных наречий, не нарушающих смыслового тождества исходной субстантивной лексемы в функции несогласованного определения и обстоятельства образа или способа действия (с возможным оттенком меры и степени) (14):

(11) Пассажиры были сильно напуганы огромным **навалом** сползшего снега;

(12) Кости лежали **сплошным навалом**. Сверху они были черные от карболки, но когда их ворошили, они становились белыми, желтыми, кремовыми [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)] [НКРЯ]; Буквально друг на друге, **сплошным навалом** искореженные танки, орудия, бронетранспортеры, автомобили [К. Ваншенкин. Рассказ о потерянном фотоальбоме (1973)] [НКРЯ];

(13) Он испугался погибнуть в больших теплых руках деревни, задохнуться в овчинном воздухе смиренных людей, побеждающих врага не яростью, а **навалом** [А. Платонов. Чевенгур (1929)] [НКРЯ];

(14) Зачем-то открыл шкафчик под телевизором. Там **навалом** лежали видеокассеты [О. Дивов. Молодые и сильные выживут (1998)] [НКРЯ]; Мы часто большинством двора выезжали на природу, и женщина Нонна везла нас **навалом** в своей машине, а сзади в такси следовал Циркачев со своей компанией и с девочкой Веточкой [Б. Вахтин. Три повести с тремя эпilogами / Летчик Тютчев, испытатель (1959-1964)] [НКРЯ]; Стволы **навалом**, один на одном, толстые, тяжелые, забуревшие от времени, и вскинутые вверх в судорогах костлявые ветви... [В. Тендряков. Находка (1965)] [НКРЯ]; При свете луны я увидел, что вся она до верха бортов была загружена прямо **навалом**, как дрова, свежей рыбой [С. Голицын. Записки беспогонника (1946-1976)] [НКРЯ]; Пускай из корзины торчат **навалом** краснаголовые подосиновики, белые, рыжики [И. Евдокимов. Левитан (1940)] [НКРЯ]; Четвертая спичка пояснила Векшину обилие бумаги в сундучке, чистой и порченой, этих небрежно исчерканных листков, втиснутых туда **навалом**, как сгреблось со стола [Л. Леонов. Вор. Часть 3 (1927|1959)] [НКРЯ]; Дай руку и ведай: не я на тебя **навалом** пошел [А. Чапыгин. Разин Степан (1927)] [НКРЯ].

Процессы адвербиализации и прономинализации словоформ типа **навалом**, протекающие в семантической зоне исходной лексемы **навал**, сопряжены, с одной стороны, с поэтапным (на разных стадиях адвербиализации) ослаблением и утратой признаков

существительных, а с другой стороны, с приобретением признаков наречий и – при местоименно-числительном употреблении – местоимений-числительных.

В результате собственно грамматической адвербиализации на стадии периферийных наречий (типовой контекст: *Вещи навалом* валялись по всему двору) словоформа *навалом* утратила основные категориальные признаки существительных – общеграмматическую семантику предмета; категории рода, числа и падежа; изменяемость по числам и падежам; функцию дополнения, сочетаемость с распространителями адъективного и субстантивного типа, разрядовые значения нарицательных, неодушевленных и абстрактных существительных, категориальный статус флексии у морфемы -ом. С другой стороны, у этой же словоформы появились частеречные признаки наречия: категориальная семантика признака признака, неизменяемость, первичная функция обстоятельства (образа или способа действия с возможным оттенком меры и степени); примыкание как способ присловной подчинительной связи с главным компонентом словосочетания.

В типовых контекстах вроде *Вещей было навалом* адвербиализованная словоформа *навалом* в местоименно-числительной функции представляет первую стадию прономинализации, что проявляется в появлении у нее категориального значения местоимения-числительного, а именно семантики указания на неопределенное множество предметов; сочетаемость с управляемой формой родительного падежа существительного, обозначающего «считаемые» предметы (*Книг – навалом; Навалом книг еще было в машине*); функция главного компонента синтаксически нечленимого словосочетания, выступающего в функции подлежащего или дополнения (*Навалом книг осталось дома*) или в предикативно-обстоятельственной функции (*Книг – навалом*). Ср. типичное местоимение-числительное: *Новых сапог – несколько; Несколько книг лежало на подоконнике*. В отличие от местоимения-числительного *несколько*, адвербиализованная словоформа *навалом* в местоименно-числительном употреблении не склоняется и не связывается синтаксически с зависимым существительным способом согласования в формах падежа и числа; ср.: *несколько книг* (управление формами родительного падежа множественного числа) и *несколькими книгами* (согласование в формах творительного падежа и множественного числа). Нет у нее и способности указывать на неопределенное множество чего-либо безотносительно к ситуативной норме; ср.: *Книг было несколько и Книг было навалом, т.е. больше некоей нормы*. Отличается *навалом* от *несколько* также отсутствием флексий в морфемной структуре слова.

Для образования *порядком* также характерны субстантивный (15), адвербиальный (16) и адвербиально-местоименно-числительный (17) типы употребления; ср.:

(15) *Водоем был типа водохранилища. Любовались природой и немецким порядком* [С. Носов. Грачи улетели (2005)] [НКРЯ]; *Прежние писатели относились к лицам с особым вниманием, взять хоть Достоевского: скромой и точный штрих – и, кажется, образ готов. Современные этим порядком пренебрегают* [Е. Чижова. Лавра // «Звезда», 2002] [НКРЯ];

(16) *Прорезая кромешную ночь робким светом ручных фонарей, до полночи ходила бригада берегом горной реки, тайно надеясь увидеть воскресшего чудом Степана, и когда у людей не осталось на поиск физических сил, то они, молча поев у тлевшего жарко костра порядком уже опостылевшей всем жирной баночной каши, всласть подымив в ночь вонючею, едкою «Примой», разбрелись отдыхать по двускатным армейским палаткам* [Л. Сермягин. Таймень // «Дальний Восток», 2019][НКРЯ]; *Рассветы,*

закаты, дым костров, девчонка, впервые попавшая на «Гамлета», – все это ему **порядком** надоело, все это было не то, не то, не то [Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)] [НКРЯ]; Конечно, его прекрасно знали везде, и в последний раз, когда его видели, он был **порядком**-таки навеселе [М. Пришвин. Серая сова (1938)] [НКРЯ]; Вдруг в Клину ввалился толстый-претолстый купчина, **порядком** выпивши [Вл. А. Гиляровский. Трущобные люди / Колесов (1887)] [НКРЯ];

(17) Приемная была невелика, а художников набралось **порядком**, но они были существами нематериальными, и поэтому на одном квадратном метре их могло уместиться бесконечно большое количество: ангелы входили друг в друга [В. Ревич. Штурмовая неделя // «Химия и жизнь», 1965] [НКРЯ]; Пошли сразу к Ильменям, а там народу **порядком** набилось, и все хита самая последняя [П. Бажов. Солнечный камень (1941)] [НКРЯ].

Однако, в отличие от **навалом**, субстантивная словоформа **порядком** преобразуется не в периферийное, а в ядерное наречие, которое функционирует за пределами семантической зоны исходной субстантивной лексемы **порядок** (см. также: [\[13, с. 108\]](#)).

Ср. лексические и грамматические омонимы в предложениях:

(18) Но все в этой единственной просторной комнате приятно поражало чистотой и **порядком** [В. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)] [НКРЯ] (существительное);

(19) Солнце **порядком** пригревало, когда я закончил разработку этюда, впоследствии послужившего основанием для картины, и отодвинул мольберт, чтобы бросить последний взгляд на озеро [И. Ефремов. Озеро горных духов (1942-1943)] [НКРЯ] (отсубстантивное наречие).

Местоименно-числительный тип употребления адвербиализованного существительного **порядком** встречается в пре- и постпозиции по отношению к управляемому родительному падежу имени, обозначающему неопределенно-считаемые объекты; ср.:

(20) **Золотишка-то** у них с Пантелеймоном **порядком** было [П. Бажов. Змеиный след (1939)] [НКРЯ]; А при казенных заводах в ту пору **немцев** **порядком** сидело [П. Бажов. Про главного вора. Сказ дегтярского горняка (1941)] [НКРЯ];

(21) Хрипушин с бычьей яростью, в которой было, однако, и **порядком неуверенности**...– тот итог, к которому пришла вся его путаная и нелепая жизнь [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)] [НКРЯ]; В столовой было еще **порядком народу**, но все разбрелись и кто где. [Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951-1956)] [НКРЯ].

Наречие **битком** генетически связано с творительным падежом существительного, не употребляющегося уже в современном русском языке. Поэтому ему присущи два типа употребления – собственно адверbialный и местоименно-числительный.

При собственно адверbialном употреблении **битком** реализует значение ‘очень плотно, тесно’ :

(22) Холодным выжным вечером после утомительного перехода полк остановился здесь отдохнуть и хоть как-то обогреться. Бойцы **битком набились** в уцелевшие избы [В. Тыцких. Через три войны // «Дальний Восток», 2019][НКРЯ]; А он снимает фильмы, на премьерах **залы битком**, поздравления, хвалебные статьи [А. Найман. Колыбель (2012) // «Октябрь», 2013][НКРЯ]; В Новом Летнем театре с неслыханным успехом идут гастроли

Ф. Шаляпина. Зал всегда набит битком. Певец поражает слушателей мощью голоса и артистизмом [В. Аксенов. Любовь к электричеству (1969)] [НКРЯ];

В местоименно-числительной функции наречие **битком** указывает на неопределенное-большое количество предметов 'очень много, уйма':

(23) *Итак, на каждом этаже – полутораметровой ширины коридор, а по обе стороны – выходящие в этот коридор, протянувшиеся вдоль своих коек комнаты, а в комнатах людей, детей и пожитков – битком* [А. Эппель. Бутерброды с красной икрой (1990-2000)] [НКРЯ]; Дело происходило в Академии имени Можайского, **народа** было **битком** [М. Зайчик. В нашем регионе // «Звезда», 2002]; Когда Ценциппер пришел в Африку, в зале было уже **битком** народу [Ю. Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003] [НКРЯ]; Купил я билет, захожу в зал, а там людей **битком**, все места заняты [Ф. Кривин. Район деревни Старокопытовки (1985)] [НКРЯ].

Адвербиализованные формы творительного падежа существительных **навалом**, **битком**, **порядком** в местоименно-числительном употреблении (24) функционально сближаются со словами разных частей речи, употребляемыми для обозначения неопределенного множества предметов, а именно с существительными (*море, океан, бездна, пропасть, туча*) (25), прилагательными (*полно*) (26), числительными (*десять, сто, тысяча, миллион*) (27), наречиями (*много, мало, немного*) (28), глаголами (*завались, хватит / хватает*) (29) (см. о них, напр.: [\[24, с. 32-138\]](#)). Например:

(24) *А вот когда мне было двадцать лет, говорит бабушка, помню, ехали мы в поезде, народу битком и пришлось всю дорогу стоять* [М. Палей. Поминовение (1987)] [НКРЯ]; Тут было **порядком** незнакомых лиц – должно быть, многие гости прибыли из Москвы, – но встретилась и пара известных физиономий: художник Чугунов и фотограф Калюкин [П. Крусанов. Мешок света // «Октябрь», 2013] [НКРЯ]; Дурневы больше не доставляли Тане никаких неприятностей – у них и своих проблем было теперь **навалом** [Д. Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)] [НКРЯ];

(25) *Пой, пой еще, Мейран. Браги еще – океан. И ты видишь: я – твой Степан – делаюсь садом твоим апельсиновым, расцветающим в Персии* [В. Каменский. Степан Разин (1928)] [НКРЯ]; Здесь сливалась волна, идущая из 4-го корпуса, с нашей волной. **Туча** людей ждала поезда. Поезд пришел [В. Шкловский. Сентиментальное путешествие (1923)]; Да вот жалко, что вас не было; гостей было **пропасть**, человек тысяча, музыка, генералы, и я танцевал... [Л. Н. Толстой. Отрочество (1854)] [НКРЯ];

(26) *На площадке возле станции, как всегда вечером, полно молодых ребят* [В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961] [НКРЯ]; «Да, дорога трудная, – сказал Андреев. – И посадка трудная, вокзала нет, поезда с Кавказа мимо нас транзитом на Балашов едут, народу в них **полно**, военные, военные» [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)] [НКРЯ];

(27) «*Машина тут совсем ни при чем. – сто раз повторяла, – купи новые стулья. На прошлой неделе сам ведь чуть не свалился*» [А. Геласимов. Ты можешь (2001)] [НКРЯ]; **Миллион** раз видела по телику фонтан, но «живьем» – это нечто! [А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019] [НКРЯ];

(28) *Тут **много** молодых, лет до тридцати, коротко знакомых* [В. Распутин. Новая профессия (1998)] [НКРЯ]; Гостей **немного**, это, как всегда, ответственные за что-то, что-то достраивающие в избранном ритуале [В. Распутин. Новая профессия (1998)] [НКРЯ];

(29) *Живут чисто, все блестит, ковры везде, а еды-то всякой **завались**.* [Ф. Абрамов. Дом (1973-1978)] [НКРЯ]; *Денег у Гусейновых **хватит** на детей, внуков и еще на четыре поколения в глубину* [В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002] [НКРЯ].

Для сравнения приведем соотносительные с ними словоформы разной частеречной отнесенности – существительное (30), прилагательное (31), числительное (32), наречие (33), глагол (34), но не подверженные транспозиционному процессу прономинализации:

(30) *Впереди пенистый прибой разбивался о рифы и бурлил вокруг камней, вокруг, сколько мог охватить глаз, расстипался сизый, белесый, призрачно серебрящийся, далекий и в этой немыслимой дали уже не отличимый от неба **океан**: горизонта более не существовало* [Б. Хазанов. Корсар (2000)] [НКРЯ];

(31) *Рынок большой. Квартир **полно**. Покупателей навалом* [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001] [НКРЯ];

(32) *Однажды днем зашла соседка, старуха Кузнецова, и попросила в долг **сто** рублей, заплатить молочнице* [Т. Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002] [НКРЯ];

(33) *Дима не умеет читать мыслей, но чувствует их, поэтому, хотя и не сказала Эльвира ни слова на протяжении всего пути, ему кажется, что они **много** и хорошо говорили, он ведь, как и она, беспрерывно менял мысли, хотя и не понимал, о чем думает, свое дыхание он тоже ведь чувствует – и не только дыхание, он с точностью до удара в минуту знает всегда, какое у него сердцебиение, он видит, какими становятся его глаза от того, на синее он смотрит, на желтое или вообще на коричневое, – и понимает, что эта сверхчувствительность самоощущения, приятная сейчас, может стать для него источником многих тягостных переживаний в старости, – но старость далеко – или, скорее всего, – никогда* [А. Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995)] [НКРЯ];

(34) *«Вот тут и поторгуй! Жизня пошла, так ее! – Н-на-а, лихо не лежит тихо, либо валится, либо катится, либо по власам рассыпается... – ...И **заявались** сохатый в берлогу! – рассказывал дядя Ваня, давно уже забросивший охоту, потому как прирос к сплавному пикету. – А он, хозяин-то, и всплыл оттуда! Я тресь из левого ствола! Идет!»* [В. Астафьев. Последний поклон (1968-1991)] [НКРЯ].

Неопределенное множество предметов, передаваемое при помощи прономинализирующихся словоформ разных частей речи, можно дифференцировать в зависимости от его отношения к некоей ситуативной норме. В итоге может быть множество, а) соответствующее норме (*Материалов пока **достаточно***); б) не достигающее нормы, меньше нормы (*Хороших специалистов **мало***); в) превышающее норму, больше нормы (*Интересных книг **много***). Гибриды типа *навалом*, *битком*, *порядком* обозначают количество, превышающее ситуативную норму. Они противопоставлены группе адвербиализованных форм винительного падежа существительных *капельку*, *чутьчку* со значением неопределенного-малого количества, не достигающего нормы.

В исследовании Н.Ю. Шведовой "Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства" [21, с. 120-124] показаны возможности разноуровневой экспликации неопределенного множества, которое включает в себя: а) собственно неопределенную множественность (*несколько раз, около сотни, не поймешь сколько и др.*); б) неопределенно-большое множество (*много, множество, уйма, хоть пруд пруди и др.*); в) неопределенно-малое множество (*мало, чуть-чуть, кот наплакал и др.*). Отметим также возможности иной интерпретации слов с семантикой

неопределенного множества, в соответствии с которой считается, что это особый подразряд неопределенно-количественных числительных, образованных вследствие нумерализации (а не прономинализации) языковых единиц разных частей речи – существительных, прилагательных, наречий, глаголов (см.: [\[4, с. 262–263; 7, с. 369, 378; 11, с. 141; 17, с. 573\]](#)).

Адвербиальной и прономинальной транспозиции в русском языке подвержена также субстантивная словоформа *местами*, используемая для неопределенной локализации объекта в виде точки. Она сближается по значению с неопределенным местоимением-наречием *кое-где*, также используемым для пространственной локализации предмета. Ср.:

(36) *Местами* блестели на солнце зеркальные пятна болотной воды [И. А. Ефремов. Бухта радужных струй (1944)] [НКРЯ] (≈ ‘кое-где, в некоторых местах’);

(35) Среди этой зелени прошлого года **кое-где** виднелись новые цветочки белого подснежника и лиловые, мелкие и ароматные цветочки волчьего лыка [М. Пришвин. Кладовая солнца (1945)] [НКРЯ].

3. Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о том, что существительные в форме творительного падежа единственного числа (*навалом*, *битком*, *порядком*) и множественного числа (*местами*) способны транспонироваться в определительно-количественные и обстоятельственно-пространственные наречия, а также в неопределенные местоимения-числительные. Степень адвербиализации у них неодинакова: одни из них грамматически преобразуются в наречия, не выходя за пределы семантической зоны исходных лексем, другие нарушают смысловое тождество исходных лексем, представляя не только грамматические, но и лексические омонимы. Степень и характер прономинализации адвербиализованных словоформ также различна. Образования типа *битком*, *порядком*, будучи ядерными наречиями, находятся лишь на первой стадии перехода в местоимения-числительные; периферийное отсубстантивное наречие *местами* эксплицирует зону ядра неопределенных местоимений-наречий.

Благодарность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Библиография

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
5. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-грамматичному аспекті. Київ: Наукова думка, 1988. 256 с.
6. Воротников Ю.Л. Слово и время. М.: Наука, 2003. 168 с.

7. Грамматика русского языка: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. 719 с.
8. Зализняк Анна А. Русское разве: от предлога к вопросительной частице // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 5–11.
9. Кустова Г.И. Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2018». Вып. 17 (24). Москва, 2018. С. 380–390.
10. Мельчук И. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и Y-ни] и ВЗЯТЬ [и Y-нуть] // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 9–25.
11. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971. 198 с.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 12.08.2024).
13. Норман Б.Ю. Жизнь словоформы. М.: Флинта, 2016. 216 с.
14. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 440 с.
15. Панков Ф.И. Полифункциональность лексических единиц в устной речи (на материале слова «еще») // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 434–439.
16. Пешковский А.М. Школьная и научная грамматика. Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. М.; Петроград: Госиздат, 1923. 115 с.
17. Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
18. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
19. Тихомирова Т.С. Процесс адвербализации творительного падежа (на материале польского языка) // Творительный падеж в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 313–350.
20. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.
21. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
22. Шигуров В.В. Местоименно-числительный тип употребления глаголов: лексика и грамматика // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 2. С. 34–43.
23. Шигуров В.В. Наречные слова-команды в контексте интеръективации и вербализации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2007. Т. 79. № 4. С. 23–34.
24. Шигуров В.В. Прономинализация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: теория транспозиционной грамматики русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2015. 160 с.
25. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Модальяция деепричастных форм глаголов в русском языке: форма, причина, предпосылки // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–26. С. 5972–5976.
26. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Т. 3. № 1. Pp. 13–26.
27. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tu “bingen. 1982. 241 p.
28. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
29. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. С. 177–191.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Современный русский язык – явление сложное, неоднородное, требующее постоянного внимания и оценки. Разные уровни языка подвергаются в исследованиях тому или иному анализу. Вариатив в данном случае возможен, ибо он высвечивает объективные изменения естественной системы. Рецензируемая статья собственно и направлена на дешифровку одной из дискуссионных линий лингвистики. Как отмечается в начале труда, «актуальным для теоретической грамматики является исследование природы и функционирования механизма частеречной транспозиции». Считаю, что ориентир выбран нетривиальный, да и подход / концепция, манифестируемая в работе, имеет собственно научный ценз. Цель работы – «комплексное исследование основных линий и глубины взаимодействия транспозиционных процессов адвербиализации и прономинализации беспредложных форм творительного падежа существительных», «объект анализа – словоформы, в той или иной степени подвергшиеся транспозиции в наречия и местоимения-числительные». Четкость цели, объекта, предмета исследования определяют и выверенность логики разверстки вопроса. Вполне удачно сформирована и методологическая основа исследования, ее «составили работы отечественных и западных авторов по разным аспектам теории транспозиции, конверсии, деривации, трансформации». Работа имеет завершенный вид, ее жанровый предел ориентирован на собственно научное изыскание. Материалы, представленные к публикации, можно использовать в вузовской практике при освоении дисциплин лингвистического порядка. Стиль данной статьи имеет приметы научного типа, термины и понятия, которые используются в тексте выверены, точны: например, «в результате исследования адвербиализации форм творительного падежа существительных без предлогов в класс наречий установлено, что данный тип транспозиции может пересекаться с прономинализацией и модаляцией. В итоге образуются особые гибридные структуры, находящиеся в зоне влияния разных частей речи (существительное, наречие, местоимение) и межчастеречного семантико-синтаксического разряда вводно-модальных единиц», или «процессы адвербиализации и прономинализации словоформ типа навалом, протекающие в семантической зоне исходной лексемы навал, сопряжены, с одной стороны, с поэтапным (на разных стадиях адвербиализации) ослаблением и утратой признаков существительных, а с другой стороны, с приобретением признаков наречий и – при местоименно-числительном употреблении – местоимений-числительных» и т.д. Примеров, иллюстрирующих анализируемые процессы, достаточно: «(7) Рассказ можно написать о чем угодно. Сюжетов навалом. Возьмем любую профессию [С. Довлатов. Заповедник (1983)] [НКРЯ]; На Нижнем Амуре, где осетров и калуги навалом, в каждой деревушке давным-давно существовали подпольные цеха, они готовили отменную икру... [Л. Наумова. Последняя книга писателя // «Дальний Восток», 2019] [НКРЯ]; Старое советское выбрасывали, покупали все импортное... «Челноки» тут же всего навезли: чайники, телефоны, мебель... холодильники... Откуда-то всего появилось навалом [С. Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013] [НКРЯ], или «(22) Холодным вьюжным вечером после утомительного перехода полк остановился здесь отдохнуть и хоть как-то обогреться. Бойцы битком набились в уцелевшие избы [В. Тыцких. Через три войны // «Дальний Восток», 2019][НКРЯ]; А он снимает фильмы, на премьерах залы битком, поздравления, хвалебные статьи [А. Найман. Колыбель (2012) // «Октябрь», 2013][НКРЯ]; В Новом Летнем театре с неслыханным успехом идут гастроли Ф. Шаляпина. Зал всегда набит битком. Певец поражает слушателей мощью

голоса и артистизмом [В. Аксенов. Любовь к электричеству (1969)] [НКРЯ] и т.д. Общие требования издания учтены, целевая составляющая исследования достигнута, но, и новые работы смежной направленности, могут продолжить ряд тезисов / позиций. Выводы по тексту созвучны основному блоку, противоречия не выявлены: «проведенное исследование свидетельствует о том, что существительные в форме творительного падежа единственного числа (навалом, битком, порядком) и множественного числа (местами) способны транспонироваться в определительно-количественные и обстоятельственно-пространственные наречия, а также в неопределенные местоимения-числительные. Степень адвербиализации у них неодинакова: одни из них грамматически преобразуются в наречия, не выходя за пределы семантической зоны исходных лексем, другие нарушают смысловое тождество исходных лексем, представляя не только грамматические, но и лексические омонимы». Список источников объемен, жанрово разнообразен. Считаю, что статья «Творительный падеж существительных сквозь призму адвербиализации и прономинализации» может быть допущена к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Творительный падеж существительных в контекстах адвербиализации, модаляции и партикуляции // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71428 EDN: YIJOSP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71428

Творительный падеж существительных в контекстах адвербиализации, модаляции и партикуляции

Шигуров Виктор Васильевич

ORCID: 0000-0002-0765-0482

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

shigurov@mail.ru

Шигурова Татьяна Алексеевна

ORCID: 0000-0001-5342-8471

доктор культурологии

профессор; кафедра культурологии и библиотечно-информационных ресурсов; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

430010, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Серова, 3, кв. 12

shigurova_tatyana@mail.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71428

EDN:

YIJOSP

Дата направления статьи в редакцию:

08-08-2024

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена тем, что языковые единицы разных частей речи и межчастеречных семантико-синтаксических разрядов тесно взаимодействуют друг с другом в процессе функционирования, что приводит к образованию многочисленных переходных зон с периферийными и гибридными

структурами, позволяющими кратко, но емко передавать сложную информацию. Средством создания переходных, синкетичных форм является механизм языковой транспозиции, природа которого не до конца ясна и в силу этого продолжает интересовать ученых разных школ и направлений. Цель работы – описание особенностей взаимодействия транспозиционных процессов адвербиализации, модаляции и партикуляции в структуре форм творительного падежа существительных. Объект анализа – словоформы, в той или иной мере подверженные транспозиции в наречия, частицы и межчастеречный семантико-сintаксический разряд вводно-модальных слов, предмет рассмотрения – ступени, признаки и предел их адвербиализации, модаляции и партикуляции. Материалом для исследования послужили контексты употребления омонимичных существительных, наречий, вводно-модальных слов и частиц из Национального корпуса русского языка, а также собственные примеры авторов статьи. Новизна работы определяется методикой оппозиционного анализа грамматически противоречивого материала, экспликацией разных этапов межкатегориальной транспозиции форм творительного падежа существительных. В основу исследования легли структурно-семантический, лексикографический, сопоставительный методы, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного и компонентного анализа. Проведенное исследование показало, что некоторые формы творительного падежа существительных вовлечены в русском языке в транспозиционные процессы адвербиализации, модаляции и партикуляции. Показаны основные признаки, стадии и предел категориального перерождения субстантивных словоформ в наречия, вводно-модальные слова и частицы. Обоснована необходимость разграничения собственно грамматической (функциональной) транспозиции языковых единиц из класса существительных в наречия и вводно-модальные слова, осуществляющейся в семантической зоне исходных лексем, и лексико-грамматической транспозиции, связанной с образованием не только грамматических, но и лексических омонимов. Намечены критерии разграничения частеречных омонимов, возникающих при адвербиализации, модаляции и партикуляции беспредложных форм творительного падежа существительных. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей разработке проблем межчастеречной транспозиции и синкетизма языковых единиц, а также в преподавании курсов русской грамматики в высшей школе.

Ключевые слова:

русский язык, транспозиционная грамматика, адвербиализация, модаляция, партикуляция, существительное, наречие, частица, вводно-модальное слово, зона переходности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

1. Вводные замечания

Исследование транспозиционного потенциала форм творительного падежа существительных типа *верняком*, случаем, часом позволяет выявить особенности взаимодействия разных частей речи в процессе адвербиализации, модаляции и партикуляции. Не до конца ясны линии и характер пересечения указанных типов транспозиции в структуре таких субстантивных словоформ, степень и признаки их перерождения в наречия, вводно-модальные слова и частицы. Сказанным определяется

актуальность темы исследования. Новизна работы обусловлена самим подходом к грамматически противоречивому материалу с позиции методики оппозиционного анализа. Цель работы – описание особенностей взаимодействия процессов адвербиализации, модаляции и партикуляции в структуре беспредложных форм творительного падежа существительных. Объектом анализа являются словоформы, подверженные транспозиции в наречия, частицы и вводно-модальных слова. Предмет рассмотрения – стадии, признаки и предел их адвербиализации, модаляции и партикуляции. Материал исследования – контексты употребления омонимичных существительных, наречий, вводно-модальных слов и частиц из «Национального корпуса русского языка» (далее: [НКРЯ])^[15]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>, а также собственные примеры авторов статьи. В исследовании использованы структурно-семантический, лексикографический, сопоставительный методы, лингвистический эксперимент, элементы дистрибутивного и компонентного анализа. Методологическую базу составили работы российских и зарубежных ученых по разным аспектам проблемы грамматической и лексико-грамматической транспозиции и синкремизма [\[1; 2; 3; 8, с. 5-11; 10; 12, с. 57-71; 13, с. 9-25; 14; 18; 19; 24, с. 13-26; 25; 26\]](#), а также предшествующий опыт авторов данной статьи, исследовавших разные транспозиционные процессы на уровне частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модальных слов и выражений (см., напр.: [\[21, с. 34-43; 22, с. 161-165; 23, с. 5972-5976; 27, с. 177-191; 28, с. 1108-1123\]](#)).

2. Результаты исследования и обсуждение

В результате исследования транспозиционных преобразований словоформ **верняком**, **часом** и **случаем** установлено, что они могут быть включены как в «чистый» процесс адвербиализации, так и в «совмещенный» с модаляцией и партикуляцией. Известны три типа совмещения транспозиции существительных в творительном падеже без предлогов в класс наречий, межклассный семантико-сintаксический разряд вводно-модальных слов и выражений и связанный с ним класс модальных частиц. В целом категориальная природа **верняком**, **часом** и **случаем** неоднозначна: они могут быть (1) существительными, (2) наречиями, (3) вводно-модальными словами и (4) модальными частицами (кроме **часом** и **случаем**, которые в качестве частиц не отмечены). Показательно сравнение следующих типов контекстов:

(1) Типовые контексты употребления существительных:

(а) *Это был тот самый, юный, теперь уже просто младой удав, которому когда-то Косой рассказывал о своих злоключениях. Он первым услышал песню Глашатая и, по принятому среди удавов обычью, получил «право на отглот». Время от времени Король через того или иного Глашатая передавал того или иного кролика, и удавы к этому давно привыкли. Право на отглот считалось подарком судьбы, **верняком** [Ф. Искандер. Кролики и удавы (1982)][НКРЯ]; Какая разница, с кем это было? Это всегда будет **верняком**. Люди здесь ни при чем, это истории бывают настоящие и не настоящие [М. Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005] [НКРЯ];*

(б) *Он канул в туман и вернулся минут через десять, которые показались ей целым **часом** [Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)] [НКРЯ]; Обычно это случается где-то уже в предполуденный час, то есть в тот час, который в любом, элитном ли, неэлитном, городском дворе можно было бы назвать **часом** иждивенца [О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)] [НКРЯ]; Виолетта Львовна хотела пожертвовать **часом** науки во имя морали [Г. Полонский, Н. Долинина.*

Перевод с английского (1972)] [НКРЯ];

(в) Дежурный врач звонить в милицию побоялся, ждал указаний начальства, и только утром главврач вызвал участкового, а задержанный следователь прокуратуры не нашел ничего лучшего, как поручить Ропне и Синицына в придачу к трамваю, не без надежды, что бывалый милиционер поймет: смерть больного желательно объяснить несчастным **случаем**, самоубийством, но никак не халатностью медперсонала [А. Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997] [НКРЯ]; Обрадованный неожиданной поддержкой, я решил воспользоваться **случаем** порасспросить его о «тамошней» жизни (не американской, а загробной), он отмахнулся, жуя: «Да я там редко бываю...» [А. Битов. Рассеянный свет (1981)] [НКРЯ];

(2) Типовые контексты употребления наречий:

(а) «Весь бы прииск заговорил. **Верняком** бы премию дали... – Дали бы за Громотуху», – вслух утверждает Северин, ударяя в песок тяжелым кулаком [М. Кравков. Рыжий конь (1934)] [НКРЯ];

(б) Гэса, – пояснил Павел Егорович, – Гэса правит рекой: **часом** вода подымется, **часом** укатится [В. Астафьев. Царь-рыба (1974)] [НКРЯ];

(в) Несколько антоновских яблок, которые **случаем** остались на дереве, превратились в белые пухлые лампы [Ю. Коваль. Листобой (1972)] [НКРЯ]; Тихо так сказал, по-детски: «Я вот тоже от своих аналоев страдаю. Сошка и не сомневалась, что страдает. Только вот на исповедь к отцу Григорию все равно не пойдет, так только, **случаем**. Лучше отцу Игнатию записку написать... и забыть [Н. Черных. Мелкая сошка // «Волга», 2009] [НКРЯ]; Бывает, и работающий мужик попадает **случаем** в спиртовой водоворот [М. Тарковский. Бабушкин спирт (2004)]; В их жизни сия дама появилась **случаем** [А. Хруцкий. Окаймленные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001] [НКРЯ]; Повстречал он **случаем** Полину, и язык у него к небу прилип [Виноградная лоза (2001) // «Жизнь национальностей», 23.11.2001] [НКРЯ];

(3) Типовые контексты употребления вводно-модальных слов:

(а) Вот посмотрите, он обойдет всех, **верняком**;

(б) Валентин Алексеевич многозначительно ухмыльнулся и проговорил с ехидным подтекстом: «Уж не заболел ли, **часом**, старик?» [А. Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015] [НКРЯ]; «Ты, **часом**, не сектант?» – нанес ответный удар Евгений Дмитриевич [Д. Глуховский. Метро 2033 (2005)] [НКРЯ]; Я говорю: «Ты, **часом**, не уснула?» – «Нет, – говорит, – все слышу» [С. Довлатов. Компромисс (1981-1984)] [НКРЯ]; Антон все тащил свои провода. «Ты не оглох ли, **часом**?» – «А ты, **часом**, не сдуруел?» – спросил Антон [Г. Владимов. Большая руда (1961)] [НКРЯ];

(в) «А это у вас откуда? Не украли, **случаем**?» – «Да что вы, дядя!» [Ф. Ошевнев. Записки букиниста (2016) // «Ковчег», 2015] [НКРЯ]; «Я второй год здесь...» – Жебровский напрягся, понимая, что они все это спокойно могут сделать. – «Не слышал, **случаем**, где он? Может, следы видел?» [В. Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013] [НКРЯ]; Анонимус торопливо поднял удостоверение, стряхнул с него пыль, свернул аккуратно, положил в нагрудный карман пиджака. «Ты, **случаем**, не сынок Тазикова?» – Пал Иваныч пристально взглядался в неясные черты лица незваного гостя [А. Титов. Анонимус // «Волга», 2012] [НКРЯ];

(4) Типовой контекст употребления модальной частицы:

(а) «Он сможет первым прийти?» – «**Верняком**».

Адвербиальная транспозиция приведенных образований имеет двойкий характер. Она может быть как чисто функциональной (собственно грамматической), так и функционально-семантической. В последнем случае можно говорить о совмещении транспозиции с морфолого-синтаксическим способом словообразования.

Адвербиализация собственно грамматического типа протекает в недрах исходной субстантивной лексемы, без нарушения ее смыслового тождества, что мы и имеем в случае с творительным падежом существительного *верняком*. В «Большом толковом словаре русского языка» [5, с. 119] у слова *верняк*, даваемого с пометой «Разг.», выделяется лексическое значение ‘Верное, несомненное дело’. Напр.: *И верняк срывается*. Здесь же, в рамках словарной статьи на существительное, приводится и модальное наречие *верняком* со значением ‘наверняка’. Вводно-модальный тип употребления *верняком*, сопровождаемый обособлением в речи и пунктуационным выделением на письме, в данном словаре не фиксируется. Нет его и в таких специализированных словарях русского языка, как «Словарь грамматических омонимов русского языка» О.М. Ким и И.Е. Островкиной [11] и «Толковый словарь служебных частей речи русского языка Т.Ф. Ефремовой» [7]. Существительное *верняк* и наречие *верняком*, как в собственно адвербиальном, так и в вводно-модальном употреблении, не приводятся в четырехтомном «Словаре русского языка» [17] и в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [16].

Несколько иную лексикографическую разработку находим в «Большом академическом словаре русского языка» [4, с. 424], где существительное *верняк* со значением ‘О чем-л. вполне надежном’ приводится с пометой «Прост.»; отмечается связь этого значения с функцией сказуемого; наречие же *верняком* фиксируется в рамках отдельной словарной статьи со значением ‘наверняка, без сомнения’. Вводно-модальная функция у наречия *верняком* в указанном словаре не отмечается. Само наречие иллюстрируется предложениями с его интерпозитивным (между подлежащим и сказуемым) и постпозитивным употреблением; ср.: *Федор Евграфович плавно, ветку боясь шевельнуть, достал наган. Уж этих-то двух [фашистов] он верняком прищучит, еще в воде, на подходе*. Б. Васильев. А зори здесь тихие...; *Он перегнулся за борт и потрогал рыбину: – Пудов на шесть верняком. Вот повезло! Ерымовск. Тroe в одн. лодке...* Аналогичная трактовка существительного *верняк* и наречия *верняком* содержится в «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка» Д.И. Квеселевича [9, с. 77].

Грань между собственно адвербиальным и вводно-модальным употреблением словоформы *верняком* нередко размыта, особенно при ее употреблении в позиции между подлежащим и сказуемым. В таких случаях адвербиализованная форма творительного падежа балансирует между наречиями меры и степени и вводно-модальными словами со значением категорической достоверности, что делает ее гибридом, обособление которой в речи и выделение запятыми на письме факультативны. Нечто схожее можно наблюдать при использовании слов типа *наверняка*, *безусловно* в конструкциях вроде *Он безусловно прав*.

При вводно-модальном использовании адвербиализованной формы творительного падежа существительного *верняком* транспозиционный процесс модаляции может быть связан с партикуляцией. Так, в препозиции происходит функциональное сближение слова *верняком* с модальными, утвердительными частицами (типа *да*). Например:

(5) «А ты бы выработал 130 процентов суточной нормы?» – «**Верняком**, даже 150 смог бы» (≈ 'да, конечно').

В функции нечленимого слова-предложения *верняком* представляет собой модальную частицу, выражющую, например, согласие говорящего с чьей-либо точкой зрения. Например:

(6) «Тебе бы за это сразу премию дали». – «**Верняком**».

Адвербиализация языковых единиц функционально-семантического типа приводит к нарушению тождества исходных субстантивных лексем и выходу словоформ на -ом за пределы их семантической зоны, что имеет место, например, в случае с часом в значении 'иногда, порой, временами', перерождающимся при экспликации неограниченной кратности событий в наречие интервала, превышающего норму (см.: [5, с. 1467]). Наречие *случаем*, напротив, появилось в результате сугубо грамматической адвербиализации формы творительного падежа существительного и приводится в словарях в рамках словарной статьи на существительное *случай* (см.: [5, с. 1213]).

Ср. употребление частеречных омонимов:

(7) «Ты в самом деле не знаешь, что произошло?» – воспользовался **случаем** редактор [М. Баконина. Девять граммов пластина (2000)] [НКРЯ] (существительное в значении 'подходящее время, обстоятельство');

(8) Прежде здесь рыбачили, теперь забредали лишь **случаем** [Б. Екимов. Высшая мера (1995)] [НКРЯ] (наречие в значении 'случайно').

Транспозиционный процесс модаляции представляет собой употребление адвербиализованных субстантивных словоформ *верняком*, часом, *случаем* в особой вводно-модальной функции для выражения субъективно-модальной семантики, т.е. отношения субъекта речи к передаваемой им информации. При этом точка зрения субъекта модуса представлена здесь такими характеристиками высказывания, как: (9) оценка положения дел как соответствующего действительности, что соответствует так называемой категорической достоверности (*верняком*; см. также: *наверняка*, безусловно, бесспорно и т.п.); (10) оценка логической структуры фрагмента речи (высказывания) как некоего уточнения, пояснения, обобщения, противопоставления и проч. (*случаем*, часом; см. также: *кстати*, *между прочим*, *случайно* и др.). Ср.:

(9) Он взгреет его, **верняком**, вот посмотришь.

(10) Вы, **случаем**, не из Саратова?

Модаляция отсубстантивного наречия *верняком* имеет ступенчатый характер. Его перемещение в разряд вводно-модальных слов с семантикой персуазивности можно представить в виде трех этапов (стадий). Исходный пункт – это стадия ядерных наречий [**Н(ареч)**] (11), следующий этап представлен зоной гибридных, наречно-модальных образований [**н(ареч) м(од)**] (12) и, наконец, пределом модаляции служит зона периферийных вводно-модальных слов, функционирующих в пределах исходных адвербиальных лексем (13). Ср. контексты их употребления:

(11) Он привык действовать **верняком**;

(12) Он **верняком** выиграл бы;

(13) *Он все равно победил бы всех, **верняком**.*

Как и адвербиализация, модаляция словоформы *верняком* имеет функциональную природу: она связана с ее вводно-модальным употреблением и не приводит к образованию лексического омонима. В противопоставлении *верняком* (существительное) – *верняком* (наречие) и *верняком* (вводно-модальное слово) следует усматривать собственно грамматические омонимы, не нарушающие семантического тождества исходной субстантивной лексемы (о внутрилексемной грамматической омонимии см. также: [\[6, с. 1-13; 20, с. 190-196\]](#)).

Модалят *случаем* отмечается в современных толковых словарях русского языка в рамках словарной статьи на существительное *случай*, которое характеризуется как субстантивным, так и адвербиальным и вводно-модальным употреблением. Адвербиализованная словоформа *случаем* выступает при этом как наречие в функции обстоятельства образа действия со значением 'случайно' [Я не обидел вас **случаем?**] и как наречие в вводно-модальной функции со значением 'кстати, между прочим' [Он, **случаем**, не шпион?] (см., напр.: [\[5, с. 1213\]](#)).

В отличие от *верняком* и *случаем*, образование *часом* дается в толковых словарях как самостоятельное слово, толкуемое в пределах словарной статьи на наречие, где ему приписаны два лексических значения: 1. 'Иногда, порой, временами' и 2. 'Случайно, между прочим'; отмечается и возможность его использования в значении вводного слова; например: *Вы, **часом**, не инженер?* (см.: [\[5, с. 1467\]](#)).

Исходным пунктом в транспозиции адвербиализованных существительных *верняком*, *часом*, *случаем* в разряд вводно-модальных слов и выражений служат типичные наречия *верняком*, *часом*, *случаем* с частеречной семантикой признака признака, выступающие в первичной синтаксической функции обстоятельства. Результатом их модаляции является образование как функциональных омонимов – вводно-модальных слов *верняком* и *случаем*, эксплицирующих зону периферии семантико-синтаксического разряда вводно-модальных единиц, так и функционально-семантического омонима – вводно-модального слова *часом*. Ср.:

(14) *Подвернется кто-нибудь **часом** – и готово дело, ушла квартирка...* [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001] [НКРЯ] (≈ 'порой, иногда');

(15) «*Я вам не только свое личное мнение говорю, уполномочен еще кое-кем, имеющим политический опыт*». – «*Это не Осиповым, **часом?**»* – спросил Мостовской. – «*А хоть и он*» [В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)] [НКРЯ] (≈ 'случайно').

Из сравнения приведенных предложений видно, что в случае (14) *часом* – типичное обстоятельственное наречие в функции обстоятельства, примыкающее к глаголу-сказуемому *подвернется* и обозначающее интервал между случаями реализации обозначаемого им неограниченno-кратного действия, а в случае (15) – модалят в функции обособленного вводного слова, при помощи которого субъект речи-мысли логически оценивает передаваемый факт как некую случайность.

Таким образом, модаляты *верняком*, *часом*, *случаем* могут быть использованы в составе вводных конструкций для выражения субъективно-модальной семантики, позволяя субъекту модуса обозначить свою позицию по отношению к тому или иному положению дел, оценить высказывание (или его фрагмент) как с точки зрения его достоверности, так и в аспекте логической организации, последовательности мыслей и их связей между

собой.

Важно иметь в виду, что наряду с модальными словами в русском языке существуют и мотивирующие их наречия, возникшие в результате адвербиализации форм творительного падежа существительных. Так, употребление *верняком*, случаем, часом в вводно-модальной позиции не исключает употребления исходных наречий *верняком*, случаем, часом в синтаксической функции обстоятельства, сказуемого, несогласованного определения. При их разграничении следует опираться, с одной стороны, на категориальные свойства наречий (значение признака признака, функция члена предложения – обстоятельства и др., примыкание как способ присловной подчинительной связи, лексико-грамматические разряды и проч.), а с другой – на свойства модальных единиц (общее значение субъективной модальности, функция вводности, особый тип интонации, характеризуемой такими признаками, как понижение тона голоса и более ускоренным темпом речи, интродукция как способ связи с высказыванием или его фрагментом и др.).

3. Заключение

Проведенное исследование показало, что словоформы *верняком*, *случаем*, *часом*, будучи вовлечены в транспозиционные процессы адвербиализации, модаляции и – частично – партикуляции, образуют как грамматические омонимы (*верняком*, *случаем* – существительные, наречия, вводно-модальные слова; *верняком*, кроме того, частица), так и лексико-грамматические омонимы (*часом* – существительное, наречие, вводно-модальное слово). В результате указанных транспозиционных процессов возникает грамматическая омонимия внутрилексемного и межлексемного типа. Исследование разных видов пересечений транспозиционных процессов в системе частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модальных слов свидетельствует о сложных механизмах взаимодействия грамматического и лексического в структуре языковых единиц русского языка.

Благодарность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00674 «Исследование адвербиализации как типа ступенчатой транспозиции субстантивных словоформ в системе частей речи русского языка».

Библиография

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
4. Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингв. исслед.; гл. ред. К.С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука, Т. 2. 2005. 658 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Рус. яз. в шк. 1940. № 1. С. 1–13.
7. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2004. 814 с.
8. Зализняк Анна А. Русское разве: от предлога к вопросительной частице // Известия

- Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 5–11.
9. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2003. 1021 с.
10. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент: Фан, 1978. 227 с.
11. Ким О.М., Островкина И.Е. Словарь грамматических омонимов русского языка. М.: Астрель; АСТ; Ермак, 2004. 842 с.
12. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–71.
13. Мельчук И. Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [и Y-ни] и ВЗЯТЬ [и Y-нуть] // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 9–25.
14. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971. 199 с.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 07.08.2024).
16. Ожегов С.И, Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд. доп. М.: ИТИ Технология, 2006. 944 с.
17. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой; 2-е изд. испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. Т. 1: А–Й. 698 с.
18. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
19. Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкоznания. 1996. № 4. С. 25–38.
20. Царев О.И. Транспозиционные дрейфы грамматических омонимов // Предложение и слово. Саратов, 1999. С. 190–196.
21. Шигуров В.В. Местоименно-числительный тип употребления глаголов: лексика и грамматика // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 2. С. 34–43.
22. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. О модаляции глагольных инфинитивов в русском языке // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8-3. С. 161–165.
23. Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Модаляция деепричастных форм глаголов в русском языке: форма, причина, предпосылки // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-26. С. 5972–5976.
24. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Т. 3. № 1. Рр. 13–26.
25. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tu“bingen. 1982. 241 p.
26. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
27. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. С. 177–191.
28. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Functional Modulates Derived From Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Opción. 2019. Т. 35. № 20. С. 1108–1123.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цель рецензируемой статьи сводится к описанию особенностей взаимодействия

процессов адвербиализации, модаляции и партикуляции в структуре беспредложных форм творительного падежа существительных. Автор отмечает, что объектом анализа являются «словоформы, подверженные транспозиции в наречия, частицы и вводно-модальных слова. Предмет же рассмотрения – стадии, признаки и предел их адвербиализации, модаляции и партикуляции». Думаю, что указанный ориентир научно оправдан, здесь есть и научная новизна, и практическая значимость данного изыскания. На мой взгляд, открытость материалов исследования – а это контексты употребления омонимичных существительных, наречий, вводно-модальных слов и частиц из «Национального корпуса русского языка» (далее: [НКРЯ]) – также объективная составляющая (режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>, а также собственные примеры авторов статьи). Текст дробится на смысловые блоки, дифференциация частей дает возможность читателю двигаться логические верно. Стиль работы соответствует научному типу: например, «В результате исследования транспозиционных преобразований словоформ верняком, часом и случаем установлено, что они могут быть включены как в «чистый» процесс адвербиализации, так и в «совмещенный» с модаляцией и партикуляцией. Известны три типа совмещения транспозиции существительных в творительном падеже без предлогов в класс наречий, межклассный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов и выражений и связанный с ним класс модальных частиц. В целом категориальная природа верняком, часом и случаем неоднозначна: они могут быть (1) существительными, (2) наречиями, (3) вводно-модальными словами и (4) модальными частицами (кроме часом и случаем, которые в качестве частиц не отмечены). Показательно сравнение следующих типов контекстов...», или «адвербиальная транспозиция приведенных образований имеет двоякий характер. Она может быть как чисто функциональной (собственно грамматической), так и функционально-семантической. В последнем случае можно говорить о совмещении транспозиции с морфолого-синтаксическим способом словообразования» и т.д. Считаю, что примеров иллюстрирующих изучаемый процесс достаточно, они полновесны, разноформатны: например, «(б) Валентин Алексеевич многозначительно ухмыльнулся и проговорил с ехидным подтекстом: «Уж не заболел ли, часом, старик?» [А. Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015] [НКРЯ]; «Ты, часом, не сектант?» – нанес ответный удар Евгений Дмитриевич [Д. Глуховский. Метро 2033 (2005)] [НКРЯ]; Я говорю: «Ты, часом, не уснула?» – «Нет, – говорит, – все слышу» [С. Довлатов. Компромисс (1981-1984)] [НКРЯ]; Антон все тащил свои провода. «Ты не оглох ли, часом?» – «А ты, часом, не сдурел?» – спросил Антон [Г. Владимов. Большая руда (1961)] [НКРЯ]...» и т.д. Авторская точка зрения выражена убедительно, при этом выверена и аргументация: например, «транспозиционный процесс модаляции представляет собой употребление адвербиализованных субстантивных словоформ верняком, часом, случаем в особой вводно-модальной функции для выражения субъективно-модальной семантики, т.е. отношения субъекта речи к передаваемой им информации. При этом точка зрения субъекта модуса представлена здесь такими характеристиками высказывания, как: (9) оценка положения дел как соответствующего действительности, что соответствует так называемой категорической достоверности (верняком; см. также: наверняка, безусловно, бесспорно и т.п.); (10) оценка логической структуры фрагмента речи (высказывания) как некоего уточнения, пояснения, обобщения, противопоставления и проч. (случаем, часом; см. также: кстати, между прочим, случайно и др.)...» и т.д. Наличного текста достаточно для раскрытия темы; считаю, что основная цель исследования достигнута, поставленный спектр задач решен. Работа может быть полезна при изучении современного русского языка, материал также целесообразно использовать при написании статей смежной тематической направленности. Автор приходит к выводу, что «словоформы верняком,

случаем, часом, будучи вовлечены в транспозиционные процессы адвербиализации, модаляции и – частично – партикуляции, образуют как грамматические омонимы (верняком, случаем – существительные, наречия, вводно-модальные слова; верняком, кроме того, частица), так и лексико-грамматические омонимы (часом – существительное, наречие, вводно-модальное слово). В результате указанных транспозиционных процессов возникает грамматическая омонимия внутрилексемного и межлексемного типа. Исследование разных видов пересечений транспозиционных процессов в системе частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модальных слов свидетельствует о сложных механизмах взаимодействия грамматического и лексического в структуре языковых единиц русского языка». Заключительный блок созвучен основному, противоречия не выявлены. Общие требования издания учтены, формальная правка текста излишня. Рекомендую статью «Творительный падеж существительных в контекстах адвербиализации, модаляции и партикуляции» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Фоменко Е.Г., Попова А.В. К вопросу об использовании особенностей дискурса китаеязычных СМИ в обучении китайскому языку // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71294 EDN: YKCSUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71294

К вопросу об использовании особенностей дискурса китаеязычных СМИ в обучении китайскому языку

Фоменко Евгения Григорьевна

Старший преподаватель, кафедра китайского языка, Московский городской педагогический университет

127238, Россия, г. Москва, шоссе Дмитровское, 34, корп. 2, оф. 204

✉ folaoshe@mail.ru

Попова Анастасия Викторовна

старший преподаватель кафедры китайского языка, Московский городской педагогический университет

105064, Россия, г. Москва, пер. Малый Казенный, 5-Б, оф. 507

✉ anysta@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71294

EDN:

YKCSUE

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2024

Аннотация: Предметом исследования в данной статье являются особенности дискурса китаеязычных СМИ Восточной и Юго-Восточной Азии. Авторы уделяют пристальное внимание выявлению в них лингвистических средств, применяемых в рамках таргетной стратегии редакции, а также возможностей использования текстов такого рода в развитии коммуникативной компетенции при обучении устному и письменному переводу в паре языков китайский – русский. Источником материалов для исследования послужили новостные интернет-порталы ряда ведущих газет материкового Китая, САР Гонконг, Филиппин, Малайзии и Индонезии. В качестве предмета исследования

выступает дискурс текстов о палестино-израильском конфликте. Возможность сопоставления текстов, размещенных на различных медийных площадках, обеспечивалась единством тематики и синхронностью публикации (октябрь–ноябрь 2023 г.). В исследовании применялись следующие методы: типологический анализ при отборе конкретных СМИ, изучение избранных статей при помощи контекстного и компаративного анализа, лингводидактический анализ для определения потенциала использования исследуемого вида текстов в качестве учебного материала. Авторами были решены следующие задачи: разработаны критерии отбора китаяязычных СМИ и новостных статей, проведен анализ структуры, лексики, грамматики, средств художественной выразительности текстов китаяязычных СМИ азиатского региона, выявлены закономерности, определяющие особенности дискурса статей того или иного СМИ; описаны таргетные стратегии выбранных медийных ресурсов в презентации новостных публикаций; дано заключение о возможности задействования материалов китаяязычных СМИ азиатских государств в процессе обучения переводу с китайского языка студентов разных специализаций, включая лингвистику, регионоведение, востоковедение. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью расширения лингвистического и страноведческого кругозора будущих китаистов в условиях активизации связей России с КНР, а также странами Юго-Восточной Азии. Работ, в которых бы проводилось сравнение лингвистических приемов дискурса китаяязычных медиаресурсов Китая и стран Юго-Восточной Азии, а также рассмотрение возможности применения текстов подобного рода в преподавании китайского языка, авторами встречено не было. Данное исследование призвано отчасти восполнить этот пробел в синологической лингводидактике.

Ключевые слова:

медиа дискурс, китаяязычные медиа, публицистический стиль, лингводидактический анализ, китайский язык, Юго-Восточная Азия, теория перевода, методика обучения, педагогическая лингвистика, регионоведение

Введение

На фоне глобализации, затронувшей абсолютно все стороны современной жизни, язык становится не только способом коммуникации и средством передачи информации, но и инструментом, оказывающим влияние на ее реципиента. Как отмечают Е. Г. Тарева, Л. Г. Викулова, И. В. Макарова, углубление этих процессов, их многовекторная и разновариантная реализация приводят как к объективно позитивным результатам, так и к осложнению международных контактов, обуславливают проблемный, а часто и конфликтный характер взаимодействия представителей различных культур, разных систем ценностей и приоритетов [\[1, с. 399\]](#). Такая же ситуация наблюдается в медийной сфере. Различные СМИ, снабжая свою аудиторию новой информацией, стремятся повлиять на восприятие материала читателем или зрителем с тем, чтобы добиться формирования определенного общественного мнения, изменения уже существующей в обществе точки зрения или соответствия требованиям цензуры. С. Н. Плотникова считает дискурс «оружием воздействия» [\[2, с. 6\]](#), следовательно, новостной дискурс также стоит рассматривать как «оружие», которое может быть использовано для формирования в сознании читателя определенной картины мира, а также как средство достижения конкретных целей или противодействия вербальной агрессии извне [\[3, с. 199\]](#). В XXI в. Китай, как и многие страны, проводит стратегию «глобализации», в которой средства

массовой информации представляют собой средство распространения в мире китайской «повестки дня». Для достижения этой цели Китай предпринимает определенные шаги в медиасфере. Чтобы сохранить чувство китайской этнической идентичности и привести свое поведение в соответствие с национальной политикой страны, в которой они расположены, почти все китаязычные СМИ в Юго-Восточной Азии выполняют двойную миссию: во-первых, выступают в качестве местного новостного бюро для передачи правительственные постановлений и репортажей этническим китайцам; во-вторых, как китаязычные СМИ призваны защищать интересы китайцев [4, с. 46]. Таким образом, освещение местных и международных новостей в китаеязычных СМИ с одной стороны способствует укреплению связей между китайцами и местным населением, с другой, предоставляет зарубежным этническим китайцам выразить свое мнение по поводу происходящих в мире событий, которое не всегда совпадает с официальным Пекином.

По мнению китайской исследовательницы Мэй Янь, зарубежные китаеязычные СМИ играют очень важную роль в формировании глобального китаеязычного медиаландшафта [5, с. 67]. Если говорить о глобальном влияния на СМИ, Китай придает большое значение тщательному формированию своего международного имиджа в попытке добиться благоприятных для себя результатов. На языке политики Китая диаспоральные китаеязычные СМИ сравниваются с «судном, которое Китай может одолжить, чтобы выйти в открытое море» (借船出海 jiè chuán chūhǎi) [6, с. 50].

Соглашаясь с утверждением Дж. Дж. Алваро, о том, что сейчас ученые самых разных дисциплин изучают не только то, что говорит Китай, но и то, как он это говорит [7, с. 275], авторы данной работы сочли целесообразным исследовать, каким образом китаеязычные СМИ Восточной и Юго-восточной Азии выстраивают дискурс своих публикаций, какие лингвистические средства используют для решения поставленных редакцией задач, и как это можно использовать в развитии коммуникативной компетенции при обучении устному и письменному переводу в паре языков китайский – русский.

Становление данной компетенции, по мнению, Е. Г. Таревой, происходит во время присвоения обучающимся вербально-семантического кода изучаемого языка – языковой картины мира, приводя к формированию языкового сознания [8, с. 42]. Авторы построили работу по следующим основным направлениям, определяя их как задачи исследования: 1) разработка критерии отбора китаеязычных СМИ и новостных статей для составления презентативной выборки при проведении планируемого исследования; 2) анализ структуры, лексики, грамматики, средств художественной выразительности рассматриваемых текстов, 3) выявление закономерностей, определяющих особенности дискурса статей того или иного СМИ; 4) описание таргетных стратегий, используемых выбранными СМИ в своих новостных текстах; 5) заключение о возможности использования китаеязычных СМИ разных государств в процессе обучения китайскому языку.

Обзор литературы

Приступая к данному исследованию, авторы обратились к публикациям по данной теме. В научном поле присутствуют исследования по отдельным аспектам публицистического стиля китайского языка. В частности, фундаментальная работа В. И. Горелова, посвящена стилистике современного китайского языка [9], Е. Н. Орлов рассматривал грамматику публицистического стиля китайского языка (Орлов Е. Н. Грамматические особенности публицистического стиля китайского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.22. – Москва, 1985. – 149 с.), Т. Н. Никитина исследовала

синтаксис китайского публицистического текста [10], С. А. Санжимитыпова проанализировала стилистические особенности языка современной китайской прессы (Санжимитыпова С.А. Стилистические особенности языка современной китайской прессы : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.22 / С. А. Санжимитыпова; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2007. - 155 с.), Ю. Г. Лемешко в своей работе сфокусировалась внимание на особенностях языка китайского общественно-политического текста (Лемешко Ю. Г. Язык китайского общественно-политического текста : Синтаксические и стилистические особенности : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.22. - С-Пб., 2001. - 166 с.), О. И. Калинин на материале китайских СМИ исследовал лингвопрагматические характеристики имиджевого политического медиатекста (Калинин О.И. Лингвопрагматические характеристики имиджевого политического медиатекста : на материале китайских СМИ : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Калинин Олег Игоревич; [Место защиты: Воен. ун-т]. - М., 2017. - 174 с.). Интерес представляют статьи, содержащие обзор оценочной лексики в текстах китайских СМИ [11] и критический дискурс-анализ медийных текстов КНР по внешнеполитической тематике [12]. В последние годы появилось большое количество статей, посвященных языковым аспектам формирования имиджа иностранных государств или их лидеров в китайских СМИ [13–17], однако, на наш взгляд, к их слабым местам во многих случаях можно отнести либо ограниченность иллюстративного материала, либо отсутствие оригинальных китайских текстов, что не позволяет создать отчетливую лингвистическую картину и оценить используемые языковые средства. Самым существенным недостатком указанных публикаций, по нашему мнению, является то, что для анализа были взяты только СМИ КНР. Работ, в которых бы проводилось сравнение лингвистических приемов дискурса китаеязычных медиаресурсов Китая и стран Юго-Восточной Азии, а также рассмотрение возможности применения текстов подобного рода в преподавании китайского языка, авторами встречено не было. Данное исследование призвано отчасти восполнить этот пробел в синологической лингводидактике.

Методы исследования

Беря за основу определение текста российскими исследователями А. Г. Даниловой и О. В. Митиной как законченного в смысловом отношении блока информации, предметом исследования в котором может выступать его фабульное или эмоциональное содержание, контекст его порождения, социальные характеристики коммуникаторов, их намерения и т. д., а также смыслы, порождаемые стыками этих пластов [18, с. 224], мы можем утверждать, что дискурс новостных публикаций несомненно заслуживает пристального внимания со стороны не только лингвистов, переводчиков, но и педагогов. При исследовании различных видов дискурса, как и в преподавании иностранного языка, могут применяться различные методы, в частности, нарративный анализ (что сказано?), дискурс-анализ (как сказано?), интент-анализ (зачем сказано?), конверсационный анализ (кем и кому сказано?) [19, с. 224]. В нашем исследовании для решения задач 1–4 в качестве основного метода был избран дискурс-анализ, который определяется А. Я. Сарной как совокупность аналитических методов интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляющей в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях [20].

В настоящей статье при помощи дискурс-анализа исследуются лингвистические особенности материалов по внешнеполитической тематике, опубликованных в электронных версиях китаеязычных (путунхуа, хуаюй) изданий ряда стран ЮВА

(Индонезия, Малайзия, Филиппины), а также Гонконга. Авторами предпринята попытка решить следующую задачу: на ограниченном материале, посвященном одной проблеме – ближневосточному кризису, выявить специфику содержания и формы подачи информации в рассматриваемых китаеязычных СМИ, исходя из чего сделать некоторые прикладные выводы относительно целесообразности использования соответствующих текстов в рамках преподавания практического курса китайского языка, в частности, для работы с текстами по общественно-политической тематике.

Выбирая тематику публикаций, авторы руководствовались тем, что материалы для контекстного анализа должны отвечать следующим критериям: 1) единство темы; 2) относительно узкий временной период; 3) использование стандартного китайского языка во избежание серьезных искажений при анализе содержания. На основе вышеперечисленных критериев авторами была выбрана тема палестино-израильского конфликта, при этом определяющим фактором стало то, что очередное его обострение в октябре 2023 г. вызвало повышенный интерес по всему миру и получило широкое освещение в прессе, в том числе китаеязычной. Это дало возможность сопоставить подходы разных СМИ к информированию своей аудитории по актуальной проблематике, в данном случае связанной с ситуацией на Ближнем Востоке.

В качестве своеобразной «точки отсчета» было взято массовое материальное издание «Хуаньцю шибао» (环球时报, тираж 2,1 млн экз.), принадлежащее китайскому государственному медиа-холдингу «Жэньминь жибао» (人民日报, тираж 1,5 млн экз.) и специализирующееся на освещении международной тематики.

Для проведения контекстного, типологического анализа и сравнения использовались электронные версии следующих китаеязычных СМИ, выходящих за пределами материального Китая:

1. 印度尼西亞日報 («Harian Indonesia») – индонезийская ежедневная газета, имеющая самую продолжительную непрерывную историю среди местных изданий на китайском языке. С 2007 г. выпускалась во взаимодействии с малайзийской 星洲日報 (Sin Chew Daily) и при редакторском сопровождении с ее стороны;
2. 南洋商報 («Nanyang Siang Pau», «eNanyang») – одна из старейших и наиболее влиятельных ежедневных газет Малайзии, ориентирующаяся на местных этнических китайцев и население соседнего Сингапура. В 2010-х гг. ее бумажная версия печаталась тиражом свыше 100 тыс. экземпляров;
3. 菲律宾商报 («Huilippin Siong Po», «Philippine Commercial News») – ежедневная газета, выходящая на Филиппинах с 1919 г. В 1995 г. стала одним из первых китаеязычных СМИ, запустивших свой Интернет-сайт;
4. 龍吟虎嘯 («Лунъинь Хусяо») или 東網 («Дунван») – гонконгский информационный Интернет-ресурс, принадлежащий изданию 东方日报 («Oriental Daily News»).

Для решения пятой задачи авторы применяли лингводидактический анализ, предполагающий конечным результатом выявление потенциала использования исследуемого вида текстов в качестве учебного материала на основе таких подходов, как содержательный, лингвистический, развивающий, культурологический, психологический, воспитательный и методический. В признании важности последнего подхода авторы согласны с Е. Я. Григорьевой, Е. И. Черкашиной, которые считают его обуславливающим введение, закрепление и активизацию специфичных для изучаемого языка единиц национально-культурного содержания, извлекаемых из читаемых на

занятиях текстов [15:137].

Результаты и дискуссия

Для данного исследования авторами в общей сложности было проанализировано около 100 статей, на основе которых были выделены следующие особенности СМИ КНР, Гонконга, а также издааний, публикующихся на китайском языке для китаеязычного населения Индонезии, Малайзии, Филиппин.

I. 环球时报 (палл. «Хуаньцю шибао»), КНР.

1) Сочетание предписанной линии с авторским мнением.

Как отмечает Джошуа Курлантцик, «Хуаньцю шибао», контролируемая «Жэньминь жибао», всегда решительно поддерживает китайские власти, хотя часто сообщает или пишет редакционные статьи на деликатные темы, которые «Жэньминь жибао» обычно не затрагивает [21, с. 159]. Результаты анализа публикаций в данном СМИ на тему ближневосточного кризиса доказывают, что авторы «Хуаньцю шибао», как правило, не ограничиваются отражением фактической стороны событий, что позволяет нам разделить точку зрения Курлантцика.

Примеры:

<p>1. 而美国这张反对票浸染着无辜平民的鲜血, 是罪恶的。它不仅让联合国安理会的集体行动无从谈起, 还释放出了极其恶劣的信号, 即联合国在关键时刻无法保障基本的国际人道主义, 这实际上是给不遵守国际人道法的行为开了绿灯。Ér měiguó zhè zhāng fǎndìu piào jìnrǎnzhé wúgū píngmín de xiānxiě, shì zuì'è de. Tā bùjǐn ràng liánhéguó ānlíhuì de jítǐ xíngdòng wúcóng tán qǐ, hái shìfàng chūle jíqí èliè de xìnhào, jí liánhéguó zài guānjiàn shíkè wúfǎ bǎozhàng jīběn de guójí réndàò zhūyì, zhè shíjì shàng shì gěi bù zūnshǒu guójì réndàò fǎ de xíngwéi kāile lùdēng (社评: 美国这张反对票浸染着巴以平民的鲜血. 责编:袁小存 // 环球时报. https://opinion.huanqiu.com/article/4F0eSxpOObZ). 2023年10月19日.</p>	<p>«Проголосовав против, США совершили злодеяние и обагрили свои руки кровью невинных жертв. Они не только сделали невозможными коллективные действия СБ ООН, но и цинично дали всем понять, что ООН не способна в кризисные моменты обеспечить соблюдение базовых международных гуманитарных принципов, то есть фактически открыли простор для действий, идущих вразрез с международным гуманитарным правом».</p>
<p>2. 一方面, 美国国内群情激愤, 共和党穷追猛打, 拜登政府只有招架之功, 没有还手之力。Měiguó guónèi qúnqíng jīfèn, gònghé dǎng qióng zhuī měng dǎ, bài dēng zhèngfǔ zhīyōu zhāo jià zhī gōng, méiyǒu huánshǒu zhī lì (牛新春. 美对以色列的支持可能会“过火” // 环球时报. https://opinion.huanqiu.com/article/4Eu6ZBNGvud). 2023年10月12日.</p>	<p>«С одной стороны, перед лицом массового недовольства внутри страны и яростных нападок со стороны республиканцев администрации Байдена может лишь защищаться, не имея сил нанести ответный удар».</p>

Анализируя приведенные выше примеры 1-2, мы видим, что в них не только проводится четкая политическая линия, соответствующая позиции официального Пекина (联合国在关键时刻无法保障基本的国际人道主义 Liánhéguó zài guānjiàn shíkè wúfǎ bǎozhàng jīběn de guójí réndàò zhūyì «ООН не способна в кризисные моменты обеспечить соблюдение базовых международных гуманитарных принципов»), но развивающая, комментирующая или иллюстрирующая ее при помощи эмоционально-экспрессивных выражений: 浸染着无辜平民的鲜血, 是罪恶的 jìnrǎnzhé wúgū píngmín de xiānxiě, shì zuì'è de «совершили злодеяние и обагрили свои руки кровью невинных жертв», 只有招架之功, 没有还手之力 zhīyōu zhāo jià zhī lì

gōng, méiyǒu huánshǒu zhī lì «может лишь защищаться, не имея сил нанести ответный удар».

2) Усиление экспрессии при помощи лексики оценочного характера.

Во многих случаях журналисты не только постулируют свою позицию по вопросу израильско-палестинского конфликта напрямую, но и заметно усиливают ее при помощи соответствующих лингвистических средств.

Примеры:

<p>3. 如果任由相互仇恨、相互报复蔓延, 这一人类良知的伤口不仅无法愈合, 还很有可能变成人类良知的死结, 为更长久、更普遍的冲突埋下祸根。Rúguò rèn yóu xiānghù chóuhèn, xiānghù bàofù mànyán, zhè yī rénlèi liángzhī de shāngkǒu bùyǐn wúfǎ yùhé, hái hěn yǒu kěnéng biàn chéng rénlèi liángzhī de sǐjié, wèi gèng chángjiǔ, gèng pǔbiàn de chōngtú mái xià huògēn (牛新春. 美对以色列的支持可能会“过火” // 环球时报. 2023年10月12日. https://opinion.huanqiu.com/article/4Eu6ZBNGvUd). </p>	<p>«Если позволить взаимной ненависти и жажде мести расползаться, такая рана на совести человечества не просто будет незаживающей, она вполне может стать смертельной для этой совести, что даст ядовитые всходы в виде еще более затяжных и масштабных конфликтов».</p>
<p>4. 美国一边倒地支持以色列, 无视巴方生存权和建国权, 竭力撮合阿拉伯国家与以色列关系正常化, 拉拢盟友拼凑旨在反伊朗和遏制中俄的联盟, 将中东和平进程引入歧途。 Měiguó yībiāndǎo dì zhīchí Yǐsèliè, wúshì bā fāng shēngcún quán hé jiànguó quán, jiélì cuòhé ālābó guójīā yǔ yǐsèliè guānxì zhèngcháng huà, lālǒng méngyǒu pīncòu zhǐ zài fǎn Yǐlǎng hé èzhì Zhōng É de liánméng, jiàng Zhōngdōng hépíng jìnchéng yǐnrù qítú (社评: 防止加沙人道灾难的共识亟需落地. 责编:肖山 // 环球时报. 2023年10月19日. https://opinion.huanqiu.com/article/4ExLMCs7PCO). </p>	<p>«Встав на сторону Израиля, игнорируя право палестинского народа на существование и создание собственного государства, всеми силами подталкивая арабские страны к нормализации отношений с Израилем, затаскивая своих союзников в альянсы, направленные против Ирана и преследующие цель сдерживания России и Китая, США уводят мирный процесс на Ближнем Востоке с правильного пути».</p>

Примеры 3-4 демонстрируют использование авторами статей оценочной лексики для выражения негативного отношения к описываемой ситуации. В первом случае потакание взаимной ненависти и жажде мести при помощи эпитетов сравнивают с тяжелой и даже смертельной раной для общественной совести, что будет иметь далеко идущие последствия: «позволить расположаться» 任由...蔓延 *rèn yóu mànyán*, 人类良知的伤口 *rénlèi liángzhī de shāngkǒu* «рана на совести человечества», 人类良知的死结 *rénlèi liángzhī de sǐjié* «смертельной для этой совести», 埋下祸根 *mái xià huògēn* «даст ядовитые всходы».

В примере 4 при помощи глаголов с насильтвенным подтекстом 竭力撮合 *jiélì cuòhé* «подталкивать всеми силами», 拉拢 *lālǒng* «затаскивать» описываются действия США, уводящие мирный процесс с того пути, который Китай считает правильным.

3) Следование высоким стандартам литературного языка.

Одной из лингвистических особенностей статей в «Хуаньцю шибао» является наличие выражений, характерных для языка образованного сословия, которыми пользуются корреспонденты данного издания. В частности, в текстах встречается много слов и

грамматических конструкций, выходящих за рамки лексического минимума, которым оперирует большинство СМИ, рассчитанных на массового читателя.

Примеры:

<p>5. 内部既有的风险因子叠加外部冲突,很可能进一步增加法国国内宗教冲突的可能性。<i>Nèibù jì yǒu de fēngxiǎn yīnzǐ diéjiā wàibù chōngtú, hěn kěnéng jìnyíbù zēngjiā fàguó guónèi zōngjiào chōngtú de kěnéng xìng</i> (丁隆. 巴以冲突凸显“两国方案”重要意义 // 环球时报. 2023年10月13日. https://opinion.huanqiu.com/article/4Euwsjj7M2d?imageView2/2/w/228).</p>	<p>«Существующие внутренние факторы риска в сочетании с внешними конфликтами, вполне возможно, повысят вероятность столкновений на религиозной почве во Франции».</p>
<p>6. 这反映了围绕本轮巴以冲突的国际斡旋努力尚且脆弱。<i>Zhè fǎnyìngle wéirào běn lún bā yě chōngtú de guójì wòxuán nǐlì shàngqīe cuìruò</i> (周秋君. 法国为何高调介入中东乱局 // 环球时报. 2023年10月20日. https://opinion.huanqiu.com/article/4F0oi85e38u).</p>	<p>«Это свидетельствует о все еще недостаточных посреднических усилий международного сообщества в урегулировании нынешнего палестино-израильского конфликта».</p>

В примерах 5 и 6 можно увидеть довольно редко встречающуюся конструкцию **既有...加 jìyǒu...jiā** «[и] иметь ... и ...», а также союз **尚且 shàngqīe** со значением «но всё же ещё...; пока что».

Приведем еще несколько примеров:

<p>7. 埃及、伊朗、约旦、土耳其等地区国家政府纷纷发表声明予以强烈谴责。<i>Āijí, Yīlǎng, Yuēdàn, Tǔrqié děng dìqū guójia zhèngfǔ fēnfēn fābiǎo shēngmíng yúyú qiángliè qiǎnzé</i> (周秋君. 法国为何高调介入中东乱局 // 环球时报. 2023年10月20日. https://opinion.huanqiu.com/article/4F0oi85e38u).</p>	<p>«Правительства Египта, Ирана, Иордании, Турции и других стран региона выступили с заявлениями, решительно осуждающими [эти действия]».</p>
<p>8. 大国应摆脱在巴勒斯坦问题上危机管控的思维,加强协调以使巴勒斯坦问题重回中东政策的首要议程。<i>Dàguó yīng bǎituō zài bālèsítān wèntí shàng wéijī guǎnkòng de sīwéi, jiāqíliáng xiétiáo yǐ shǐ bālèsítān wèntí chóng huí zhōngdōng zhèngcè de shǒuyào yìchéng</i> (社评: 防止加沙人道灾难的共识亟需落地. 责编: 肖山 // 环球时报. 2023年10月19日. https://opinion.huanqiu.com/article/4ExLMCs7PCO).</p>	<p>«В палестинском вопросе крупные державы должны отказаться от идеологии «контролируемого кризиса», им следует усилить координацию, чтобы вернуть палестинский вопрос на центральное место в ближневосточной повестке».</p>
<p>9. 危机之所以反复上演,根本上是由于中东和平进程偏离正确轨道。<i>Wéijī zhī suǒyǐ fǎnfù shàngyǎn, gēnběn shàng shì yóuyú zhōngdōng hépíng jìncréng piānlí zhèngquè guǎdào</i> (邹志强. 避免加沙人道灾难加剧刻不容缓 // 环球时报. 2023年10月19日. https://opinion.huanqiu.com/article/4Ezw9Rt27ST).</p>	<p>«Ко времени причина повторяющихся кризисов кроется в том, что мирный процесс на Ближнем Востоке сбился с правильного пути».</p>

В примере 7 автором был использован глагол **予以 yúyǐ** со значением «подвергнуть (напр., критике); воздать (напр., хвалу)», который используется в книжной речи вместо глагола нейтрального стиля **给以 gěiyǐ** «предоставить (что-л.); снабдить (чем-л.)».

Пример 8 демонстрирует интересное сочетание служебных слов, возможное только в

книжной речи 以 у́ «с помощью; посредством» + 使shǐ «сделать так, что..., пусь..., чтобы...». Такое сочетание придает фразе более яркую стилистическую окраску, чем использование нейтрального предлога 为[了] wèi[le] «для».

Пример 9 обращает на себя внимание использование характерной для классического письменного языка конструкции 之所以zhī suǒyǐ для изменения актуального членения предложения, обеспечивающего более яркое акцентирование причины.

Перечисленные примеры показывают, что авторы статей не только не стремятся упростить свои материалы, но, напротив, придерживаются высоких стандартов книжной речи.

4) Наличие четырехслогов-чэньюев (成语 chéngyǔ).

Примеры:

<p>10. 巴以和平和巴勒斯坦独立似乎遥遥无期。Bā Yǐ héping hé Bālèsítǎn dúlì sìhū yáoyáo wúqí (社评:美政客拱火巴以冲突的言论很冷酷. 责编:肖山 // 环球时报. 2023年10月19日. https://opinion.huanqiu.com/article/4EsMjhCtt0J).</p>	<p>«Похоже, что мир между Израилем и Палестиной, как и независимость последней – дело отдаленного будущего».</p>
<p>11. 此消息一出, 全球媒体一片哗然。Cǐ xiāoxī yī chū, quánqiú méitǐ yīpiàn huárán (社评: 美国这张反对票浸染着巴以平民的鲜血. 责编:袁小存 // 环球时报. 2023年10月19日. https://opinion.huanqiu.com/article/4F0eSxpOObz).</p>	<p>«Эта новость взбудоражила все мировые СМИ».</p>
<p>12. 巴勒斯坦问题不得到解决, 中东便永无宁日。Bālèsítǎn wèntí bù dédào jiéjué, zhōngdōng biàn yǒng wúníng rì (社评: 防止加沙人道灾难的共识亟需落地. 责编:肖山 // 环球时报. 2023年10月19日. https://opinion.huanqiu.com/article/4ExLMCs7PCO).</p>	<p>«Пока не решена палестинская проблема, на Ближнем Востоке не будет мира».</p>
<p>13. 巴以重陷冤冤相报的暴力循环。Bā Yǐ zhòng xiāng yuānyuānpixiāngbào de bàoli xúnhuán (社评: 防止加沙人道灾难的共识亟需落地. 责编:肖山 // 环球时报. 2023年10月19日. https://opinion.huanqiu.com/article/4ExLMCs7PCO).</p>	<p>«Палестина и Израиль вновь вошли в спираль насилия, где главным принципом является «око за око».</p>

Здесь мы поясним значение приведенных фраз: в примере 10 было использовано выражение 遥遥无期 yáoyáo wúqí «отложить на неопределённое время (срок); в отдалённом будущем; до морковкина заговенья», в примере 11 автор при помощи выражения 一片哗然 yīpiàn huárán «галдеть; шуметь; громко возмущаться; шумиха» проиллюстрировал эффект, который произвела новость. В примерах 12-13 авторы прибегают к идиомам 永无宁 yǒngwú níngrì «никогда не будет мирных дней», 冤冤相报 yuānyuānpixiāngbào «бесконечно мстить друг другу; месть порождает месть, и этому никогда не будет конца».

Таким образом, можно констатировать, что в публикациях «Хуаньцю шибао» активно применяются средства художественной выразительности, такие как четырехслоги-чэньюи и другие идиоматические выражения. Несомненно, это предполагает наличие у потенциального читателя довольно высокого общеобразовательного и культурного уровня.

II. 印度尼西亞日报 («Harian Indonesia», палл. «Индунисия жибао»), Индонезия; 南洋商报

(«Nanyang Siang Pau», «eNanyang», палл. «Наньян шанбао»), Малайзия, Сингапур; 菲律宾商报 («Huilippin Siong Po», «Philippine Commercial News», палл. «Фэйлюйбинь шанбао»), Филиппины.

Совсем другая картина наблюдается в публикациях СМИ Индонезии и Филиппин по той же тематике. Они обладают следующими особенностями:

- 1) в подавляющем большинстве они носят чисто информационный характер;
- 2) в них сухо сообщается о фактической стороне событий без попытки их анализа, интерпретации или встраивания в более широкий политический контекст;
- 3) даже статьи под рубрикой «社评» (передовица, колонка комментатора), по определению подразумевающей выражение индивидуальной авторской позиции, в основном выдержаны в объективистском ключе и лишены оценочной составляющей.
- 4) эмоционально окрашенные формулировки в индонезийских китаеязычных СМИ практически отсутствуют. Интересным представляется тот факт, что даже в такой мусульманской стране, как Индонезия, для которой характерны ярко выраженные симпатии к народу Палестины и критическое отношение к политике Израиля, китаеязычные СМИ освещают ситуацию с нейтральных позиций, ограничиваясь перепечатыванием (полностью или с сокращениями) официальных информационных материалов.
- 5) язык материалов в СМИ Филиппин и особенно Индонезии довольно стандартный, простой, доступный для аудитории с базовым уровнем владения китайским языком.

Данную ситуацию можно по крайней мере отчасти объяснить спецификой положения китаеязычной прессы в Индонезии. В октябре 1965 г. как результат переворота, ответственность за который возложили на Коммунистическую партию Индонезии, все китаеязычные газеты были закрыты и находились под запретом. Единственным исключением стала рассматриваемая нами «印度尼西亞日報», издававшаяся не китайцами, а индонезийцами [22, с. 12]. В течение длительного времени в стране действовали жесткие ограничения на использование китайского языка, в том числе в сфере образования. Как следствие, результатом этой репрессивной политики должно было стать сужение аудитории изданий, а также уменьшение количества журналистов из числа этнических китайцев и снижение их профессионального уровня. Очевидно, что к моменту снятия запретов китаеязычные медиа в Индонезии уже просто не располагали кадрами, способными готовить собственные аналитические материалы.

Другим значимым фактором, определяющим направленность и, как следствие, язык дискурса китаеязычных СМИ стран ЮВА, является усиление политического и экономического влияния КНР, а также проводимая Пекином в последние годы политика наращивания своей «мягкой силы», включая расширение присутствия в медиапространстве. Между СМИ КНР и местными изданиями заключены многочисленные соглашения об обмене информационным контентом, издатели и журналисты из стран ЮВА регулярно приглашаются на материк для участия в конференциях, семинарах, тренингах и т. д. Как следствие, местная пресса стала утрачивать своеобразие, по подбору материалов и языку публикаций все больше «унифицируясь» с материковыми СМИ. Например, в филиппинских медиа в качестве источника информации указывается только «Чжунго синьвэнъван» («中国新闻网»), оттуда же берутся ссылки на другие издания.

6) Несколько особняком стоят публикации малайзийской прессы. В них прослеживается редакционная политика, а иногда и авторская позиция.

Рассмотрим это на следующих примерах:

<p>14. 十月战争令以色列首次感受到亡国的威胁, 在初战失利后痛定思痛, 一方面调整战术, 美国亦发挥全球最强大的空运能力, 及时为以军补充大量损失军备, 使其确立先打败叙利亚再回师击败埃及的顺序。Shí yuè zhànzhēng lìng yǐsèliè shōucì gǎnshòu dào wángguó de wēixié, zài chūzhàn shīlì hòu tòngdìngsítòng, yī fāngmiàn tiáozhěng zhànshù, měiguó yì fāhuī quánqíú zuì qiáng dà de kōngyùn nénglì, jíshí wèi yǐ jūn bǔchōng dàliàng sǔnshī jūnbèi, shǐ qí quèlì xiān dǎbài xùliyǎ zài huí shī jíbài āijí de shùnxù (黄东. 以巴大战非一般战斗 历史纠结引爆火药库 // 南洋商报. 2023年10月19日. https:////以巴大战非一般战斗 历史纠结引爆火药库(enanyang.my)).</p>	<p>Война Судного дня впервые поставила Израиль перед лицом угрозы потери государственности; сделав для себя выводы из болезненных неудач начального этапа боевых действий, он скорректировал тактику, а США задействовали непревзойденные возможности своей военно-транспортной авиации для своевременного восполнения понесенных Израилем значительных потерь в вооружениях и боевой технике, благодаря чему тот смог, сначала разгромив Сирию, затем добить Египет.</p>
<p>15. 作为弱势一方的巴人, 必须注意战略上的得失举措, 不能只逞一时之快。</p> <p>Zuòwéi ruòshì yǐfāng de bā rén, bìxū zhùyì zhànlüè shàng de déshī jǐcùo, bùnéng zhǐ chěng yǐshí zhī kuài (黄东. 以巴大战非一般战斗 历史纠结引爆火药库 // 南洋商报. 2023年10月19日. https:////以巴大战非一般战斗 历史纠结引爆火药库(enanyang.my)).</p>	<p>Будучи слабой стороной, палестинцы вынуждены оценивать ситуацию со стратегической точки зрения, не ограничиваясь погоней за сиюминутными результатами.</p>
<p>16. 因此, 只要以色列在反击的过程中保持节制, 不在加沙走廊导致比哈马斯攻击以色列时造成的更大人道灾难, 阿拉伯世界难以放弃和解潮带来的红利, 再度回到阿拉伯世界不承认以色列生存地位、而且要完全消灭以色列的旧时代。Yīncǐ, zhǐyào yǐsèliè zài fǎnjí de guòchéng zhōng bǎochí jiézhì, bùzài jiāshā zǒuláng dǎozhì bǐ hā mǎ sī gōngjí yǐsèliè shí zàochéng de gèng dàrénn dào zāinàn, ālābó shìjiè nánymǐ fàngqì héjiě cháo dài lái de hónglì, zàiidù huí dào ālābó shìjiè bù chéngrèn yǐsèliè shēngcún dìwèi, érqiè yào wánquán xiāomìè yǐsèliè de jiù shídài (丁果. 以色列面对珍珠港时刻战火蔓延中东冤冤相报 // 南洋商报. 2023年10月22日. https:////以色列面对珍珠港时刻战火蔓延中东冤冤相报(enanyang.my)).</p>	<p>Поэтому, если только Израиль в ходе нанесения ответных ударов будет проявлять сдержанность и не допустит в Секторе Газа еще большей гуманитарной катастрофы, чем та, что была вызвана атакой Хамас на Израиль, арабским странам будет сложно отказаться от выгод, которые дает линия на мирное урегулирование, и вернуться в прежнюю эпоху, когда они не признавали право Израиля на существование и стремились к его полному уничтожению.</p>

В примере 14 автор статьи не просто констатирует результаты первого этапа боевых действий, но акцентирует внимание на том, что они были болезненными для Израиля. С этой целью использован чэньюй 痛定思痛 *tòngdìng sítòng* «обдумать свои ошибки, извлечь урок из пережитого», где слово «боль» 痛 *tòng* употребляется дважды.

В примере 15 отношение к палестинцам выражается с помощью определения «слабая сторона» (弱势一方 *ruòshì yīfāng*), за которым следует чэньюй 逞一时之快 *chěng yīshí zhī kuài* «получать сиюминутное удовольствие (не думая о последствиях)».

Авторская позиция просматривается и в примере 16, где отмечается, что «арабским странам будет сложно отказаться от выгод, которые дает линия на мирное урегулирование» (阿拉伯世界难以放弃和解潮带来的红利 *Ālābó shìjìè nán'yǐ fàngqì héjiě cháo dài lái de hónglì*).

7) китайский язык, использующийся в дискурсе китаеязычных СМИ Малайзии, грамматически и стилистически сложнее.

Примеры:

<p>17. 无容置疑的是, 随着欧洲被卷入相持不下的俄乌战争, 东亚面临台海紧张, 中东这个多事之秋的地区, 反而在中美两个强国的竞争博弈之下, 令人意外地进入百年未有的新局面。Wú róng zhìyí de shì, suízhe ūzhōuhou bēi juàn rù xiàng chí bùxià de é wū zhànhzhēng, dōngyà miànlin tāihǎi jǐnzhāng, zhōngdōng zhège duōshìzhīqī dì dìqū, fǎn'ér zài zhōng měi liǎng gè qiángguó de jìngzhēng bójì zhī xià, lìng rén yìwài dì jìnru bǎnián wèi yǒu de xīn júmiàn (丁果. 以色列面对珍珠港时刻 战火蔓延中东冤冤相报 // 南洋商报. 2023年10月22日. https://enanyang.my).</p>	<p>«Не вызывает никаких сомнений тот факт, что пока Европа все больше втягивается в затяжную войну между Россией и Украиной, а в Восточной Азии нарастает напряженность в Тайваньском проливе, в переживающем смутные времена ближневосточном регионе на фоне конкуренции между двумя крупными державами – Китаем и США – неожиданно складывается новая ситуация, какой уже давно не наблюдалось».</p>
<p>18. 无人机攻击坦克、滑翔伞从天降下、快艇乘风破浪杀入的画面, 堪比好莱坞经典镜头, 戴着面罩的武装分子攻击军事据点的同时, 也对参加节日音乐狂欢的民众—大部分是年轻人—一展开一律杀戮和绑架。Wú rén jī gōngjí tǎnkè, huáxiáng sǎn cóng tiān jiàngxià, kuàitǐng chéngfēngpòlàng shā rù de huàmiàn, kān běi hǎoláiwù jīngdiǎn jìngtóu, dàizhe miànzhào de wǔzhuāng fēnzhī gōngjí jūnshì jùdiǎn de tóngshí, yě duì cānjiā jiéritǐ yīnyuè kuánghuān de míngzhòng—dà bùfèn shì niánqīng rén—zhǎnkāi yīlǚ shālù hé bǎngjiā (丁果. 以色列面对珍珠港时刻 战火蔓延中东冤冤相报 // 南洋商报. 2023年10月22日. https://enanyang.my).</p>	<p>Видео, на которых беспилотники атакуют танки, с неба падают планирующие боеприпасы, по волнам мчатся на противника скоростные катера, сравнимы с классическими голливудскими кадрами; вооруженные люди в масках штурмуют опорные пункты и в то же время убивают и берут в заложники людей, приехавших на музыкальный фестиваль, среди которых в основном молодежь.</p>

<p>蔓延中东冤冤相报 (enanyang.my).</p> <p>19. 埃及军以高压水龙冲垮以军著名的巴列夫防线;以军引以为傲的空军和装甲部队初期如泥菩萨过江折戟沉沙;以军挖出一条设计巧妙的戈兰壕,竟然挡住叙利亚千余辆坦克冲击.....留下大量攻防美谈。Āijí jūn yǐ gāoyā shuǐlóng chōngkuǎ yǐ jūn zhùmíng de bā liè fū fángxià; yǐ jūn yǐn yǐ wéi ào de kōngjūn hé zhuāngjiā bùduì chūqí rú ní púsàguò jiāng zhé jǐ chén shā; yǐ jūn wā chū yǐtiáo shèjì qiǎomìào de gē lán háo, jìngrán dǎngzhù xùliyā qīān yú liàng tǎnkè chōngjí.....liú xià dàliàng gōngfáng měitán (黄东. 以巴大战非一般战斗 历史纠结引爆火药库 // 南洋商报. 2023年10月19日. https://以巴大战非一般战斗 历史纠结引爆火药库 (enanyang.my)).</p>	<p>Египетская армия с помощью мощных водометов разрушила знаменитую полосу израильских заграждений на линии Бар-Лева; гордость израильской армии – военно-воздушные силы и бронетанковые войска оказались подобны колоссу на глиняных ногах и были разбиты в пух и прах; тем не менее израильская армия, вырыв на Голанских высотах грамотно спроектированный противотанковый ров, неожиданно для всех остановила продвижение более тысячи сирийских танков, что вошло в историю военного искусства.</p>
--	---

Примеры 17–19 служат убедительным доказательством, что язык материалов «Наньян шанбао» сложнее, чем в индонезийских и филиппинских изданиях. Тексты содержат много длинных, сложносоставных предложений, которые в некоторых случаях приходится делить на части для достижения адекватности перевода на русский язык.

7) Тексты малайзийской «Наньян шанбао» изобилуют традиционными китайскими идиоматическими выражениями.

В примере 17 использована идиома 多事之秋 duō shì zhī qiū со значением «смутное время, тревожные времена; время больших перемен». Если переводить ее дословно, получится выражение «осень со множеством событий», что может напомнить читателю о периоде Весен и осеней в чжоуском Китае, когда государство оказалось раздробленным на большое количество крупных и мелких княжеств, бесконечно воевавших друг с другом.

В примере 19 мы имеем дело с недоговоркой-сехоуюй (歇后语 xiēhòuyǔ), разновидностью китайских фразеологизмов, представляющих собой изречение из двух частей – иносказания и его раскрытия (пояснения), причем вторая часть обычно опускается. Состояние израильской армии характеризуется выражением 泥菩萨过江, 自身难保 nípúsà guòjiāng, zìshēn nánbǎo «глиняный бодхисаттва переходит вброд реку», даже собственное тело трудно сохранить в целости», что означает «не может помочь даже себе; беспомощный, бессильный, беззащитный». Эта мысль усиливается еще одной идиомой 折戟沉沙 zhé jǐ chén shā «сломанная алебарда утонула в песках» – «потерпеть поражение; провал».

Рассмотрим еще несколько примеров:

<p>20. 不过行内皆知要完成这些大动作, 其准备策划过程是不可能完全不泄漏蛛丝马迹的。Bùguò xíngnèi jiē zhī yào wánchéng zhèxiē dà dòngzuò, qí zhǔnbèi cèhuà guòchéng shì bù kěnéng wánquán bù xièlòu zhūsīmǎjì de (黄东. 以巴大战非一般战斗 历史纠结引</p>	<p>«Тем не менее всем специалистам хорошо известно, что при планировании и подготовке такого масштабного мероприятия невозможно полностью избежать утечки информации и не оставить каких-нибудь следов».</p>
--	---

<p>火爆药库 // 南洋商报. 2023年10月19日. https://enanyang.my).</p> <p>21. 殊不知此举令自己的国际形象大为受损，并未能掌握信息战的真谛。 <i>Shūbùzhī cǐ jǔ lìng zìjǐ de guójì xíngxiàng dà wéi shòu sǔn, bìng wèi néng zhǎngwò xìnxī zhàn de zhēndì</i> (黄东. 以巴大战非一般战斗 历史纠结引爆火药库 // 南洋商报. 2023年10月19日. https://enanyang.my).</p>	<p>«Этими действиями они вопреки ожиданиям нанесли серьезнейший ущерб своему международному имиджу, одновременно продемонстрировав непонимание сути информационной войны».</p>
<p>22. 可以这样说，“阿克萨洪水”行动虽然昙花一现，但它打破了以色列不可战胜的神话。<i>Kěyǐ zhèiyàng shuō, “ā kè sà hóngshuǐ” xíngdòng suīrán tánhuāyīxiān, dàn tā dǎpòle yǐsèliè bùkě zhànshèng de shénhuà</i> (丁果. 以色列面对珍珠港时刻 战火蔓延中东冤冤相报 // 南洋商报. 2023年10月22日. https://enanyang.my).</p>	<p>«Можно сказать, что хотя операция «Наводнение Аль-Аксы» была довольно скоротечной, она развеяла миф о непобедимости Израиля».</p>

Использованный в примере 20 чэньюй 蛛丝马迹 *zhūsī mǎjì* буквально переводится как «нить паутины и следы копыт лошади» в смысле «ключ к разгадке, след, путеводная нить, зацепка», так автор статьи образно передает возможность утечки информации.

Выражение 真谛 *zhēndì* «будд. высшая истина, истинная сущность, внутренний истинный смысл» из примера 21 отсылает к понятийному аппарату китайского буддизма.

В примере 22 мы можем обнаружить идиому 昙花一现 *tánhuā yīxiàn* «цветы канны появляются на мгновение», имеющую образное значение «появиться на мгновение и исчезнуть; кратковременный, переходящий, мимолетный», которая используется для описания молниеносного характера нападения палестинских боевиков на Израиль.

Такой высокий уровень дискурса, грамматическую и стилистическую сложность, на наш взгляд, можно объяснить не только большим числом этнических китайцев, проживающих в Малайзии и Сингапуре (в последнем, китайский язык хуаюй является одним из государственных языков), но и длительным историческим опытом китаеязычных СМИ. Газета «Ча шису мэйюэ тунцзичжуань» (察世俗每月统纪传), основанная в Малакке (Малайзия), в 1815 г., признана первым в мире зарубежным периодическим изданием на китайском языке [4, с. 46].

По мнению китайских исследователей, Сингапур и Малайзия — это страны с наиболее развитой китайской медиаиндустрией. Согласно официальному документу под названием «Синяя книга новых медиа: Отчет о развитии новых медиа в Китае № 10 (2019)», опубликованному в июне 2019 г. Институтом журналистики и коммуникации Китайской академии социальных наук совместно и издательством «Научная литература по общественным наукам» (社会科学文献出版社), в топ-20 наиболее влиятельных зарубежных китаеязычных медиа-порталов входят три из Малайзии и два из Сингапура. Такие онлайн газеты, как сингапурская «Лянъхэ цзаобао ван» (联合早报, Lianhe Zaobao.com), малайзийская «China Press» (中國報, Chinapress.com.my) и «Sin Chew Daily» (星洲日報,

sinchew.com.my) входят в тройку лидеров по своему влиянию [23, с. 106].

III. «Лунъинь Хусяо» (龍吟虎嘯), Гонконг.

Дискурс материалов данного гонконгского информационного ресурса отличается еще большим лингвистическим своеобразием. Рассмотрим его особенности ниже.

1) Статьи по ближневосточной тематике имеют ярко выраженный авторский характер.

Примеры:

<p>23. 然而, 在英语世界的媒体, 却如同俄乌战争时的操作, 一面倒地把以色列塑造成受害者, 而逃避它是以巴冲突的始作俑者。 <i>Rán'ér, zài yīngyǔ shìjiè de méitǐ, què rùtóng é wū zhànhzhēng shí de cāozuò, yī miàn dǎo dì bǎ yǐsèliè sùzào chéng shòuhài zhě, ér tǎobì tā shì yǐbā chōngtú de shǐzuòyǒngzhě</i> (陆领雄 立法会议员. 龙七公:以巴冲突再起中立谨慎了解. // on.cc東網 评论. 2023年10月15日. <a).<="" href="https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231015/bkn-20231015000456731-1015_00832_001_cn.html" p=""> </p>	<p>«Тем не менее англоязычные СМИ, тенденциозно освещавшие войну между Россией и Украиной, и здесь пытаются представить Израиль в образе жертвы, умалчивая о том, что именно на нем лежит ответственность за развязывание этого конфликта».</p>
<p>24. 以色列政府不再掩饰其殖民主义的丑恶行为, 公然推行, 便不只是针对加萨居民, 而是向全世界挑战。<i>Yǐsèliè zhèngfǔ bù zài yǎnshì qí zhímín zhǔyì de chǒu'è xíngwéi, gōngrán tuīxíng, biàn bù zhǐshì zhēnduì jiān sà jūmín, ér shì xiàng quán shìjiè tiǎozhàn</i> (陈文鸿 研究所所长. 坦言集:犹太核战? // on.cc東網 评论. 2023年10月11日. <a).<="" href="https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231015/bkn-20231015000456125-1015_00832_001_cn.html" p=""> </p>	<p>«Правительство Израиля, более не маскируя колонизаторской сути своих жестоких действий, открыто бросает вызов не только жителям сектора Газа, но и всему мировому сообществу».</p>

Из приведенных выше примеров видно, что авторы могут показывать свое отношение к затронутой теме, их оценки бывают эмоциональными, а порой даже резкими (一面倒 *yǐmiàndǎo* односторонний, однобокий, тенденциозный; 殖民主义的丑恶行为 *zhímín zhǔyì de chǒu'è xíngwéi* «колонизаторская суть жестоких действий»).

2) богатый и разнообразный литературный китайский язык.

В гонконгских публикациях широко используются сложные грамматические конструкции и идиоматические выражения.

Примеры:

<p>25. 既然貧無立錐之地, 激進主義必然野蠻瘋長, 年輕人覺得倒不如加入哈馬斯跟以色列拚命。<i>Jírán pín wú lìzhuīzhīdì, jījìn zhǔyì bìrán yěmán fēngzhǎng, niánqīng rén juédé dào bùrú jiānrù Hāmǎsī gēn Yǐsèliè pànmìng</i> (程萬里 傳媒人. 筆下風雲:美國一伸手中東大亂 //on.cc東網 評論. 2023年10月11日. <a).<="" href="https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231011/bkn-20231011000527103-1011_00832_001.html" p=""> </p>	<p>«Радикализм, у которого земля уходит из-под ног, будет предпринимать отчаянные попытки выжить за счет привлечения молодежи, которая предпочитает в рядах движения ХАМАС вести борьбу с Израилем не на жизнь, а на смерть».</p>
<p>26. 再说, 联合国早在1974年已提出“两国方案”解决以巴冲突, 但巴勒斯坦至今立国无期, 以色列则步步进逼, 屯垦区愈占愈多, 将</p>	<p>«К тому же ООН еще в 1974 г. выдвинула «план создания</p>

<p>这群可怜的阿拉伯人逼到悬崖边上。Zàishuō, Liánhéguó zǎo zài 1974 nián yǐ tǐchū "liǎng guó fāng'àn" jiějué Yǐ Bā chōngtú, dàn Bālèstān zhìjīn lìguó wúqí, Yǐsèliè zé bù bù jìn bī, túnkěn qū yù zhàn yù duō, jiāng zhè qún kělián de ālābó rén bī dào xuányá biān shàng (程万里 传媒人. 笔下风云:内塔尼亚胡走火入魔 // on.cc東網 评论. 2023年10月15日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231015/bkn-20231015000456349-1015_00832_001_cn.html).</p>	<p>дву́х госуда́рств» для решения палестино-израильского конфликта, однако до сего момента сроки создания палестинского государства так и не определены, в то время как Израиль постепенно увеличивает территориальные захваты, основывая все новые и новые поселения и ставя несчастных арабов на грань выживания».</p>
<p>27. 捨「兩國方案」而不為, 以巴戰火止戰談和就如空中樓閣, 難怪歐美各國無不忙於撤僑。Shě "liǎng guó fāng'àn" ér bù wéi, Yǐ Bā zhànhuǒ zhǐ zhàn tán hé jiù rú kōngzhōnglóugé, nánguài dūměi gèguó wú bù mángyú chè qiáo (施友朋 評論員.笑看天下:以巴戰火何以難熄滅 // on.cc東網 評論. 2023年10月14日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231014/bkn-20231014000534201-1014_00832_001.html).</p>	<p>«Без реализации «плана создания двух государств» все разговоры о прекращении огня и мирных переговорах между Израилем и Палестиной останутся пустыми мечтаниями. Неудивительно, что все европейские страны и США сейчас экстренно занимаются эвакуацией своих граждан из этого региона».</p>

В примере 25 использованы следующие идиомы:

- 貧無立錐 (упр. 贫无立锥) pín wú lì zhuī «беден настолько, что шило некуда воткнуть», которая в контексте приобретает образное значение «некуда ступить, земля уходит из под ног»;
- 野蠻瘋長 (упр. 野蛮疯长) yěmán fēngzhǎng «бурный, ничем не сдерживаемый рост» передает значение «отчаянные попытки».

Для описания захватнической политики Израиля в примере 26 автор использовал идиому **步步进逼** bùbù jìnbī «шаг за шагом продвигаться вперёд, теснить, напирать (со всех сторон)».

В примере 27 фигурирует идиома 空中樓閣 (упр. 空中楼阁) kōngzhōng lóugé «1) воздушный замок; 2) химера, мираж», передающая сомнение в возможности мирных переговоров между Израилем и Палестиной.

Выражение 倒不如 dàobùrú «всё же не так хорошо, как...; самое лучшее всё же...; лучше всего было бы...; лучше уж...» в примере 25 использовано вместо часто употребляющегося глагола 宁愿 nìngyuànl «предпочитать; лучше уж».

Сложная конструкция 立国无期 lìguó wúqī с дословным переводом «у создания государства нет даты» из примера 26 выбрана для констатации того, что принятый ООН план на сегодняшний день не реализован.

Для фразы «без реализации «плана» из примера 27 можно было бы ограничиться простым вариантом «отрицательная частица + глагол», однако автор пошел иным путем, выбрав архаичную конструкцию «глагольно-объектное сочетание + 而不为ér bù wéi», где 不为 означает «не делать, не заниматься, не совершать». Интересным представляется

также использование двойного отрицания 無不忙於 (упр. 无不忙于) *wúbù máng yú* со значением «срочно, экстренно» вместо более частотного наречия 紧急地 *jǐnjí de* с тем же значением.

3) в текстах нередко встречаются грамматические и лексические элементы, взятые из классического китайского языка вэньянь.

Примеры:

<p>28. 人不畏死, 奈何以死懼之。Rén bù wèi sǐ, nàihé yǐ sǐ jù zhī (程萬里 傳媒人. 筆下風雲:美國一伸手中東大亂 //on.cc東網 評論. 2023年10月11日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231011/bkn-20231011000527103-1011_00832_001.html).</p>	<p>«Нельзя запугать смертью тех, кто ее не боится».</p>
<p>29. 今後倘若動用導彈、攻擊性無人機, 以色列的安全堪虞。Jīnhòu tǎngruò dònghóng dǎodàn, gōngjí xìng wúrénn jī, Yǐsèliè de ānquán kān yú (世界視線:以色列進侵加薩 勢陷烏克蘭泥沼 // on.cc東網 評論. 2023年10月12日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231012/bkn-20231012000347592-1012_00832_001.html).</p>	<p>«Если в дальнейшем будут задействованы ракеты и ударные беспилотники, безопасность Израиля окажется под вопросом».</p>
<p>30. 目前沙特已表明拒绝跟以国建交, 一旦连伊朗、埃及都惹怒, 中东大乱矣。Mùqíán Shātè yǐ biǎomíng jùjué gēn Yǐ guó jiànjiāo, yīdàn lián Yǐlǎng, Āijí dōu rě nù, Zhōngdōng dàluàn yǐ (程万里 传媒人. 笔下风云:内塔尼亞胡走火入魔 // on.cc東網 评论. 2023年10月15日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231015/bkn-20231015000456349-1015_00832_001_cn.html).</p>	<p>«В настоящее время Саудовская Аравия уже заявила, что не будет устанавливать дипломатические отношения с Израилем, а когда последует возмущенная реакция со стороны Ирана и Египта, Ближний Восток погрузится в хаос».</p>
<p>31. 奈何在西方霸权之下, 所有主流媒体统一口径, 为如此战争罪行粉饰太平。Nàihé zài xīfāng bàquán zhī xià, suǒyǒu zhǔliú méitǐ tǒngyī kǒujìng, wèi rúcǐ zhànzhēng zuìxíng fěnshì tài píng (程万里 传媒人. 笔下风云:犹太金主控制西方 // on.cc東網 评论. 2023年10月22日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231022/bkn-20231022000417050-1022_00832_001_cn.html).</p>	<p>«Как-то так получается, что мейнстримные СМИ, находясь под западным контролем, все как одно затушевывают подобные военные преступления».</p>

В примере 28 автор во фразе 人不畏死, 奈何以死懼之 *Rén bù wèi sǐ, nàihé yǐ sǐ jù zhī* «Нельзя запугать смертью тех, кто ее не боится» привел цитату из трактата Лао-цзы «Дао дэ цзин» («道德经») 民不畏死,奈何以死惧之? *Mín bù wèi sǐ, nàihé yǐ sǐ jù zhī* «Когда народ не ощущает страха смерти, то как же можно смертью устрашать народ?...» (перевод И. И. Семененко) [24, с. 69]. При этом он немного отступил от оригинала, заменив 民 *mín* «народ» на 人 *rén* «людей».

В примере 29 вместо современных нейтральных союзов 如果 *rúguō* или假使 *jiǎshǐ* со значением «если» фигурирует слово 倘若 *tǎngruò* с тем же значением. Оно характерно для письменной речи, так как пришло из вэньяня. Эта лексическая единица была известна еще в эпоху Тан, например, она встречается в «Очерках о чудесах из мира тьмы» («玄怪录») [25, с.53] писателя Ню Сэнжу [11].

В том же фрагменте мы видим использование еще одного слова из вэньяня 堪虞 *kānyú* «заслуживающий настороженного отношения, требующий особой осторожности;

вызывать опасения (сомнения)» вместо аналогичных по смыслу современных 可忧 *kě yōu*, 令人忧虑 *lìng rén yōu*.

В примере 30 автор поставил в конце предложения модальную частицу矣 *yǐ* древнекитайского и старого литературного языка, подчёркивающую завершённость действия или становление качества.

В примере 30 мы видим сразу несколько лингвистических средств классического вэньяня в рамках одного предложения. Во-первых, употребляется заимствованное из среднекитайского языка [2] служебное слово 奈何 *nài hé* в значении «воздействовать (на что-л.); как-нибудь справиться, совладать (с чем-л.); унимать». Во-вторых, для указания на однотипность подходов СМИ к освещаемой теме используется идиома 统一口径 *tǒngyì kǎijìng* «согласовать высказывания; выступать единым фронтом». В-третьих, автор прибегает к идиоме 粉饰太平 *fěnshìtāipíng* «делать вид, будто всё идет гладко; замазывать проблемы» как к средству выражения экспрессии вместо нейтрального глагола 隐瞒 *yǐnmán* «скрывать; маскировать; замалчивать».

На основе вышеприведенных примеров мы можем сделать вывод о том, что авторы гонконгского новостного издания «Лунъинь Хусяо» более свободны в выражении своих мнений и оценок. Кроме того, они хорошо владеют лингвистическими инструментами усиления экспрессии, пришедшими из классического языка вэньянь.

4) употребление служебных слов, характерных для южных диалектов Китая.

Примеры:

<p>32. 以巴衝突死亡及受傷人數持續激增, 呢場中東戰火, 隨着以軍向加薩地帶發動地面進攻如箭在弦, 以色列情報部長加姆里爾日前受訪時表示, 以色列對哈馬斯嘅戰爭是要將其「連根拔起」, 這狠話無非想阻嚇全世界嘅武裝分子千祈咪輕舉妄動。Y īBā chōngtú sīwáng jí shòushāng rénshù chíxù jízēng, ne chǎng Zhōngdōng zhànhuǒ, suízhe yǐ jūn xiàng jiā sà dìdài fādòng dìmiàn jīngōng rú jiàn zài xián, Yǐsèliè qíngbào bùzhǎng Jiāmǐlěr rìqián shòu fǎng shí biǎoshì, Yǐsèliè duì Hāmǎsī kǎi zhànzhēng shì yào jiāng qí "liángēnbá qǐ", zhè hěn huà wúfēi xiǎng zǔ xià quán shìjiè kǎi wǔzhuāng fēnzhī qiān qí mī qīngjǐwàngdòng (施友朋 評論員.笑看天下:以巴戰火何以難熄滅 // on.cc東網 評論. 2023年10月14日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231014/bkn-20231014000534201-1014_00832_001.html).</p>	<p>«Продолжает расти число жертв палестино-израильского конфликта. В ходе этой войны на Ближнем Востоке, как раз на днях, когда вот-вот должна была начаться наземная операция израильских войск в секторе Газа, глава министерства разведки Израиля Гила Гамлиэль в своем интервью сказал, что движение ХАМАС будет «полностью уничтожено». Таким категоричным заявлением он словно дает понять боевикам во всем мире: хорошоенько подумайте, прежде чем ввязываться в авантюру».</p>
<p>33. 這些訊息備受關注, 惟社交網站充斥唔少戰爭假訊息, 未必可信。Zhèxiē xùnxí bèi shòu guānzhù, wéi shèjiāo wǎngzhàn chōngchì wú shǎo zhànzhēng jiǎ xùnxí, wèibì kě xìn (施友朋 評論員.笑看天下:以巴戰火何以難熄滅 // on.cc東網 評論. 2023年10月14日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231014/bkn-20231014000534201-1014_00832_001.html).</p>	<p>«Хотя эти новости привлекли внимание, им не следует безоговорочно верить, поскольку некоторые социальные сети переполнены фейками на военную тематику».</p>
<p>34. 再講吖 以巴衝突有美國介入 中東局勢變得更複雜 歷史亦</p>	<p>«К тому же вмешательство США</p>

<p>證明, 凡有美國做架樑, 必定有好嘢, 有論者指或令呢場局部戰爭擴大為中東國家.嘅區域性戰爭。Zài jiǎng yā, yě bā chōngtú yǒu měiguó jièrù, zhōngdōng jūshì biàn dé gèng fùzá, lishǐ yì zhèngmíng, fán yǒu měiguó zuò jià liáng, bìding mǎo hǎo yě, yǒu lùnzhě zhě huò lìng ne chǎng júbù zhànhēng kuòdà wéi zhōngdōng guójīā. Kǎi qūyù xǐng zhànhēng (施友朋 評論員.笑看天下:以巴戰火何以難熄滅 // on.cc東網 評論. 2023年10月14日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231014/bkn-20231014000534201-1014_00832_001.html).</p>	<p>только осложнит ситуацию на Ближнем Востоке. Как показала история, там, где появляются Соединенные Штаты, ничего хорошего не жди. В данном контексте некоторые комментаторы предупреждают, что локальный конфликт может распространиться на страны Ближнего Востока и перерости в региональную войну».</p>
<p>35. 俄羅斯總統普京批評美國試圖壟斷調解衝突, 但係冇專注尋求雙方都能接受嘅妥協方案, 亦即中國呼籲落實嘅「兩國方案」。 Èluósī zǒngtǒng pǔjīng pīpíng měiguó shítú lóngduàn tiáojiě chōngtú, dàn xì mǎo zhuānzhù xúnqíú shuāngfāng dōu néng jiēshòu kǎi tuōxié fāng'àn, yì jí zhōngguó hūyù luòshí kǎi "liǎng guó fāng'àn" (施友朋 評論員.笑看天下:以巴戰火何以難熄滅 // on.cc東網 評論. 2023年10月14日. https://hk.on.cc/hk/bkn/cnt/commentary/20231014/bkn-20231014000534201-1014_00832_001.html).</p>	<p>«Президент России В.В. Путин подверг США критике за попытку монополизировать процесс мирного урегулирования, но не предложил никакого компромиссного варианта, приемлемого для обеих сторон, тогда как Китай призывает к реализации «плана создания двух государств».</p>

В примерах использованы следующие частицы:

- а) 呢 *ne* в значении «это» (примеры 32, 34);
- б) 嘅 *gē* вместо определительной частицы 的 *de* (в примере 32 дважды, в примерах 34, 35);
- в) 咪 *mī* в значении «не надо» (пример 32);
- г) 唔 *mǐ* – «не» (пример 33);
- г) 呀 *yā*, *ā* как восклицательной и конечной частицы (пример 34);
- д) 吗 *mǎo* – «не иметь, нет, не» (пример 34, 35);
- е) 嘥 *yě* – «событие, дело» (пример 34).
- 5) Применение как традиционных, так и упрощенных иероглифов.

До 1997 г. Гонконг являлся колонией Великобритании, в связи с чем не попадал под действие проводившейся в КНР реформы письменности. После возвращения Гонконга под юрисдикцию КНР в качестве специального административного района его жители по-прежнему используют традиционные иероглифы, хотя часть населения перешла на упрощенные. Издание «Лунъинь Хусяо» предоставляет своей аудитории возможность выбора наиболее привычного варианта начертания знаков.

Заключение

По результатам проведенного авторами сравнительного и контекстного анализа можно сделать вывод, что к использованию в учебном процессе публикаций китаеязычной прессы следует подходить избирательно, руководствуясь прежде всего задачами,

решаемыми в рамках конкретного курса. Так, для студентов-востоковедов, регионоведов и политологов знакомство с подобными материалами представляется полезным с точки зрения расширения страноведческого кругозора и получения дополнительных сведений по ситуации в государствах ЮВА и китайской diáspore.

В целом на основе дидактического анализа новостных статей китаеязычных СМИ авторы смогли выделить несколько преимуществ введения такого рода материалов в процесс обучения китайскому языку. Во-первых, для студентов, специализирующихся в области лингвистики и перевода, наибольший интерес представляют тексты, по своему языку отличающиеся от медийных материалов материкового Китая. В основном это относится к публикациям гонконгских и в меньшей степени малайзийских СМИ. Во-вторых, некоторые интернет-порталы китаеязычных СМИ, например, упомянутый выше «Лунъинь Хусяо», помимо собственно текстов размещают в общем доступе соответствующие аудиофайлы, что позволяет использовать их в качестве вспомогательного тренировочного упражнения на занятиях по практическому китайскому языку, практике перевода в паре китайский-русский или самостоятельного упражнения на занятиях по аудированию. Что касается индонезийской и филиппинской прессы, то практическая отдача от ее чтения будет ограничиваться закреплением навыков работы с иероглификой в традиционном варианте написания.

[\[1\]](#) Ню Сэнжү (牛僧孺; 779—849) — китайский политический деятель периода правления династии Тан (618—907), чэнсян (канцлер) в 823—825 и 830—832 гг., писатель. Был автором нескольких рассказов и повестей. По свидетельству современников, пользовался большой литературной известностью, а его рассказы были «полны злословия» и политического подтекста. Был фактическим создателем политического памфлета в форме новеллы чуаньци. Самым известным произведением его авторства является сборник «Сюань гуай лу» («Очерки о чудесах из мира тьмы»), из которого до наших дней дошло 33 рассказа. Другим известным произведением является сборник «Путешествие в далёкое прошлое» (Ню Сэнжу // Википедия. [\[2015\]](#). Дата обновления: 03.07.2023. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=5392887&oldid=131427479>)

[\[2\]](#) Среднекитайский язык (средневековый китайский язык), название письменного языка, распространённого в Древнем Китае в VI (по др. сведениям IV)-XII вв. (Среднекитайский язык // Большая российская энциклопедия. Том 31. Москва, 2016, стр. 119)

Библиография

1. Тарева Е. Г., Викулова Л. Г., Макарова И. В. Инновационное моделирование кейсов по межкультурной коммуникации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 4(45). С. 398-404. URL: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.45.405>.
2. Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи // Технологизация дискурса в современном обществе. Под ред. Плотниковой С. Н. Иркутск: ИГЛУ, 2011. С. 6-44.
3. Каверзина А. В., Чернышов М. Ю. Подход к исследованию дискурса, связанного с издательской деятельностью. Описание системы характеристик дискурсивных отношений // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 1(22). С. 198-205.
4. 彭伟步. 东南亚华文传媒的媒介功能与前瞻 // 东南亚研究. 2002年. 第3期. 46-50页.
5. 梅艳. 海外华文媒体研究 //西部广播电视台. 2016年. 第15期. 67-68页. doi:CNKI:SUN:XBGS.0.2016-15-048
6. Sun Wanning. Chinese-language Media in Australia: Developments, Challenges and

- Opportunities. Ultimo: Australia-China Relations Institute (ACRI), 2016. 70 p.
7. Alvaro, J. Analysing China's English-language media // World Englishes. 2015. 34(2). С. 260-277. doi: 10.1111/weng.12137.
8. Тарева Е. Г. Межкультурный подход к подготовке современных лингвистов // Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций: становление и развитие научной школы : сборник научных статей. М.: ООО «Языки Народов Мира», 2021. С. 34-44.
9. Горелов В. И. Стилистика современного китайского языка. М.: Просвещение; 1979. 192 с.
10. Никитина Т. Н. Грамматика китайского публицистического текста. С-Пб.: КАРО, 2007. 222 с.
11. Фомин А. Г., Трофимова Е. С. Оценочная лексика в презентации военно-политических конфликтов в китайских СМИ // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2022. № 2. С. 77-90.
URL: https://doi.org/10.51955/23121327_2022_2_77
12. Лобанова Т. Н. Медийные тексты КНР по внешнеполитической тематике как объект лингвистического анализа. Ученые заметки ТОГУ. 2014. № 5 (4). С. 714-724.
13. Лай, Л. Языковые аспекты формирования имиджа России в китайских СМИ // Гуманитарный вектор. 2018. № 13(1). С. 130-135.
14. Кошкарова Н.Н., Мукушев И.О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 87-100. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_08.
15. Гао Ивэнь. Современный образ США и России в китайских медиа // МНКО. 2022. № 3(94). С. 351-353. URL: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-394-351-353>.
16. Музыкант В. Л., Ху Жуйци. Особенности освещения китайскими медиа специальной военной операции (СВО) на Украине // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. № 1. С. 52-68. URL: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13\(1\).52-68](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(1).52-68)
17. Ли Ченджи, Волобоева Ю. К., Горбачев М. В. Имидж В. В. Путина в дискурсивном пространстве китайских СМИ как фактор реализации совместных политики-экономических проектов // Вестник СГЮА. 2016. № 1(108). С. 231-234.
18. Данилова А. Г., Митина О. В. Компьютеризированный качественный анализ текста // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 220-240. URL: <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.09>.
19. Григорьева Е. Я., Черкашина Е. И. Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры // Rhema. Рема. 2019. № 3. С. 133-147. URL: <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-3-133-147>.
20. Сарна А.Я. Дискурс-анализ // Гуманитарная энциклопедия: Концепты. Центр гуманитарных технологий. Под ред. А.В. Агеева. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7232>. Ссылка активна на 11.07.2024.
21. Kurlantzick, J. Beijing's Global Media Offensive: China's Uneven Campaign to Influence Asia and the World. New York: Oxford University Press, 2023.
22. Suryadinata L. The orientation of Chinese newspapers in Indonesia as China rises. – Singapore: ISEAS Publishing; 2023.
23. 范佳宁. 东南亚地区华文媒体发展特点与转型探索 // 声屏世界 2021/3 下. 106-108页.
doi:10.3969/j.issn.1006-3366.2021.06.047
24. «Дао Де Цзин», глава 74. Лаоцзы. Обрести себя в Дао / Сост., авт. предисл., перевод, comment. И. И. Семененко. М.: Республика, 1999. 445 с.
25. 玄怪录. 续玄怪录 / [唐] 牛僧孺, 李复言撰; 姜云、宋平校注. 上海: 上海古籍出版社, 1985.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область данной работы имеет ярко выраженный актуальный характер, собственно, и научная новизна исследования тоже прозрачна. Полновесная оценка ситуации необходима, причем грамотная систематизация данных является продуктивной и концептуальной. Автор отмечает, что «в последние годы появилось большое количество статей, посвященных языковым аспектам формирования имиджа иностранных государств или их лидеров в китайских СМИ, однако, на наш взгляд, к их слабым местам во многих случаях можно отнести либо ограниченность иллюстративного материала, либо отсутствие оригинальных китайских текстов, что не позволяет создать отчетливую лингвистическую картину и оценить используемые языковые средства. Самым существенным недостатком указанных публикаций, по нашему мнению, является то, что для анализа были взяты только СМИ КНР». Пожалуй, с этим стоит согласиться, это и определяет важность данного исследования. «На фоне глобализации, затронувшей абсолютно все стороны современной жизни, язык становится не только способом коммуникации и средством передачи информации, но и инструментом, оказывающим влияние на реципиента». Проекция рассмотрения вопроса верифицирована, объективация темы дана в нужном векторном ключе. Считаю, что автор вполне аргументировано выходит к ключу понимания сути проблемы. Суждения вводного блока объективны: например, «дискурс является «оружием воздействия»; следовательно, новостной дискурс также стоит рассматривать как «оружие», которое может быть использовано для формирования в сознании читателя определенной картины мира, а также как средство достижения конкретных целей или противодействия вербальной агрессии извне...», или «при исследовании различных видов дискурса, как и в преподавании иностранного языка, могут применяться различные методы, в частности, нарративный анализ (что сказано?), дискурс-анализ (как сказано?), интент-анализ (зачем сказано?), конверсационный анализ (кем и кому сказано?). В нашем исследовании для решения задач 1–4 в качестве основного метода был избран дискурс-анализ, который определяется А. Я. Сарной как совокупность аналитических методов интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляющей в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях...» и т.д. Задачи исследования конкретизированы, приведу их в полном объеме: «в настоящей статье при помощи дискурс-анализа исследуются лингвистические особенности материалов по внешнеполитической тематике, опубликованных в электронных версиях китайязычных (путунхуа, хуаюй) изданий ряда стран ЮВА (Индонезия, Малайзия, Филиппины), а также Гонконга. Авторами предпринята попытка решить следующую задачу: на ограниченном материале, посвященном одной проблеме – ближневосточному кризису, выявить специфику содержания и формы подачи информации в рассматриваемых китайязычных СМИ, исходя из чего сделать некоторые прикладные выводы относительно целесообразности использования соответствующих текстов в рамках преподавания практического курса китайского языка, в частности, для работы с текстами по общественно-политической тематике». Таким образом, методология статьи точна, актуальна, современна; по ходу текста серьезных разнотечений не выявлено. Данные, которые подвергаются оценке, открыты: «в качестве своеобразной «точки отсчета» было взято массовое материковое издание «Хуаньцю шибао» (环球时报, тираж 2,1 млн экз.), принадлежащее китайскому государственному медиа-холдингу «Жэньминь жибао» (人民日报, тираж 1,5 млн экз.) и специализирующееся на освещении международной

тематики», «для данного исследования авторами в общей сложности было проанализировано около 100 статей, на основе которых были выделены следующие особенности СМИ КНР, Гонконга, а также изданий, публикующихся на китайском языке для китаеязычного населения Индонезии, Малайзии, Филиппин». Удачно раскрыт и контекст вопроса, география не менее важна для объективности полученных данных: «для проведения контекстного, типологического анализа и сравнения использовались электронные версии следующих китаеязычных СМИ, выходящих за пределами материкового Китая...». Табличный вариант сопоставлений наиболее удачен, он дает возможность когерентно сопоставить «ситуацию и эффект». Автор при этом использует развернутые аналитические справки: например, «анализируя приведенные выше примеры 1-2, мы видим, что в них не только проводится четкая политическая линия, соответствующая позиции официального Пекина (联合国在关键时刻无法保障基本的国际人道主义 Liánhéguó zài guānjiàn shíkè wúfǎ bǎozhàng jīběn de guójì réndǎo zhǔyì «ООН не способна в кризисные моменты обеспечить соблюдение базовых международных гуманитарных принципов»), но развивающая, комментирующая или иллюстрирующая ее при помощи эмоционально-экспрессивных выражений: 浸染着无辜平民的鲜血,是罪恶的 jìn rǎn zhě wúgū píngmín de xiānxiě, shì zuì'è de «совершили злодеяние и обагрили свои руки кровью невинных жертв», 只有招架之功,没有还手之力 zhǐ yǒu zhāojǐ gōng, méiyǒu huánshǒu zhī lì «может лишь защищаться, не имея сил нанести ответный удар», или «Пример 8 демонстрирует интересное сочетание служебных слов, возможное только в книжной речи 以 yǐ «с помощью; посредством» + 使 shǐ «сделать так, чтобы..., пусть..., чтобы...». Такое сочетание придает фразе более яркую стилистическую окраску, чем использование нейтрального предлога 为 [了] wèi[le] «для» и т.д. Тема работы последовательно раскрыта, цель достигнута. Автор приходит к выводу, что «во-первых, для студентов, специализирующихся в области лингвистики и перевода, наибольший интерес представляют тексты, по своему языку отличающиеся от медийных материалов материкового Китая. В основном это относится к публикациям гонконгских и в меньшей степени малайзийских СМИ. Во-вторых, некоторые интернет-порталы китаеязычных СМИ, например, упомянутый выше «Лунъинь Хусяо», помимо собственно текстов размещают в общем доступе соответствующие аудиофайлы, что позволяет использовать их в качестве вспомогательного тренировочного упражнения на занятиях по практическому китайскому языку, практике перевода в паре китайский-русский или самостоятельного упражнения на занятиях по аудированию. Что касается индонезийской и филиппинской прессы, то практическая отдача от ее чтения будет ограничиваться закреплением навыков работы с иероглификой в традиционном варианте написания». Список источников полновесен, общие требования издания учтены. Материал имеет явно практический характер, при этом тема может быть рассмотрена и далее. Рекомендую статью «К вопросу об использовании особенностей дискурса китаеязычных СМИ в обучении китайскому языку» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зеневич Е.В. Поэтика парных текстов в лирике Ю. В. Жадовской // Филология: научные исследования. 2024. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.8.71247 EDN: YLKQWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71247

Поэтика парных текстов в лирике Ю. В. Жадовской

Зеневич Екатерина Васильевна

ORCID: 0009-0000-9118-5722

заведующая редакцией, соискатель (Институт русского языка им. А.С. Пушкина); Институт теоретической и прикладной электродинамики РАН

125412, Россия, г. Москва, ул. Ижорская, 13, стр. 6

✉ pasek1980@mail.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.8.71247

EDN:

YLKQWY

Дата направления статьи в редакцию:

13-07-2024

Аннотация: Одной из характерных черт поэзии Юлии Жадовской (1824–1883) является обилие повторений: каждая тема повторяется несколько раз, сохраняя при этом все её главные отличительные особенности. Выявлена такая особенность творческого метода Жадовской, как двойное тематическое повторение: некоторые стихотворения образуют семантические пары. Например, «Притворство» – «Необходимое притворство», «Ты скоро меня позабудешь...» – «Ты меня позабудешь не скоро...», «Дитя» – «Ребёнку (дума)», «Туча» – «Приближающаяся туча», «Тот, кого любила» – «Голос из могилы», «Бабушкин сад» – «Здесь я, здесь, в благовонном саду...». Цель работы – анализ феномена «парных» текстов как одного из способов формирования индивидуально-авторской картины мира Ю.В. Жадовской. Материалом для исследования послужили опубликованные и неопубликованные стихотворения Ю.В. Жадовской. Для проведения исследования применялись следующие методы: метод историко-филологического анализа (при выявлении исторического контекста в лирических произведениях), сравнительно-сопоставительный метод (при определении структурных, формальных и прочих особенностей стихотворений, входящих в лирический микроцикл), а также метод

комплексного анализа текста. В известных нам исследованиях, посвящённых творчеству Жадовской, феномен существования парных текстов не рассмотрен. Научная новизна исследования заключается в выявлении "парных" текстов и создании типологической классификации лирических пар. Нами было принято объединение текстов в пары на основании следующих признаков: тождество заглавий по синонимическому и антонимическому принципам, вариации общей темы, интертекстуальный диалог. В заключении делается вывод, что парные поэтические тексты Жадовской выражают единую образную систему, дополняя и усиливая её. Микроциклы, состоящие из сюжетных аналогий, тематических повторений и параллелей, представляют особый интерес не только как способ выражения авторского взгляда на мир, но и как способ организации читательского восприятия. А циклизация в лирике Жадовской заслуживает внимания как закономерное явление развития лирической циклизации в литературном процессе второй трети XIX века.

Ключевые слова:

авторская картина мира, поэтика, авторские контексты, интертекстуальность, лирический цикл, парные тексты, тематические повторения, микроцикл, лирический сюжет, женская лирика

Введение

Одной из общих закономерностей лирики первой половины XIX века является интертекстуальность как приём формирования содержания контекста художественных произведений. Своёобразие проявления интертекстуальности в индивидуально-авторской картине мира представляет особый интерес для литературоведов, поскольку любое понимание текста «есть соотнесение данного текста с другими текстами» [\[1, с. 363–364\]](#).

В данном контексте обращает на себя внимание творчество Юлии Валериановны Жадовской (1824 – 1883). Одной из характерных черт поэзии Ю.В. Жадовской является обилие текстовых повторений: каждая тема дублируется несколько раз в разных вариациях, сохраняя при этом все её главные отличительные особенности. Например, преобладающим временем суток в лирике Ю.В. Жадовской является вечер, плавно перетекающий в традиционную для романтиков ночь. Вечер в художественном мире поэтессы – это переходный период, когда можно отвлечься от мирской суеты и «полностью сосредоточиться на чувствах и ощущениях» [\[2, с. 48\]](#). Описание вечернего пейзажа почти всегда строится по одной и той же модели: «прозрачное вечернее небо – зажигающиеся звёзды – наступающая тишина – покой и умиротворение». Такая описательная модель присутствует в стихотворениях «Вечерняя мысль», «Вечер», «Вечерние думы», «Скучный вечер», «Чары вечера», «Вечером», «Вечернее небо», «Вечер и утро».

Ещё одним примером тематических повторений в художественном мире Ю.В. Жадовской может служить лирическая ситуация богообщения и духовного самосовершенствования посредством молитвы. Такое тематическое повторение ярче всего проявляется в стихотворных молитвах, «ключевыми идеями которых являются преодоление греха и жертвенность» [\[3, с. 245\]](#). В жанре стихотворной молитвы Ю.В. Жадовской написано двенадцать поэтических текстов [\[3\]](#).

Нами была обнаружена такая особенность творческого метода Жадовской, как двойное тематическое повторение: некоторые стихотворения образуют семантические пары, в том числе на уровне заглавия.

В известных нам исследованиях, посвящённых творчеству Ю.В. Жадовской, феномен существования парных текстов не рассмотрен.

Цель работы – анализ феномена «парных» текстов как одного из способов формирования индивидуально-авторской картины мира Ю.В. Жадовской.

Феномен парных текстов рассматривается на примере лирических микроциклов «Притворство» – «Необходимое притворство», «Ты скоро меня позабудешь...» – «Ты меня позабудешь не скоро...», «Дума» – «Ребёнку (Дума)», «Туча» – «Приближающаяся туча», «Бабушкин сад» – «Здесь я, здесь, в благовонном саду...», «Тот, кого любила» – «Голос из могилы».

Основная часть

Тематические повторения буквально пронизывают лирику Ю.В. Жадовской. Весь комплекс лирических текстов представляется читателю состоящим из аналогий и параллелей. Такой творческий метод поэтической работы схож с методом работы Ф.И. Тютчева. У Ю.В. Жадовской, как и у Ф.И. Тютчева, «нет ни одного высказывания, быть может, даже ни одного значащего стиха, который не был бы окружен родственной атмосферой других высказываний и стихов, принадлежащих к тому же тематическому гнезду» [\[4, с. 16\]](#). Л.В. Пумпянский называет такой метод «параллелистическим» [\[4\]](#), образующим в совокупности тематическое «гнездо» или цикл.

Поэтесса использует параллелистический метод при составлении второго сборника стихотворений, опубликованного в 1858 году [\[5\]](#). Сборник имеет трёхчастную композицию и является переходной формой от сборника стихотворений к книге стихов [\[6\]](#). Первая часть представляет собой перепечатку избранных стихотворений первого сборника [\[7\]](#). Лирический сюжет этой части – история душевных потрясений лирической героини. Композиция второй части сборника повторяет композицию первой части. Однако в основе лирического сюжета второй части – рефлексия этих же душевных потрясений по прошествии некоторого времени. Третья часть подводит итог жизненного пути лирической героини.

Поэтические тексты первой и второй части второго сборника стихотворений Ю.В. Жадовской представляют собой своеобразный диалог. Здесь можно говорить о феномене «диалогичности» [\[1\]](#) текстов, когда одно художественное произведение можно представить как реплику некоего диалога, «стиль которой определяется взаимоотношением ее с другими репликами этого диалога (в целом беседы)» [\[1, с. 87\]](#). И в этой связи интертекстуальность пары текстов представляет собой некое «межтекстовое пространство, общее для участников диалога» [\[1\]](#).

Этот интертекстуальный диалог закрепляется, прежде всего, на уровне заглавий поэтических текстов, а также на семантическом уровне. Тем не менее, необходимо более подробно уточнить, на каком основании объединяются пары текстов в микроцикл.

Во-первых, основанием для выделения пары является наличие контекстных связей, или интертекстуальность. Контекстные связи – явление, которое может возникать как по воле автора, так и помимо авторской воли. М.Н. Дарвин отмечает, что возможны как

циклы-контексты, организованные автором («авторские»), так и самим автором не выделенные, но существующие в сознании читателя («редакторские», «читательские») [8]. В.Е. Хализев выделяет три вида контекста [9, с. 21-22]: авторский (связан с кругозором самого писателя), неавторский (связан с аналогиями, наблюдаемыми в различных произведениях разных писателей) и контекст восприятия (связан с восприятием читателя). Нас интересует последний – читательский контекст восприятия.

Важно подчеркнуть, что исследуемые нами пары текстов не были созданы Ю.В. Жадовской специально, они возникли как «поэтическое единство» [8, с. 21] только в читательском восприятии.

Во-вторых, мы отталкиваемся от широкого понимания литературного цикла как группы связанных чем-то общим литературных произведений, созданной одним или несколькими авторами. В этом смысле мы будем называть пары малыми неавторскимициклами, или микроциклами [8]. Основной и главной особенностью таких микроциклов можно считать «явление внутренней диалогичности» [1, с. 97], когда лирический сюжет одного поэтического текста «вступает в литературный диалог» с лирическим сюжетом другого поэтического текста.

Тенденция к объединению стихотворений в микроцикл, состоящий из стихотворной пары, возникла в самом начале творческого пути Ю.В. Жадовской. Поэтическим дебютом [10] поэтессы стала публикация двух стихотворений «Лучший перл таится» [7, с. 51] и «Много капель светлых» [7, с. 64] в журнале «Москвитянин» в 1843 году.

Оба стихотворения в какой-то мере можно рассматривать как некую дилогию, составляющую поэтическую декларацию. «Светлое живое вдохновенье» поэтессы считала обязательным условием для истинного творчества. В подлинном искусстве, по её мнению, сливаются чувство и «мысль святая» [7, с. 5], а поэт (творец) является избранником небес. Примечательно, что эта пара текстов является композиционной рамкой первого прижизненного сборника стихотворений [7]: «Лучший перл таится» – это своеобразный пролог, а «Много капель светлых...» – эпилог сборника. Мотив избранничества в первом сборнике стихотворений становится основным мотивом, раскрывающим образ лирической героини.

Впоследствии такой поэтический приём, как объединение текстов в микроцикл, неоднократно был использован Ю.В. Жадовской. Основанием для парного объединения текстов в микроцикл могут быть переклички в заглавии, вариации одной темы, а также развитие лирического сюжета одного стихотворения в последующем («синтаксический цикл» [11]).

Итак, в художественном мире Ю.В. Жадовской объединение текстов в пары происходит на основании следующих признаков: тождество заглавий по синонимическому и антонимическому принципам, вариации общей темы, а также собственно интертекстуальный диалог.

Тождество заглавий микроцикла «Дума» [5, с. 58] – «Ребёнку (Дума)» [5, с. 29] определяется наличием жанрового заголовка (дума). Тема детства как беззаботного существования человека становится важным элементом поэтического мироустройства. В обоих стихотворениях присутствует ангельский образ ребёнка с невинной душой, ещё не познавшего жизнь и не разочаровавшегося в людях. Беспечность и свобода играющего или спящего ребёнка рождает в лирической героине горестные мысли о его будущей

незавидной участи:

Я с грустным на тебя участием взираю,

И угадать, мой друг, Судьбу твою желаю:

Что в мире для тебя Творец определил? [\[5, с. 29\]](#)

Трагическое мироощущение лирической героини проявляется в пророческих предсказаниях душевных мук и терзаний, которые ждут ребёнка при взрослении и столкновении с внешним миром – «светом». В центре стихотворения «Ребёнку (Дума)» – тема любви как «святого наслаждения» [там же]. Именно благодаря этому чувству узнавший страдания и лишения взрослый человек может почувствовать ту беспечность и радость, которая была в детстве.

Финал стихотворения двойственno направлен: с одной стороны, предсказание тяжёлого жизненного пути посвящается спящему ребёнку, с другой стороны, адресовано и самой лирической героине, ищущей собственного душевного успокоения.

В стихотворении «Дума» метафора любовных чувств как «усладительного яда» [\[5, с. 59\]](#) вводит новое понимание темы любви. Здесь любовь неопытного и жаркого сердца сталкивается с равнодушием людей и их жестокостью. Мироустройство взрослой жизни основывается на дихотомии жестокого мира и душевных страданий повзрослевшего ребёнка. В finale стихотворения – философские размышления о судьбе и выборе жизненного пути. Первый путь – путь страдания и одиночества. Второй путь – путь расчёта, богатства и чёрствости.

Тема душевных страданий и предопределённости человеческой судьбы в первой думе получает развитие во второй. В лирическом сюжете первого стихотворения пары подчёркивается предопределённость трагической судьбы человека при его рождении. Во втором стихотворении человеку даётся нравственный выбор: либо жить истинными чувствами и страдать, либо отказаться от «сердечной печали» и быть «пресчастливым» [\[5, с. 60\]](#). Микроцикл объединяется мотивом дисгармонии между взрослеющим сознанием ребёнка и окружающим миром.

Одним из примеров объединения текстов на основании содержащихся в них тематических вариаций, закреплённых в том числе и на уровне заглавия, может служить микроцикл «Притворство» [\[7, с. 11\]](#) – «Необходимое притворство» [\[5, с. 46\]](#). Лирический сюжет [\[12, с. 90\]](#) первого стихотворения развивается и углубляется во втором стихотворении. Лирическая героиня «Притворства» не находит ни в ком сочувствия и участия, скрывает от людей свои помыслы и высокие стремления, чтобы избежать насмешек и непонимания, подстраивается под общий тон бездумного веселья, поддерживает «ничтожный разговор», изображает «вниманье полное», смеётся, «тогда как из очей // Готовы слезы жаркие катиться» («Притворство») [\[7, с. 11\]](#). В лирическом сюжете «Необходимого притворства» появляются новые подробности: здесь лирическая героиня страдает не только от состояния обмана окружающих, но, прежде всего, от обмана самой себя: она вынуждена играть роль, противоречащую собственным нравственным принципам: «Если всё во всём мне изменяет, // Всюду вижу пошлость и обман?...// О, как трудно, грустно и обидно // Мне скрывать всю боль сердечных ран!» [\[5, с. 46\]](#). В первом лирическом тексте намечается основная проблема – противостояние «светского» и «духовного». Во втором тексте эта проблема становится объектом

рефлексии лирической героини.

Данный микроцикл демонстрирует объединение стихотворений на основе тождества темы. Следующий микроцикл построен на основе антиномии в раскрытии темы памяти о возлюбленной. Прямую перекличку со стихотворением «Ты скоро меня позабудешь...» [7, с. 17], представляет собой стихотворение «Ты меня позабудешь не скоро...» [5, с. 79]. В центре первого стихотворения – расставание с возлюбленным как самое тяжелое испытание в жизни героини, страшное потрясение, изменившее всё в ее жизни: «Я – тихо и грустно свершаю // Без радостей, жизненный путь; // И как я люблю и страдаю – // Узнает могила одна!» [7, с. 17]. Во втором тексте лирическая героиня по-новому переосмысливает свою любовь, поднимаясь над болью и разочарованием, рассматривает её как звено в цепочке мироздания: «Нет, сошли мы с тобою недаром // На широком пути бытия...» [5, с. 79]. Своей любовью лирической героине удалось приблизить человеческое бытие к обретению гармонии. Этот микроцикл выражает «разные стороны одной идеи» [13, с. 18], что говорит о сознательном использовании Ю.В. Жадовской данного литературного приёма.

На основании вариаций общей темы можно объединить пары текстов «Приближающаяся туча» [7, с. 6] – «Туча» [5, с. 121]. Образ надвигающейся чёрной тучи как предвестника бури является традиционным для романтиков. Лирическая героиня стихотворения «Приближающаяся туча» наблюдает за приближением стихии. Именно в этот момент она чувствует свободу и душевный подъём. Приближающее несчастье радует героиню:

Вдали гремит, и туча, приближаясь,

Торжественно и медленно несётся...

Как хорошо! Перед величьем бури

Души моей тревога утихает. [7, с. 6]

Такой контраст изображения символизирует высшую степень напряжённости, когда предстоящее стихийное разрушение обнажает всю гамму душевных переживаний противоречивых чувств.

Разрушения и вред, которые нанесла буря, описываются во втором тексте микроцикла. Образ роковой грозы в стихотворении связан с мотивом смерти «Много жертв унесёт она жадно / Многим силы её не уйти» [5, с. 121]. В художественной системе Ю.В. Жадовской мотив смерти тесно переплетается с мотивом возрождения и новой жизни. Именно полное разрушение и смерть являются отправной точкой нового мироощущения, в котором появляется покой и благодать. В finale стихотворения появляется образ «Божьего мира», где пережившему бурю человеку даётся воля в выборе жизненного пути.

В читательском восприятии микроцикла «Приближающаяся туча» [7, с. 6] – «Туча» [5, с. 121] появляется единый лирический сюжет, микротемы которого содержат описание начала бури, разгул стихии и его последствия.

Вообще тема природы является одной из центральных в лирике Ю.В. Жадовской. Выражение различных чувств и эмоций дополняется изображением природных изменений. Во многих стихотворениях, содержащих образы природы, присутствует синтаксический параллелизм.

Например, образ сада как воплощения рая на земле служит иллюстрацией счастливого любовного свидания героев. Лирический сюжет микроцикла «Бабушкин сад» [7, с. 60] – «Здесь я, здесь, в благовонном саду» [5, с. 115] – ожидание предстоящей встречи возлюбленных и воспоминания о таких встречах. В обоих текстах появляется лирический персонаж мужского рода «Как счастлив, как рад / Тогда я бывал» [7, с. 60], «Здесь я, здесь, в благовонном саду, / С нетерпением милую жду» [5, с. 115]. Важно подчеркнуть, что в этой паре текстов присутствует ролевой характер лирического «я». Такая словность помогает передать особое ощущение любви мужчины и женщины, когда каждый из возлюбленных воспринимает себя как единое целое со своим избранником. Сентиментально-романтические шаблоны «роза и соловей», «незабудка и звёзды», «маргаритка и мотылек», «жасмин и светлячок», «лилия и месяц» подчёркивают целостность и гармонию романтической картины мира.

Приведу ещё один интересный пример пары текстов, где изображение персонажей носит ролевой характер, а лирический сюжет первого стихотворения развивается во втором: «Тот, кого любила» [10, с. 114] – «Голос из могилы» [14, с. 68]. Оба произведения представляют собой не только смысловое, но и ритмическое единство (трехстопный хорей, перекрестная система рифмовки).

Стихотворение «Тот, кого любила...» [7, с. 114] опубликовано в полном собрании сочинений. Это монолог девушки, обращенный к умершему возлюбленному, исполненный тоски и страдания. Любимый умер, но она не перестает о нем думать: «Что-то ему снится // В том глубоком сне? // Мысль его стремится, // Может быть, ко мне?...» [7, с. 114]. Её любовь, согласно мировидению Ю.В. Жадовской, единственна и вечна; смерть воспринимается не как окончательное расставание двух любящих сердец, но как сон, оставляющий надежду на соединение влюбленных.

Второе стихотворение – «Голос из могилы» [14, с. 68] – сохранившееся только в архиве, является ответом на первое, на что указывает и сама поэтесса, вводя подзаголовок «Ответ на стихи «Тот, кого любила»» [14, с. 68]. Это монолог умершего возлюбленного, обращенный к оставшейся на земле любимой: «Верь, в твоей душе я // Всё теперь читаю // И, в могиле тлея, // Жизнь переживаю» [14, с. 68]. Данный микроцикл позволяет поэтессе наглядно выразить свое восприятие смерти и любви: со смертью физической истинная любовь не заканчивается, так как душа продолжает жить. Отметим, что подобная форма построения стихотворения от лица умершего, обращающегося к оставшимся на земле, традиционна для русской поэзии XIX века – она используется, например, в стихотворениях В.А. Жуковского «Голос с того света» [15, с. 265], 1815, М.Ю. Лермонтова «Любовь мертвца» [16, с. 180]. В микроцикле используется синтаксический приём контекстуального объединения.

Заключение

Итак, парные поэтические тексты Жадовской выражают единую образную систему, дополняя и усиливая её. Микроциклы, состоящие из сюжетных аналогий, тематических повторений и параллелей, представляют особый интерес не только как способ выражения авторского взгляда на мир, но и как способ организации читательского восприятия. Они являются ключом к пониманию диалектического метода познания мира в лирике поэтессы.

Стремление к циклизации является одной из основных, но малоизученных особенностей

лирики Ю.В. Жадовской. А изучение циклизации на примере конкретной авторской художественной системы заслуживает внимания как закономерное явление развития лирической циклизации в литературном процессе второй трети XIX века.

Библиография

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. – С. 450.
2. Трушина Е.А. Лирика Ю.В. Жадовской (мировидение и поэтика): дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Трушина; Пензенский гос. педагогич. ун-т. им. В.Г. Белинского. Пенза, 2004. – 253 с.
3. Афанасьева Э.М. Молитвенная лирика русских поэтов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. – С. 225-245.
4. Пумпянский Л.В. Поэзия Ф.И. Тютчева // Пумпянский Л.В. Урания. Тютчевский альманах. 1803-1928. Л.: Б.и., 1928. – С. 16.
5. Стихотворения Юлии Жадовской. СПб.: Типогр. Э. Праца, 1858. – 142 с.
6. Мирошникова О. В. Лирическая книга: архитектоника и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX В.). Омск: ОмГУ, 2002. – 140 с.
7. Стихотворения Юлии Жадовской. СПб.: Типогр. Э. Праца, 1846. – 64 с.
8. Дарвин М.Н. Поэтический мир лирического цикла: Автор и текст. М.: РГГУ, 2018. – 288 с.
9. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. – 438 с.
10. Благово В.А. Поэзия и личность Ю.В. Жадовской. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1981. – 158 с.
11. Вроон Р. Еще раз о понятии «лирический цикл» // Искусство поэтики – искусство поэзии. К 70-летию И. В. Фоменко: Сб. науч. тр. Тверь: Лилия Принт, 2007. – С. 5-38.
12. Сапогов В.А. Сюжет в лирическом цикле // Сюжетосложение в русской литературе. Даугавпилс: Б.и., 1980. – С. 90.
13. Фоменко И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 123 с.
14. Жадовская Ю.В. Стихотворения. РГАЛИ. ф. 638. оп. 1. е.х. 1. л. 1-90.
15. Жуковский В. А. Голос с того света: («Не узнавай, куда я путь склонила...») // Жуковский В. А. Собрание сочинений: В 4 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 1. – С. 265.
16. Лермонтов М. Ю. Любовь мертвца ("Пускай холодною землею...") // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. – С. 180-181.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цель рецензируемой работы сводится к анализу феномена «парных» текстов как одного из способов формирования индивидуально-авторской картины мира Ю.В. Жадовской. На мой взгляд, данный выбор достаточно конструктивен, так как автор обозначает достаточно конкретно контекст связей лирики Юлии Жадовской, при этом тщечно обращая внимание на ее стихи. Работа имеет методологически верный строй, но, думаю, сам текстовый блок можно расширить для полновесности исследования. Автору удается создать эффект диалога с читателем, что весьма удачно для перспективы изучения или автора, или проблемы: «нашей первостепенной задачей было понять, какой термин использовать при описании такого приёма, как образование текстов в пары? Что это:

серия, цикл, микроцикл, циклическое образование, текстовый ансамбль?». Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом. Например, «нами была обнаружена такая особенность творческого метода Жадовской, как двойное тематическое повторение: некоторые стихотворения образуют семантические пары, в том числе даже на уровне заглавия. Например, «Притворство» – «Необходимое притворство», «Ты скоро меня позабудешь...» – «Ты меня позабудешь не скоро...», «Дума» – «Вечерние думы», «Дитя» – «Ребёнку (дума)», «Туча» – «Приближающаяся туча», «Вопрос о счастии» – «Полуразгаданный вопрос», «Цветок» – «История цветов», «Бабушкин сад» – «Здесь я, здесь, в благовонном саду...», «Тот, кого любила» – «Голос из могилы». В известных нам исследованиях, посвящённых творчеству Жадовской, феномен существования парных текстов не рассмотрен», или «в художественном мире Ю.В. Жадовской объединение текстов в пары происходит на основании следующих признаков: тождество заглавий по синонимическому и антонимическому принципам, вариации общей темы, а также интертекстуальный диалог. Тождество заглавий микроцикла «Дума» [10, с. 58] – «Вечерние думы» [10, с. 53] определяется наличием жанрового заголовка (дума), а микроцикл «Дитя» [8, с. 41] – «Ребёнку» [10, с. 29] выделяется на основании синонимических заглавий (обращением к адресату). Одним из примеров объединения текстов на основании содержащихся в них тематических вариаций, закреплённых на уровне заглавия, может служить микроцикл «Притворство» [8, с. 11] – «Необходимое притворство» и т.д. Как видно ссылки цитации даются в режиме стандарта, правка излишня. Как таковая тема работы раскрыта, намеченная цель – достигнута. Материал имеет практический характер, его уместно использовать в вузовской практике. Выводы по тексту сделаны в соответствии с основной частью: «парные поэтические тексты Жадовской выражают единую образную систему, дополняя и усиливая её. Микроциклы, состоящие из сюжетных аналогий, тематических повторений и параллелей, представляют особый интерес не только как способ выражения авторского взгляда на мир, но и как способ организации читательского восприятия. Они являются ключом к пониманию диалектического метода познания мира в лирике поэтессы». Но, на мой взгляд, работу необходимо утяжелить, причем это может быть и теория, и практика. Также необходимо устраниТЬ небольшие неточности: например, «Благово В.А. Поэзия и личность Ю.В. Жадовской. Саратов: Издательство саратовского университета, 1981. – 158 с.» [университет все же пишется с Заглавной буквы] и т.д. Таким образом, небольшая правка текста будет уместна. После внесения корректив статья «Поэтика парных текстов в лирике Ю. В. Жадовской» может быть рекомендована к печати в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Поэтика парных текстов в лирике Ю. В. Жадовской», предлагаемой к публикации в журнале «Филология: научные исследования», анализу подвергается творчество русской поэтессы Ю.В. Жадовской с точки зрения изучения особенностей сложения индивидуально-авторской картины мира и места «парных» текстов при ее формировании. Тема статьи актуальна, в литературоведении, несмотря на наличие ряда работ по лирике Ю.Жадовской, материал в данном ракурсе охарактеризован не был, хотя теоретические указания на наличие подобных текстов имелись уже в критических заметках ее современников, в частности, в «Письмах...» И. Аксакова, который писал, что талант Жадовской «небольшой, односторонний: по

крайней мере, несмотря на все ее усилия, она не может выбиться из старой своей колеи». Именно о способах «езды» по «старой своей колее» и рассуждает автор представленной на рецензирование статьи.

Поэтические тексты, отобранные для анализа, объединяются в микроциклы как по своим заглавиям («Притворство» – «Необходимое притворство», «Ты скоро меня позабудешь...» – «Ты меня позабудешь не скоро...», «Дума» – «Ребёнку (Дума)», «Туча» – «Приближающаяся туча» и др.), так и тематически: «каждая тема дублируется несколько раз в разных вариациях, сохраняя при этом все её главные отличительные особенности». Автор определяет признаки, которые лежат в основе объединения текстов в пары: тождество заглавий по синонимическому и антонимическому принципам, вариации общей темы, а также собственно интертекстуальный диалог. Каждый признак достаточно убедительно рассмотрен и охарактеризован на примере парных стихотворений. «Явление внутренней диалогичности» автор называет характерной чертой и главной особенностью произведений Ю.Жадовской. Как отмечается, микроциклы «представляют особый интерес не только как способ выражения авторского взгляда на мир, но и как способ организации читательского восприятия», являясь «ключом к пониманию диалектического метода познания мира в лирике поэтессы». Исследование проявления интертекстуальности в индивидуально-авторской картине мира помогает составить представление о тех рефлексирующих «душевных потрясениях», которые стали толчком для создания лирических раздумий и возникли как «поэтическое единство».

Стиль изложения отвечает научному; статья структурирована, имеются введение, основная часть и заключение; содержание статьи полностью соответствует раскрытию заявленной темы. При обосновании своих взглядов автор прибегает к необходимой научной литературе, привлекаемой в небольшом, но достаточном количестве.

Считаем, что исследование безусловно вызовет читательский интерес как образец изучения одного из аспектов становления индивидуально-авторской картины мира поэта-лирика. Рекомендуем статью «Поэтика парных текстов в лирике Ю.В. Жадовской» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

The History of the formation of Iranian poetic avant-garde in the 20th century

Radandish Parvane

PhD in Philology

Senior Lecturer; Faculty of Foreign Languages and Literature; University of Tehran

Kargar Shomali str., Faculty of Foreign Languages and Literature of the University of Tehran, room 229, Tehran,
1439813164, Iran

✉ radandish33@gmail.com

Abstract. The article presents the origins of avant-gardism in modern Persian poetry and the stages of its development in the XX century. In order to identify the social and political prerequisites for the modernization of literature, the period of the Constitutional Revolution in 1905–1911 is considered. Attempts to renew the Persian verse and create its theory were first studied by such literary figures as T. Rafat, A. Lahuti, N. Yushij, H. Irani, Tondar-Kiya, A. Ahmadi and others. The classification of Iranian poetic movements (conservative poetry, nimaist poetry and radical poetry) is considered. An overview of the work of the main representatives of Iranian literary avant-gardism is presented on the basis of an analysis of the relationship of their poetry with avant-garde and modernist literary trends such as Dadaism and Surrealism. The periodization of avant-gardism is described, the prerequisites for its emergence are analyzed, as well as the historical conditions of its formation and features of its development within the socio-cultural context. There are broken meters and unequal stanzas in their poems, but the individual efforts of each of them could not rise to a normative level. These authors, unlike Nima, did not leave behind a single theoretical work on new poetics, where an exhaustive description and justification of the need for new literary forms would be given. As a result, the work of Nima Yushij became the culmination of their creative quest.

The purpose of the article is to acquaint the Russian-speaking reader with the phenomenon of the Iranian poetic avant-garde on the examples of "new poetry", poetry of the "new wave" and "poetry of volume", as the most influential avant-garde currents of modern Persian poetry. Particular attention is paid to the creative activities of the founders of the avant-garde.

Keywords: new Persian poetry, innovators, poetry of volume, renewal of Persian verse, nimaistic poetry, radical poetry, "new Poetry", poetry of the new Wave, Poetic avant-gardism, modern Persian poetry

References (transliterated)

1. Arian-Pur Ya. Ot Saba do Nima (150-letiya istoriya persidskoi literatury). Tegeran: Amir-Kabir, 1990. S. 471.
2. Aflaki M. Muzyka v persidskoi poezii Sepid (Belyi stikh). Tegeran: Nashr-Digar, 2016. S. 70-71.
3. Gvardiya E.E. Stil' poezii Nima Yushidzha // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya, sotsial'nye kommunikatsii. Tom 26(65). № 1. Ch. 1. 2013. S. 480-487.
4. Dastgeib A. Protivopolozhennye napravleniya sovremennoi literatury. Tegeran.: Khon'ya, 1992. S. 175.

5. Zarrin-Kub, A. Vzglyad na novyyu persidskuyu poeziyu. Tegeran: Tus, 1980. S. 47.
6. Karimi-Khakkak A. Pererabotka persidskoi poezii: stsenarii poeticheskoi sovremennosti v Irane. Tegeran: Morvarid, 2012. S. 193.
7. Klyashtorina V.B. Shagi tikhoy vody: dve volny vesternizatsii v persidskoi poezii KhKh veka // Novoe literaturnoe obozrenie. № 62. 2003. S. 373-387.
8. Klyashtorina V. B. Iran 60-80-kh godov. Ot kul'turnykh plyuralizma k islamizatsii dukhovnykh tsennostei. M., 1990. S. 114.
9. Kyazimov M. D. Persidskaya poeziya kontsa XX veka.; Nats. akad. nauk Azerbaidzhana, In-t vostokovedeniya im. Z.M. Buniyatova. Baku: Nafta-press, 2005. S. 5.
10. Langrudi Sh. Analiticheskii analiz istorii novoi poezii Irana. Tegeran: Nashr-Markaz, 1991. S. 65.
11. Mamedzade Dzh. N. K voprosu o formirovaniii Novogo stikha v iranskoi poezii // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2016. № 2 (15). T. 5. S. 46-49.
12. Moshtag-Mekhr R., Bagi-Nedzhad A. Iranskaya konstitutsiya i literaturnaya kritika// Vostokovedeniya. 2012. № 2. S. 51-67.
13. Nuri-Ala E. Obrazy i instrumenty sovremennoi poezii Irana. Tegeran: Bamdad, 1969. S. 39.
14. Pulaki P., Beigi M. Stanovlenie avangardizma v persidskoi poezii XX veka: syurrealizm Khushanga Irani // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2019. № 5. S. 36-47. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.5.30861 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_30861.html
15. Ruyayi Ya. O chem eto? (Problemy poezii 2). Tegeran: Negakh, 2007. S. 38.
16. Ruyayi. Ya. S krasnoi platformy (problemy poezii). Tegeran: Negakh, 1977. S. 329.
17. Servat M. Nima i literaturnaya teoriya. Tegeran: Nashr-e-elmi. 2016. S. 11.
18. Tavusi-Arani. T. Irnaskii avangardizm (Vtorostepennyye poeticheskie techeniya novoi poezii). Tegeran: Nazh, 2005. S. 10.
19. Takhabaz S. O poezii i o poete: Nima Yushidzh. Tegeran: Negakh. 2016. C. 190.
20. Khogugi M. Novaya poeziya ot nachala do segodnyashnego dnya. Tegeran: Nashr-Sales. 1972. S. 118.
21. Khosravi Sh. Vvedenie v sovremennyyu persidskuyu poeziyu. Tegeran: Fatemi. 2016. C. 42-43.
22. Chaikin K. Kratkii ocherk noveishei persidskoi literatury. – M., Izdanie kommunisticheskogo universiteta trud knigosoyuza vostoka im. I.V. Stalina, 1928. C. 54.
23. Esmaili R. Nima v okruzenii protivnikov // Informatsionnoe agenstvo pod nazvaniem «ketabnews». 2019. Poslednyaya data obrashcheniya: 4/3/2024, adres saita: <https://ketabnews.com/fa/news/8261/%D9%86%DB%8C%D9%85%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D9%85%D8%AD%D8%A7%D8%B5%D8%B1%D9%87%D9%85%D8%AE%D8%A7%D9%84%D9%81%D8%A7%D9%86%D8%B1%D8%B6%D8%A7%D8%A7%D8%B3%D9%85%D8%A7%D8%B9%DB%8C%D9%84%DB%8C>
24. Yushidzh N. Razgovory soseda. Tegeran.: Doniya, 1985. S. 91.

Methods of explication of objective space in P. P. Bazhov's tales

Wang Pengfei

Postgraduate student; Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of UrFU; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

51 Lenin Street, office 312, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620075, Russia

✉ 523876190@qq.com

Abstract. The subject of the research in the article is the category of objective space in the tales of P. P. Bazhov and the ways of its explication in a literary text. The object of the research is the tales of P. P. Bazhov, combined in the collection "The Malachite Casket" (1939). The author examines such aspects as space in a literary text and its categories, the essence of objective space, and ways of explicating spatial categories in modern literature. Special attention is paid to vocabulary with spatial meaning – toponyms, hydronyms, adverbs of place, etc., without which the explication of the category of objective space is impossible. The objective space in P. P. Bazhov's tales is considered as the space of the Ural Mountains, as the space of a mine and a factory, as well as as the space of a peasant hut. The ways of explication of objective space in Bazhov's tales are determined using the categorical-textual method developed by the Ural scientific School of Linguoculturology and Stylistics. The novelty of the research lies in identifying, classifying and characterizing the main ways of explicating the category of objective space using the example of P. P. Bazhov's fairy tales from the collection "Malachite Box". There are no studies devoted to objective space in the tales of P. P. Bazhov, therefore, the study eliminates the existing gap. In the course of the study, we came to the conclusion that to explicate objective space, the Ural writer uses words with spatial meaning, which we divided into the following groups: toponyms, including hydronyms; prepositions with spatial meaning together with verbs of movement; adverbs of place. To a lesser extent, in Bazhov's tales, the explication of objective space occurs through words without spatial meaning – adjectives, personal names and uralisms, which are used in conjunction with prepositions and verbs.

Keywords: a fairy tale, Pavel Petrovich Bazhov, objective space, space category, text categories, categorical-text method, text, folklore, The Urals, Malachite casket

References (transliterated)

1. Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy. M.: Nauka, 1976.
2. Gretskaya S. S. O Kognitivnykh modelyakh virtual'nogo i real'nogo khudozhestvennogo prostranstva mul'tikul'turnogo teksta // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2023. № 1. S. 96–106.
3. Zherdev D. V., Fedotova E. A. 3.1. P. P. Bazhov «Malakhitovaya shkatulka»: tekstologicheskie osobennosti akademicheskogo izdaniya // P. P. Bazhov v menyayushchemsyia mire. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. S. 184–203.
4. Ivanova E. E. Toponimicheskie predaniya rodiny P. P. Bazhova // Traditsionnaya kul'tura. 2021. T. 22. № 4. S. 40–51.
5. Itskovich T. V. Kategorii vremeni i prostranstva v religioznom stile // V mire nauchnykh otkrytii. Krasnoyarsk: NITs, 2011. № 4.1(16). S. 699–706.
6. Itskovich T. V. Sovremennaya pravoslavnaya propoved': kategorial'no-tekstovoi aspekt // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2021. № 4. S. 1–8. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.4.35269 URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_35269.html

7. Lipovetskii M. N. Zloveshchee v skazakh Bazhova // Quaestio Rossica. 2014. № 2. S. 212–230.
8. Lotman Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta. M.: Iskusstvo, 1970.
9. Matveeva T. V. Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii. Sverdlovsk : Izd-vo Ural'skogo universiteta, 1990.
10. Roiko O. V. Formula lichnostnogo toponimicheskogo prostranstva v romane D. Danilova «Sasha, privet!» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. № 2. S. 482–487.
11. Sokovikov S. S. Literaturnyi landshaft: obrazy bazhovskikh skazov pod otkrytym nebom // Prirodnoe i kul'turnoe nasledie Urala: Materialy IX vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury. Chelyabinsk, 8 iyunya 2018 goda. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2018. S. 141–147.
12. Stepanova L. Yu. Toponimy v skazakh P. Bazhova // Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v podgotovke spetsialistov dlya mineral'no-syr'evogo kompleksa: Sbornik nauchnykh trudov IV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. SPb., 2021. S. 551–555.
13. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst // Tekst: semantika i struktura. M., 1983. S. 227–284.
14. Chernukhina I. Ya. Elementy organizatsii khudozhestvennogo prozaicheskogo teksta. Voronezh: Izd-vo Voronezh. Un-ta, 1984.
15. Shavkunov N. A. Analiz perevoda tekstov, soderzhashchikh uralizmy (na materiale skazov P. P. Bazhova) / N. A. Shavkunov // Student i nauka (gumanitarnyi tsikl) – 2021 : materialy mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Magnitogorsk, 16–19 marta 2021 goda. Magnitogorsk: Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. G. I. Nosova, 2021. S. 952–958.
16. Yan Yu. Magiya kamnya i vlast' metalla v skazakh P. P. Bazhova: dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2022.
17. Yanina V. V. Kharakteristika absolyutnykh i otnositel'nykh prostranstvennykh markerov v khudozhestvennom tekste // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2007. № 6. S. 143–146.
18. Bushell S., Butter J., Hay D. Hutcheon R., Butterworth A. Chronotopic Cartography: Mapping Literary Time-Space // Journal of Victorian Culture. 2021. Vol. 26. № 2. P. 310–325.
19. Pangereyev, A. S., Kabylov, A. D., Aldashev, N. M., Umatova, Z. M., Suleimenova, Z. Y., Shuriyeva, A. Y. Epic Toponyms as Carriers of a Linguocultural Code // Eurasian Journal of Applied Linguistics. 2023. № 9(1). P. 13–23.
20. Spyridonidis I. G. Translations of geography: Representations of space and culture in literary text analysis // The Review of International Affairs. 2021. Vol. 72. № 1182. P. 67–81.
21. Stepanova L. I., Shchukina D. A. Reflection of Social and Cultural Features in the Names of Stones and Minerals in Bazhov's Tales // E3S Web of Conferences. Vol. 266. P. 1–22.

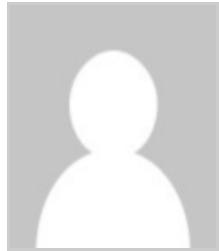
Decoding reality and modeling an alternative factual field in media discourse

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Russian as a Foreign Language, IMOP; Moscow State Linguistic University

38 Ostoženka str., Moscow, 119034, Russia

✉ oystarodubova@mail.ru

Abstract. The object of the research is the mechanisms of decoding real reality, on the one hand, as well as the features of modeling alternative eventfulness of an interpretative nature, on the other hand, within the framework of media discourse. The subject of the study is the ways of constructing a new reality as a system of concepts, the means of their objectification at the pragmatic and linguistic levels within the political segment of media discourse, using the example of briefing materials by the official representative of the Russian Foreign Ministry, M.V. Zakharova. At the same time, special attention is paid at the level of pragmatics to identifying tactics and strategies, nominations of subjects participating in communication, and at the linguistic level proper – precedent phenomena, discursive words, the nature of syntagmatics, features of stylistic labeling of individual nominations and other resources that contribute to modeling not so much a new factual field as its conceptual model. In the study of the political segment of media discourse based on the material of a polycode text, the author relies on the principles of anthropological linguodidactics, including a communicative-activity approach, cognitive-discursive methods are also used to identify the features of modeling the worldview. The main conclusions of the conducted research are the establishment of the fact of perlocution, actionality of media discourse, its undeniable influence on modeling the global picture of the world and broadcasting the Russian model of globalization, as well as its influence on the recipient's consciousness. In addition, it should be noted the linguistic and didactic potential of the political segment of media discourse, especially when studying the Russian language by foreigners. The novelty and special contribution of the author to the study of the specifics of the interpretation of the event field within the framework of the political segment of media discourse is the identification of an additional component in the conceptual opposition of one's own and someone else's – another, which is positioned as a segment of acceptance of otherness, which plays a key role in creating the Russian model of globalization based on the principles of universal parity. Against this background, political discourse becomes a source of valuable information not only of an eventful, but also of a conceptual nature for both speakers of linguistic consciousness and foreign speakers.

Keywords: precedent, strategies of speech, tactics of speech, other, someone else's, own, picture of the world, political discourse, media discourse, discursive words

References (transliterated)

1. Baranov A.N., Mikhailova O.V., Satarov G.A. Politicheskii diskurs: metody analiza tematicheskoi struktury i metaforiki. – M., 2004. 94 s.
2. Gosteva Zh.E. Kartina politicheskogo mira i diskurs politicheskoi kommunikatsii. // Izvestiya VGPU. – 2012, № 2. S. 40-42.
3. Zakharova M.V. Brifing ofitsial'nogo predstavitelya MID Rossii, M. 2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1919516/#0.
4. Kubryakova E.S. V poiskakh sushchnosti yazyka: vmesto vvedeniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke M.: In-t yazykoznaniya RAN; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009. S. 11-

24.

5. Mukhammad L.P. Osnovy antropologicheskoi lingvodidaktiki: istoki, sostoyanie, perspektivy//. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2021 – № 2. № 2. S. 87-92.
6. Starodubova O.Yu. Aspekyt interpretatsii teksta. Izdatel'stvo Prospekt. – M., 2023. – 48 s.
7. Starodubova O.Yu. Lingvokul'turnaya situatsiya skvoz' prizmu pretsedentnogo fenomena kak otrazhenie intertekstual'nosti v epokhu globalizatsii. // Vestnik MGOU, seriya Lingvistika, 2019, № 5. S. 101-112.
8. Strizhenko A.A. K voprosu semanticeskoi organizatsii politicheskogo teksta // Yazyk i kommunikatsiya. Sb. nauch. tr. Vyp. 124. – M.: MGPIIYa, 1978. C. 161-168.
9. Chikileva L.S. Ritoricheskii diskurs: kognitivno-pragmaticheskii i strukturnostilisticheskii aspekyt. – M.: Flinta: Nauka, 2005. – 316 s.
10. Shapochkin, D. V. Politicheskii diskurs: kognitivnyi aspekt : monografiya. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii, Tyumenskii gosudarstvennyi universitet, Institut sotsial'no-gumanitarnykh nauk. – 2-e izd., pererab. i dop. – Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. – 292 s.

Comparative analysis of parataxis in conditionals and unconditionals as exemplified in Chinese and Russian

Dudanov Timofey Vasil'evich

Postgraduate student; Department of Oriental Languages; Russian State University for the Humanities

125047, Russia, Moscow, Musskaya, 6

✉ tdudanov@mail.ru

Abstract. Conditional and unconditional constructions of the Chinese language have been studied by a relatively small number of Russian linguists. Usually, both types of structures are considered in the context of conjunctions, but asyndeton in conditional sentences may also be of great interest, which was the subject of the author's research while writing an article. The goal was to find different variants of expressing conditional and unconditional meanings from the point of view of parataxis (without conjunctions or connective words), as well as to compare these variants with the ways of expressing meanings in Russian. The material in Russian is provided only for the opportunity to compare different ways of expressing the condition in their native language and a foreign language by people who are not engaged in the study and research of the Chinese language. The selection of the material was carried out on the basis of the works by prominent Chinese and Russian linguists, as well as dictionaries and articles by Russian and foreign researchers. All the meanings given below are confirmed by examples from Chinese and Russian literature. Chinese examples are provided with transcription, subscript and overall translation of the sentence. According to the results of the study, a variety of conditionals and unconditionals without conjunctions was revealed. Asyndeton in Chinese is the object of scientific novelty in the research process. There were only cases where it was possible to choose a similar version of expressing conditionals and unconditionals in both Chinese and Russian. The material can be useful not only for sinologists and specialists in general linguistics, but also for people studying Chinese or Russian languages to expand their vocabulary and study various ways of expressing conditionality and unconditionality.

Keywords: assumption, hypothetical, unconditional, conditional constructions, conditional, the Russian language, the Chinese language, concession, parataxis, comparison

References (transliterated)

1. Tipologiya uslovnykh konstruktsii / pod. red. V.S. Khrakovskogo. SPb.: Ros. akad. Nauk; In-t lingvisticheskikh issledovanii; Nauka, 1998. 583 c.
2. Wang Li. Zhongguo yufa lilun. Beijing: Zhonghua shuju, 2015. 465 p.
3. Uryson E.V. Opyt opisaniya semantiki soyuzov. Lingvisticheskie dannye o deyatel'nosti soznaniya. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 336 s.
4. Lü Shuxiang. Zhongguo wenfa yaolüe. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1945. 214 p.
5. Xinbian xiandai hanyu / Ed. by Zhang Bin. Shanghai: Fudan daxue chubanshe, 2002. 587 p.
6. Li Jinxi. Xinzhu guoyu wenfa. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1947. 396 p.
7. Xiandai hanyu babai ci / Ed. by Lü Shuxiang. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1999. 760 p.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. M.: Ros. akad. nauk; In-t russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova; OOO «A TEMP», 2006. 944 s.
9. Sovremennyj russkij jazyk / pod red. E.M. Galkinoi-Fedoruk. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1957. 515 s.
10. Van Lan'. Sredstva vyrazheniya uslovnykh otnoshenii v sovremennom russkom jazyke: funktsional'no-semanticeskii podkhod / dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2024. 210 s. URL: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=5938> (data obrashcheniya: 26.08.2024).
11. Hanyu fuju yanjiu / Ed. by Xing Fuyi. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2001. 696 p.
12. Wang Li. Wangli quanji. Beijing: Zhonghua shuju, 2014. 464 p.
13. Wu Song. Shilun wutiaojian rangzhanju // Jianghan daxue xuebao (renwen kexue ban). 2011. No 30(01). Pp. 85–90.
14. Pekelis O.E. Uslovnye pridatochnye // Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. 2017. URL: http://rusgram.ru/Uslovnye_pridatochnye (data obrashcheniya: 26.08.2024).
15. Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei. Shiyong xiandai hanyu yufa. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2004. 1005 p.
16. Jing-Schmidt Z. What are they good for? A constructionist account of counterfactuals in ordinary Chinese // Journal of Pragmatics. 2017. No 113. Pp. 30–52.
17. Gorelov V.I. Grammatika kitaiskogo jazyka. M.: Prosveshchenie, 1982. 280 s.
18. Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ / otv. red. V.B. Kasevich. M.: Editorial URSS, 2001. 272 s.
19. Lai-Shen Cheng, L., Giannakidou, A. The Non-uniformity of Wh-indeterminates with Polarity and Free Choice in Chinese // Strategies of Quantification. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 123–152.
20. Hu Yushu. Xiandai hanyu. Shanghai: Shanghai jiaoyu chubanshe, 1981. 568 p.
21. Lai-Shen Cheng, L., James Huang, C.-T. Two types of donkey sentences // Natural Language Semantics. 1996. No. 4(2). Pp. 121–163.
22. Haspelmath, M., König, E. Concessive conditionals in the languages of Europe //

- Adverbial Constructions in the languages of Europe. Berlin: De Gruyter, 1998. No. 3.
Pp. 563–640.
23. Huang Borong, Liao Xudong. Xiandai hanyu (xiace). Beijing: Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2002. 334 p.
 24. Nerusheva T.V. FSP usloviya i raznorodnye sredstva ego vyrazheniya v russkom i angliiskom yazykakh // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 5-2 (64). S. 102–109.

Intermedial "trace" of antiquity in the modern streaming services interface (Aurora Aksnes case)

Platitsyn Aleksandr Vladimirovich □

Master's degree; Department of Journalism, Media Communications and Advertising; Griboyedov Moscow University

66A Zeleny Prospekt str., office 311, Moscow, 111396, Russia

✉ alexanderplatitsyn@gmail.com

Abstract. The article is devoted to a Canvas-video by Norwegian singer Aurora Aksnes (AURORA) on Spotify. The object of this article is the representation of ancient aesthetics in the streaming services interface and an artist's work. The author considers in detail such aspects of the topic as the genesis of intermediality, its connection with ekphrasis in ancient rhetoric, as well as the unconscious nature of borrowing (reconstructing) visual images in new media. The author points out the correlative nature of some artistic means, marking both modern forms of ekphrasis and more conventional examples of its as well. The author analyses the kylix which attributed to the vase painter Apollodoros as a particular example of ancient Greek painting, subconsciously reproduced in the process of imitating ancient aesthetics in a music video. The main conclusions of the article are the presence of a reminiscence of red-figure vase painting in the design of AURORA's Canvas-video, the metamodern nature of the intermediate message and its potential for generating social communities. A special author's contribution to the research of the topic is the original description of the four levels of message interaction with its intuitive source. The author's literary translations of some of the performer's texts, especially important in the framework of this work, are also given. The scientific novelty of the study lies in the consideration and analysis of hitherto unexplored aspects of public positioning on streaming platforms. A new element in the scientific paradigm is the idea of correlating the influencers' media strategy with the phenomenon of the formation of small social groups (subcultures) on the aesthetic associations basis. At the end of the article, the author lists a number of promising directions for further scientific research: theory and practice of ekphrasis, intermediality and the media strategy method.

Keywords: Spotify, AURORA, ekphrasis, Canvas-video, media strategy, new media, intermediality, dark academia, aesthesis, subculture

References (transliterated)

1. Il'in I. P. Estezis // Postmodernizm. Slovar' terminov. M.: INION RAN: INTRADA, 2001. S. 368.
2. Beme G. «Atmosfera» kak fundamental'noe ponyatie novoi estetiki // Zhurnal Metamodern / Per. s angl. Stasa Onasenko. 2018. URL: <https://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics>

3. Canvas: show fans something new // Spotify. 2024. URL:
<https://artists.spotify.com/en/canvas>
4. Dzhumailo O. A. Ponyatie intermedial'nosti i ego evolyutsiya v sovremennom nauchnom znanii // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2018. № 4. S. 58-62.
5. Kits D. Stikhovoreniya i poemy: Per. s angl. / Sost., vstup. stat'ya, komment. I. Shaitanova. Khudozh. I. Shipulin. M.: Khudozh. lit., 1989. 319 s.
6. Koroleva E. A. Literaturno-khudozhestvennye istochniki formirovaniya ekfrasisa v prerafaelizme // Vestnik KGU. 2008. № 2. S. 214-218.
7. Artemis lyrics: AURORA // Genius. 2022. URL: <https://genius.com/Aurora-artemis-lyrics>
8. Vase 352439, ATHENIAN, Tarquinia, Museo Nazionale Tarquiniese // Classical Art Research Centre. University of Oxford. 2024. URL:
<https://www.beazley.ox.ac.uk/record/AEEB6EDD-D551-4683-879E-1392B4E3B9FE>
9. Descoedres J.-P. 'ΗΔΙΣΤΟΣ ΔΑΙΜΩΝ // Antichthon. 1981. Vol. 15. pp. 8-14. DOI: 10.1017/S0066477400004512
10. Giving In to the Love lyrics: AURORA // Genius. 2021. URL: <https://genius.com/Aurora-giving-in-to-the-love-lyrics>
11. Podlednov D. D., Kazantseva E. D. Tendentsii metamodernizma v zhivotopisi Adama Millera // Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. 2024. № 2 (58). S. 55-71.
12. Bezruchko O. S. Reministsentsiya i yazyk postmodernizma // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2011. № 127. S. 195-199.
13. AURORA: We are ruining so much of what is special about us // Dork. 2024. URL: <https://readdork.com/features/aurora-dork-play-cover-may-24/>
14. dark academia but make it pop // Spotify. 2024. URL: <https://open.spotify.com/playlist/3rrIuEmvcxzC92IDptpe9M>
15. Dark Academia playlist // Amazon Music. 2024. URL: <https://music.amazon.com/user-playlists/c4d0c2f76f654163818c1d2195f081cdsune>

The Napoleonic theme in the story by A. Zegers "Slavery returned to Guadeloupe" in the context of the traditions of F.M. Dostoevsky

Melnikova Lyubov Alexandrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Philological Disciplines; Balashov Institute (branch) of Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

29 Karl Marx Street, Balashov, Saratov region, 412300, Russia

✉ lmelnikova5@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the specifics of the disclosure of the Napoleonic theme in the story by A. Zegers "Slavery returned to Guadeloupe" in the context of the development of the traditions of F.M. Dostoevsky. This work belongs to the so-called "Negro" novels by Anna Zegers. The development of the events described in the work is based on antagonism and the problem of mutual rejection of blacks and whites. The problem of the oppressed position of Blacks in the story is closely related to the image of Napoleon. In her literary and critical articles, A. Zegers repeatedly denounced the Napoleonic concept of power. The writer reflected on it as part of the analysis of the creative heritage of F.M. Dostoevsky and L.N.

Tolstoy. In this article, the disclosure of the Napoleonic theme in the story by A. Zegers is considered in the context of the traditions of F.M. Dostoevsky. The author uses the following methods of researching a work of art: the method of structural analysis, the method of holistic analysis, the method of comparative analysis. As a result of the conducted research, it was found that the image of Napoleon in this work is recreated through the use of inappropriate direct speech, expressive details, direct and indirect characteristics given to him by other characters. Following the traditions of F.M. Dostoevsky in this work was manifested in the fact that, firstly, A. Zegers recreates the images of the heroes-ideologists Beauvais and Beranger, for whom service to public duty, reflections on the fate of mankind (on the example of the population of Guadeloupe) dominate personal interests. Secondly, like the Russian classic, the writer condemns the cruel and unjustified pursuit of power and greatness based on the humiliation and destruction of the weak and defenseless. But unlike Dostoevsky's novel "Crime and Punishment", in which Raskolnikov admires Napoleon as a historical figure, the German writer focuses on describing the perception of Bonaparte by his contemporaries. As a result, the cult of Napoleon's personality is absent in the main part of the story, and in the finale of the work it is debunked by using the antithesis with the images of Beauvais and Beranger. This is the peculiarity of the artistic approach of the German writer in terms of the Napoleonic theme in the story "Slavery returned to Guadeloupe"

Keywords: colonization, independence, slavery, novel, opposition, Dostoevsky, Napoleon, Zegers, the Negro, Guadeloupe

References (transliterated)

1. Agashina E. N. Raskol'nikov i «Napoleonovy» (k teme raskola v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie») // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2011. № 4(16). S. 98-101.
2. Gorbanev N.A. Napoleonovskii motiv v romane Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2009. Vyp. 3. S. 27-34.
3. Zhilyakova E.M. F.M. Dostoevskii i Val'ter Skott (k voprosu o napoleonovskom mife) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. № 2(18). S. 44-56.
4. Zegers A. Na Gvadelupu vernulos' rabstvo // Chelovek i ego imya: povesti i rasskazy. M., 1965. S. 163-215.
5. Ishimbaeva G. G. Retseptsiya russkoi literatury v tvorchestve Anny Zegers // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2021. T. 26. № 1. S. 241-249.
6. Kozhinov V. V. «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo // Tri shchedra russkoi klassiki. M., 1971. S. 107-186.
7. Leman Yu. Mezhdu partiinost'yu i kriticheskoi distantsiei: pozdnii period tvorchestva Anny Zegers // Russkaya literatura v Germanii. Vospriyatiye russkoi literatury v khudozhestvennom tvorchestve i literaturnoi kritike nemetskoyazychnykh pisatelei s XVIII veka do nastoyashchego vremeni. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2018. S. 288-293.
8. Mishin I. Dostoevskii i zarubezhnye pisateli (osnovnye problemy tvorchestva, traditsii i novatorstvo): ucheb. posobie po spetskursu. Rostov-na-Donu, 1974.
9. Podosokorskii N.N. «Napoleonovskii» Peterburg i ego otrazhenie v romane F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» // Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal. 2022. № 4 (20). S. 71-135.
10. Fridlender G. M. Dostoevskii, nemetskaya i avstriiskaya proza KhKh v. // Dostoevskii v zarubezhnykh literaturakh. L.: Nauka, 1978. S. 117-174.

The prototype in A. Varlamov's novel "The Mental Wolf"

Niu Yueqiu

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

690922, Russia, Vladivostok, Ajaxstr., 101007

 nyu.yu@dvfu.ru

Abstract. This article is devoted to the study of prototypes in the novel "The Mental Wolf", the images of which are made up of both fictional and real characters. The author brought them out under other names, but the prototypes are easy to guess: Pavel Matveyevich Legkobytov is Mikhail Mikhailovich Prishvin, Alexander Stepanovich Savely Krud is Green, and Grigory Yefimovich Rasputin is a "peasant/elder/wanderer". The intertextual connections between the biographies of the prototypes and the novel demonstrate the author's intention to recreate the reality that he could not depict within the framework of a documentary biographical narrative. The reader and researcher are given a unique opportunity to observe how artistic reality is born on the basis of the life material of historical figures, refracted in the author's mind. The author himself has repeatedly given the key to understanding the novel's intent in his interviews, saying that he was able to express through fictional characters what he did not express in the biographies of the prototypes. The following research methods are used in the article: comparative, hermeneutical, comparative-typological, descriptive. With the help of a systematic approach, an analytical study of the prototypes in the novel is provided. Despite the coincidence of the factual material, Varlamov establishes a distance between the characters depicted in the novel and their prototypes, gives them new names, places them in slightly different event contexts. Thus, an artistic world is created on the interweaving of fiction and real events. Relevance is seen in addressing one of the key problems of literary criticism based on the material of the work of a modern author. It is the biographies of prototypes that become the core on which fictional events are strung and which determines the storylines of fictional characters. By virtue of the above, biography is neither a framework component nor an autonomous genre, but it becomes a kind of paradigm for the plot structure of the novel. And already in this paradigm, each of the characters is free to express their ideas, to argue about the present and future of Russia, to observe the era of historical social upheavals and wars.

Keywords: Alexander Green, Savely Krud, Easy-going, Prishvin, real events, fiction, The prototype, biography, guy, Rasputin

References (transliterated)

- Varlamov A. N. Aleksandr Grin. M.: Molodaya gvardiya, 2005. 450 s. URL: Aleksandr Grin-Khudozhestvennaya literatura (azbyka.ru) (data obrashcheniya: 18.04.24).
- Varlamov A. N. «Bez Rasputina nevozmozhno ob'yasnit' russkuyu istoriyu» // Afisha Vozdukh. Moskva. 2014. 30 iyunya. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/bez-rasputina-nevozmozhno-obyasnit-russkuyu-istoriyu/> (Data obrashcheniya: 06.06.2024)
- Varlamov A. N. Myslennyi volk: roman. Moskva: Izd-vo AST, 2022. 508 c.
- Varlamov A. N. Prishvin. «VEBKNIKA», 2021. Zhizn' zamechatel'nykh lyudei (Molodaya gvardiya). 357 s.

5. Varlamov A. N. Prishvin, ili Genii zhizni. Biograficheskoe povestvovanie // Oktyabr', 2002, № 1-2. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/1/var.html> (Data obrashcheniya: 21.01.2024).
6. Garipova G. T. Printsiy miromodelirovaniya v russkoi proze KhKh veka (neklassicheskaya paradigma khudozhestvennosti): dis. ... d. filol. n. Vladimir. 2021. 612 s.
7. Erkina V. I. Obrazy poetov «Serebryanogo» veka v romane A. Varlamova «Myslennyi volk» i ikh kharakteristika v kontekste nitssheanskoi filosofii // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2019. № 2(75). S. 357-358.
8. Klabukova Yu. V. Istoricheskoe proshloe Rossii v khudozhestvenno-filosofskom osmyslenii A. Varlamova v romane «Myslennyi volk» // Uspekhi sovremennoi nauki. 2016. T. 3, № 5. S. 82-85.
9. Krotova D. V. Obraz revolyutsii v romane A.N. Varlamova «Myslennyi volk» // Literatura i revolyutsiya vek dvadtsatyi. Moskva : LITFAKT, 2018. S. 159-167.
10. Latynina A. Kto upravlyaet istoriei? Zametki o romane Alekseya Varlamova «Myslennyi volk» // Novyi mir. 2014. № 9. S. 180-188.
11. Maglii A. D. Oglyanuvshis' v budushchee. Besedu vela A. Maglii // Voprosy literatury. 2016. № 5. C. 114-138.
12. Meskin V. A. «Myslennyi volk» Alekseya Varlamova kak opyt simvolistskogo romana // Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2017. № 1. S. 55-65.
13. Soldatkina Ya. V. Tvorcheskoe nasledie A.P. Platonova i semantiko-esteticheskie poiskiv sovremennoi russkoi proze (A. N. Varlamov «Myslennyi volk», A. V. Ivanov «Nenast'e») // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2016. № 1. S. 45-54.
14. Khodasevich V. Konets Renaty // Bryusov V. Ognennyi angel. SPb.: Severo-Zapad. 1993. S. 21.
15. Shpachekova Z. S Alekseem Varlamovym ne tol'ko o russkoi literature... // Russkii yazyk v tsentre Evropy. Assotsiatsiya rusistov Slovakii. Bratislava. 2021. S. 41-51.
16. 李勇.普里什文作品中的生态文学思想及其浪漫主义气质[J].江苏社会科学, 2013,(04):149-154.-Li Yun. Ekologicheskaya literaturnaya mysli' i romanticheskii temperament v proizvedeniakh Prishvina. Sotsial'nye nauki provintsii Tszyansu, 2013, (№ 04): 149-154.

The phenomenon of political correctness in English and Uzbek languages

Alimov Timur Ermekovich □

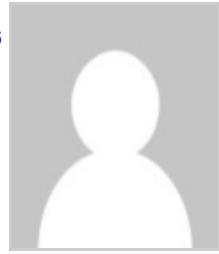
Postgraduate student, Department of Foreign Languages, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ alimovcom@mail.ru

Van Guanfu

Postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. The object of the research work is the phenomenon of political correctness in Uzbek linguistic culture through the prism of the English language. Considering the large number of linguistic means of explication, namely euphemistic substitutes, which are the result of the expression of political correctness and the subject of this study. The purpose of the research work is to reveal the phenomenon of political correctness in modern English and Uzbek languages, in particular the linguistic aspect of this phenomenon. The scientific novelty of the research work is determined by the fact that it is the first attempt to comprehensively consider the functioning of politically correct vocabulary not only in English, but also in the Uzbek language. Since many works are devoted specifically to political correctness in the English language, examples in Uzbek discourse are usually given in insufficient quantities so that one can judge the role of political correctness in Uzbek linguistic culture. The results of the research work revealed the sociocultural and linguistic aspects of political correctness, revealing new trends in the English language and social practices that meet the requirements of inclusive communication. It is shown that in Uzbekistan this concept is developing in its own ways, but its dynamics and linguistic embodiment are under strong Western influence. The difficulties of politically correct intercultural communication are revealed, which, to varying degrees of prevalence in the English and Uzbek languages, depends on different cultural values, religious beliefs, value orientations, and socio-economic situation.

Keywords: Western world, Politically correct euphemisms, Theory of political correctness, Euphemism, Linguistic picture of the world, Language code, Political correctness, Eastern mentality, Intercultural communication, Political discourse

References (transliterated)

1. Bell R. T. Sotsiolingvistika. Tseli, metody i problemy. – Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 318 s.
2. Vezhbitskaya A. Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. – 272 s.
3. Ionin L. Politkorrektnost': divnyi novyi mir // L. Ionin. Moskva: Ad Marginem Press, 2012. – 112 s.
4. Lalayants L. A. Osobennosti sovremennoogo politicheskogo protsessa v Respublike Uzbekistan // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. – 2013. – №. 13. – S. 23-25.
5. Leontovich O. A. Politicheskaya korrektnost', inklyuzivnyi yazyk i svoboda slova: dinamika ponyatii // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – T. 25. – №. 1. – S. 194-220.
6. Maiba V.V. Politicheskaya korrektnost' kak lingvoideologicheskoe yavlenie i ee retseptsiya v russkoi lingvokul'ture. Rostov-na-Donu: RGUPS, 2016. – 107 s.
7. Mel'nikov M. V. i dr. Politkorrektnost' v angliiskom yazyke i aktual'nost' ee izucheniya v vuze // Filologicheskie nauki v MGIMO. – 2019. – T. 2. – №. 14. – S. 127-134.
8. Moskvin V.P. Evfemizmy v leksicheskoi sisteme sovremennoogo russkogo yazyka. 2-e izd-e. Moskva: LENAND, 2007. – 264 s.

9. Palazhchenko M. Yu. Politicheskaya korrektnost' v yazykovoi i kul'turnoi traditsii (na angliiskom i russkom materiale): dis. ... kand. kul'turol. nauk. – Moskva, 2004. – 239 c.
10. Panin V. V. Politicheskaya korrektnost' kak kul'turno-povedencheskaya i yazykovaya kategoriya : dis. kand. fil. nauk: 10.02.20. – Tyumen', 2004. – 217 s.
11. Popova Z.D., Sternin I.A. Obshchee yazykoznanie: uchebnoe posobie. 2-e izd-e, pererab. i dop. Moskva: Vostok-Zapad, 2006. – 285 s.
12. Potseluev S.P., Kurbatov A.V., Manik A.S. Politicheskaya korrektnost' kak politicheskaya tsenzura: k ironii odnogo kontsepta // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2021. № 1. S. 214–223. <http://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-1-214-223>
13. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – Moskva: Slovo, 2000. – 624 s.
14. Kharchenko E.V. Stolknovenie kul'tur v ramkakh odnoi organizatsii // Yazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Moskva: In-t yazykoznanie RAN, 2004. – S. 268–286.
15. Tsurikova L.V. Politicheskaya korrektnost' kak sotsiokul'turnyi i pragmalingvisticheskii fenomen // Esse o sotsial'noi vlasti / pod obshchey red. L.I. Grishaevoy. Voronezh. Voronezhskii gos. un-t, 2001. – S. 94–102.
16. A report from Tulane University, quoted in: John Taylor, "Are You Politically Correct?" The New York Magazine, January 21, 1991.
17. AL-FARABI. FILOSOFSKIE TRAKTATY. Alma-Ata, 1972. Available at: https://platona.net/load/knigi/jpofilosofii/i_storij_afilosofiarabskaj_a/al_farabi_filosofskietraktaty_i_972/59-1-0-1659
18. Berezow A. Political correctness prevents advancement of science // American Council of Science and Health. – 2016.
19. Bernstein R. The rising hegemony of the politically correct // New York Times. – 1990. – T. 28. – S. 1-4.
20. Bovens L., Marcoci A. The gender-neutral bathroom: a new frame and some nudges // Behavioural Public Policy. – 2023. – T. 7. – №. 1. – S. 1-24.
21. Brotman S. For Trump, being politically incorrect is now 'PC' // URL: <https://thehill.com/blogs/pundits-blog/presidential-campaign/288840-trumps-politically-correct-paradox> (accessed: 17 June, 2020). – 2016.
22. Ely R. J., Meyerson D. E., Davidson M. N. Rethinking political correctness // Harvard business review. – 2006. – T. 84. – №. 9. – S. 78.
23. Fairclough N. Political correctness': The politics of culture and language // Discourse & Society. – 2003. – T. 14. – №. 1. – S. 17-28.
24. Garcia L. Mirrors and Windows // Black Lives Matter at NYC Schools. URL: <https://blmedu.wordpress.com/2018/01/31/mirrors-and-windows-by-lalena-garcia/> (accessed: 14 July, 2020). – 2018.
25. Gastfreundschaft lässt sich nicht verordnen. Zeit Online, 03.10.2018. Available at: <https://www.zeit.de/kultur/2018-10/fluechtlinge-gastfreundschaft-identitaerephilosophie-essay> (accessed 06.09.2023).
26. Gibson C. How 'politically correct' went from compliment to insult // The Washington Post. – 2016. – T. 13.
27. Hughes G. Political correctness: A history of semantics and culture. – John Wiley & Sons, 2011.
28. Maher B. Bill Maher pens blistering essay on Hillary as "Charlie Brown", Trump and

- Why Bernie Sanders, socialist, can win // The Hollywood Reporter. – 2016.
29. Mast J. L. Legitimacy troubles and the performance of power in the 2016 US presidential election // American Journal of Cultural Sociology. – 2017. – Т. 5. – С. 460-480.
30. Moller D. Dilemmas of political correctness // Journal of Practical Ethics. – 2016. – Т. 4. – №. 1.
31. Neuerer D. AfD-Politiker fordert „Schutzanlagen“ gegenMigranten. Handelsblatt, 08.09.2015. Available at: <https://www.handelsblatt.com/politik/deutschland/alternative-fuer-deutschland-afd-politiker-fordert-schutzanlagen-gegenmigranten/12292864.html> (accessed 31.08.2023).
32. Sievers E. W. Uzbekistan's mahalla: from Soviet to absolutist residential community associations // Chi.-Kent J. Int'l & Comp. L. – 2002. – Т. 2. – С. 91.
33. Scalcău A. et al. The paradoxes of political correctness // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. – 2020. – Т. 15. – №. 4. – С. 53-59.
34. Schwartz H. S. Political correctness and the destruction of social order: Chronicling the rise of the pristine self. – Springer, 2016.
35. Schwarz O. Why did Trump call prayers politically correct? The coevolution of the PC notion, the authenticity ethic, and the role of the sacred in public life // Theory and Society. – 2023. – С. 1-34.
36. Weigel M. Political correctness: how the right invented a phantom enemy // The Guardian. – 2016. – Т. 30. – №. 11. – С. 2016.
37. Why Trump's War on "Political Correctness" Is Good News for Hate Speech. Vanity Fair, 09.08.2016. Available at: <https://www.vanityfair.com/news/2016/08/donald-trump-political-incorrectness> (accessed 07.09.2023)

The instrumental case of nouns through the prism of adverbialization and pronominalization

 Shigurov Viktor Vasil'evich

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

 shigurov@mail.ru

 Shigurova Tat'yana Alekseevna

Doctor of Cultural Studies

Professor; Department of Cultural Studies and Library and Information Resources; National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

 shigurova_tatyana@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the need to study the intersection zones of transposition processes in the system of parts of speech of the Russian language. The novelty of the study is due to the fact that it is the first attempt to identify the links between the stages and the limit of adverbial and pronominal transposition of nouns. The aim of the work is a comprehensive analysis of the mechanism of step-by-step transposition of instrumental case forms of nouns into the categories of attributive-quantitative and adverbial-spatial

adverbs, as well as into the categories of indefinite pronouns correlative with numerals and adverbs. The object of analysis is substantive word forms involved in the processes of adverbial and pronominal transposition, the subject of consideration is the stages and features of functional and functional-semantic adverbialization and pronominalization. To achieve the objectives, the following research methods were used: structural-semantic and lexicographic analysis, oppositional method, elements of distributional, transformational and componential analysis, linguistic experiment. It has been established that some noun word forms in the Russian language are involved in the transposition processes of adverbialization and pronominalization. The degree of their adverbial and pronominal transposition is not the same. Word forms such as "navalom", "mestamami" are subject to functional adverbialization occurring in the semantic zone of the original lexemes, and word forms such as "poryakom" are subject to functional-semantic adverbialization that violates the semantic identity of the original lexemes. It has been revealed that the grammatical or lexical-grammatical type of adverbialization of nouns can be associated with the initial or final stages of their pronominal transposition. Contexts demonstrating different stages of adverbialization and pronominalization of instrumental case forms of nouns have been determined.

Keywords: adverb, noun, pronominalization, adverbialization, transpositional grammar, Russian language, pronoun, transition zone, core, periphery

References (transliterated)

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka: monografiya. M.: Drofa, 2000. 640 s.
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
3. Bauder A.Ya. Chasti rechi – strukturno-semanticheskie klassy slov v sovremenном russkom yazyke. Tallin: Valgus, 1982. 184 s.
4. Vinogradov V.V. Russkii yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove). M.: Vyssh. shk., 1986. 640 s.
5. Vikhovanets' I. R. Chastini movi v semantiko-grammatichnomu aspekti. Kiiv: Naukova dumka, 1988. 256 s.
6. Vorotnikov Yu.L. Slovo i vremya. M.: Nauka, 2003. 168 s.
7. Grammatika russkogo yazyka: V 2 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. T. 1. 719 s.
8. Zaliznyak Anna A. Russkoe razve: ot predloga k voprositel'noi chasitse // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 4. S. 5–11.
9. Kustova G.I. Mental'nye predikaty v metatekstovykh konstruktsiyakh 2-go litsa // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2018». Vyp. 17 (24). Moskva, 2018. S. 380–390.
10. Mel'chuk I. Dve russkie leksemы: VOZ"MI [i Y-ni] i VZYat" [i Y-nut'] // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2023. № 2. S. 9–25.
11. Migirin V.N. Ocherki po teorii protsessov perekhodnosti v russkom yazyke. Bel'tsy, 1971. 198 s.
12. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 12.08.2024).
13. Norman B.Yu. Zhizn' slovoformy. M.: Flinta, 2016. 216 s.
14. Paducheva E.V. Egotsentricheskie edinitsy yazyka. 2-e izd. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2019. 440 s.

15. Pankov F.I. Polifunktional'nost' leksicheskikh edinits v ustnoi rechi (na materiale slova «eshche») // Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii. 2016. № 5. S. 434–439.
16. Peshkovskii A.M. Shkol'naya i nauchnaya grammatika. Opyt primeneniya nauchno-grammaticeskikh printsipov k shkol'noi praktike. M.; Petrograd: Gosizdat, 1923. 115 s.
17. Russkaya grammatika: V 2 t. M.: Nauka, 1980. T. 1. 783 s.
18. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: Progress, 1988. 656 s.
19. Tikhomirova T.S. Protsess adverbializatsii tvoritel'nogo padezha (na materiale pol'skogo yazyka) // Tvoritel'nyi padezh v slavyanskikh yazykakh. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. S. 313–350.
20. Uryson E.V. Sintaksicheskaya derivatsiya i «naivnaya» kartina mira // Voprosy yazykoznanija. 1996. № 4. S. 25–38.
21. Shvedova N.Yu. Mestoimenie i smysl. Klass russkikh mestoimenii i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva. M.: Azbukovnik, 1998. 176 s.
22. Shigurov V.V. Mestoimenno-chislitel'nyi tip upotrebleniya glagolov: leksika i grammatika // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2002. T. 61. № 2. S. 34–43.
23. Shigurov V.V. Narechnye slova-komandy v kontekste inter'ektivatsii i verbalizatsii // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2007. T. 79. № 4. S. 23–34.
24. Shigurov V.V. Pronominalizatsiya kak tip stupenchatoi transpozitsii yazykovykh edinits v sisteme chastei rechi: teoriya transpozitsionnoi grammatiki russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. i dop. M.: INFRA-M, 2015. 160 s.
25. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Modalyatsiya deeprichastnykh form glagolov v russkom yazyke: forma, prichina, predposylki // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 2-26. S. 5972–5976.
26. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. T. 3. № 1. Pp. 13–26.
27. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch. Tu“bingen. 1982. 241 p.
28. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
29. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modalates Zone Sorrelative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. T. 97. № 25. S. 177–191.

Instrumental case of nouns in contexts of adverbialization, modulation and particulation

Shigurov Viktor Vasil'evich □

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University

430010, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Serova str., 3, sq. 12

✉ shigurov@mail.ru

Shigurova Tat'yana Alekseevna □

Abstract. The relevance of the research topic is due to the fact that linguistic units of different parts of speech and inter-part-of-speech semantic-syntactic categories closely interact with each other, forming numerous transition zones with peripheral and hybrid structures that allow for a brief but capacious transmission of complex information. The mechanism of linguistic transposition, the nature of which is not entirely clear, is a means of creating syncretic forms. The purpose of the work is to describe the features of the interaction of adverbialization, modalization and particulation processes in the structure of instrumental case forms of nouns. The object of analysis is word forms that are to some extent subject to transposition into adverbs, particles and introductory-modal words, the subject of consideration is the stages, features and limit of their adverbialization, modalization and particulation. The novelty of the work is determined by the methodology of oppositional analysis of grammatically contradictory material. The study is based on structural-semantic, lexicographic, comparative methods, linguistic experiment, elements of distributional and component analysis. The study showed that some forms of the instrumental case of nouns are involved in the processes of adverbialization, modalization and particulation in the Russian language. The main features, stages and limits of their categorical transformation are shown. A distinction is made between the grammatical type of transposition of linguistic units from the class of nouns into adverbs and introductory-modal words and the lexical-grammatical type associated with word formation. Criteria for distinguishing part-of-speech homonyms arising during adverbialization, modalization and particulation of forms of the instrumental case of nouns are outlined.

Keywords: particle, adverb, noun, particulation, modalation, adverbialization, transpositional grammar, Russian language, introductory-modal word, transition zone

References (transliterated)

1. Babaitseva V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka: monografiya. M.: Drofa, 2000. 640 s.
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M.: Izd-vo inostrannoi literatury, 1955. 416 s.
3. Bauder A.Ya. Chasti rechi – strukturno-semanticheskie klassy slov v sovremenном russkom yazyke. Tallin: Valgus, 1982. 184 s.
4. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingv. issled.; gl. red. K.S. Gorbachevich. M.; SPb.: Nauka, T. 2. 2005. 658 s.
5. Bol'shoi tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 s.
6. Vinogradov V.V. O grammaticeskoi omonimii v sovremennom russkom yazyke // Rus. yaz. v shk. 1940. № 1. S. 1–13.
7. Efremova T.F. Tolkovyj slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. M.: Astrel': AST, 2004. 814 s.
8. Zaliznyak Anna A. Russkoe razve: ot predloga k voprositel'noi chasitse // Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. 2020. T. 79. № 4. S. 5–11.

9. Kveselevich D.I. *Tolkovyj slovar' nenormativnoi leksiki russkogo jazyka*. M.: Astrel', AST, 2003. 1021 s.
10. Kim O.M. *Transpozitsiya na urovne chastei rechi i yavlenie omonimii v sovremennom russkom jazyke*. Tashkent: Fan, 1978. 227 s.
11. Kim O.M., Ostrovkina I.E. *Slovar' grammaticeskikh omonimov russkogo jazyka*. M.: Astrel'; AST; Ermak, 2004. 842 s.
12. Kurilovich E. *Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya* // Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike*. M., 1962. S. 57–71.
13. Mel'chuk I. *Dve russkie leksemy: VOZ"MI [i Y-ni] i VZYaT" [i Y-nut']* // *Russkii jazyk v nauchnom osveshchenii*. 2023. № 2. S. 9–25.
14. Migirin V.N. *Ocherki po teorii protsessov perekhodnosti v russkom jazyke*. Bel'tsy, 1971. 199 s.
15. Natsional'nyi korpus russkogo jazyka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 07.08.2024).
16. Ozhegov S.I, Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Rossiiskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova*. 4-e izd. dop. M.: ITI Tekhnologiya, 2006. 944 s.
17. *Slovar' russkogo jazyka: v 4-kh t. / AN SSSR. In-t rus. yaz.; pod red. A.P. Evgen'evoi; 2-e izd. ispr. i dop. M.: Russkii jazyk*, 1981. T. 1: A–I. 698 s.
18. Ten'er L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa*. M.: Progress, 1988. 656 s.
19. Uryson E.V. *Sintaksicheskaya derivatsiya i «naivnaya» kartina mira* // *Voprosy jazykoznanija*. 1996. № 4. S. 25–38.
20. Tsarev O.I. *Transpozitsionnye dreify grammaticeskikh omonimov* // *Predlozhenie i slovo*. Saratov, 1999. S. 190–196.
21. Shigurov V.V. *Mestoimenno-chislitel'nyi tip upotrebleniya glagolov: leksika i grammatika* // *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i jazyka*. 2002. T. 61. № 2. S. 34–43.
22. Shigurov V.V., Shigurova T.A. *O modalyatsii glagol'nykh infinitivov v russkom jazyke* // *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii*. 2014. № 8-3. S. 161–165.
23. Shigurov V.V., Shigurova T.A. *Modalyatsiya deeprichastnykh form glagolov v russkom jazyke: forma, prichina, predposylki* // *Fundamental'nye issledovaniya*. 2015. № 2-26. S. 5972–5976.
24. Marchand H. *Expansion, transposition and derivation* // *La Linguistique*. 1967. T. 3. № 1. Pp. 13–26.
25. Eihinger Ludwig M. *Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf-isch im heutigen Deutsch*. Tu"bingen. 1982. 241 p.
26. Stekauer P. *A theory of conversion in English*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
27. Shigurov V.V., Shigurova T.A. *Core Modalates Zone Sorrelative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language* // *Man In India*. 2017. T. 97. № 25. S. 177–191.
28. Shigurov V.V., Shigurova T.A. *Functional Modulates Derived From Short Adjectives and Predicates in the Russian Language* // *Opción*. 2019. T. 35. № 20. S. 1108–1123.

On the issue of using the features of the Chinese-language media discourse in teaching Chinese

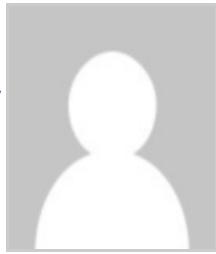

Fomenko Evgenii

Senior Educator, Department of Chinese Language, Moscow City Pedagogical University

127238, Russia, Msoow, Dmitrovskoe highway, 34, building 2, office 204

 folaoshe@mail.ru

Popova Anastasiia

Senior Educator, Department of Chinese Language, Mscow City Pedagogical University

105064, Russia, g. Mscow, per. Maly Kazennyi, 5-B, of. 507

 anysta@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in this article is the peculiarities of the discourse of Chinese-language media in East and Southeast Asia. The authors pay close attention to identifying linguistic tools used in them as part of the editorial board's targeted strategy, as well as the possibilities of using texts of this kind in the development of communicative competence when teaching interpretation and translation in a pair of Chinese – Russian languages. The source of materials for the study was the Internet news portals of a number of leading newspapers in mainland China, Hong Kong SAR, Philippines, Malaysia and Indonesia. The subject of the study is the discourse of texts on the Palestinian-Israeli conflict. The possibility of comparing texts posted on various media platforms was provided by the unity of the subject and the synchronicity of publication (October–November 2023). The following methods were used in the study: typological analysis in the selection of specific media, the study of selected articles using contextual and comparative analysis, linguodidactic analysis to determine the potential of using the type of texts under study as educational material. The authors solved the following tasks: criteria for the selection of Chinese-language media and news articles were developed, an analysis of the structure, vocabulary, grammar, and means of artistic expression of texts of Chinese-language media in the Asian region was carried out, patterns determining the features of the discourse of articles of a particular media were identified; targeted strategies of selected media resources in the representation of news publications were described; a conclusion was given on the possibility of using materials from Chinese-language media of Asian countries in the process of teaching translation from Chinese to students of various specializations, including linguistics, regional studies, Oriental studies. The relevance of this study is due to the need to expand the linguistic and regional horizons of future Sinologists in the context of the intensification of relations between Russia and China, as well as the countries of Southeast Asia. The authors did not find any works comparing the linguistic techniques of the discourse of Chinese-speaking media resources in China and Southeast Asian countries, as well as considering the possibility of using texts of this kind in teaching Chinese. This study is intended to partially fill this gap in sinological linguodidactics.

Keywords: translation studies, Southeast Asia, Chinese language, linguodidactic analysis, journalistic style, Chinese-language media, teaching methods, media discourse, pedagogical linguistics, regional studies

References (transliterated)

1. Tareva E. G., Vikulova L. G., Makarova I. V. Innovatsionnoe modelirovanie keisov po

- mezhkul'turnoi kommunikatsii // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2018. № 4(45). S. 398-404. URL: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2018.45.405>.
2. Plotnikova S. N. Diskursivnye tekhnologii i diskursivnoe oruzhie kak realii sovremennoi informatsionnoi epokhi // Tekhnologizatsiya diskursa v sovremennom obshchestve. Pod red. Plotnikovoi S. N. Irkutsk: IGLU, 2011. S. 6-44.
 3. Kaverzina A. V., Chernyshov M. Yu. Podkhod k issledovaniyu diskursa, svyazannogo s izdatel'skoi deyatel'nost'yu. Opisanie sistemy kharakteristik diskursivnykh otnoshenii // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. № 1(22). S. 198-205.
 4. 彭伟步. 东南亚华文传媒的媒介功能与前瞻 // 东南亚研究. 2002年. 第3期. 46-50页.
 5. 梅艳. 海外华文媒体研究 // 西部广播电视台. 2016年. 第15期. 67-68页.
doi:CNKI:SUN:XBGS.0.2016-15-048
 6. Sun Wanning. Chinese-language Media in Australia: Developments, Challenges and Opportunities. Ultimo: Australia-China Relations Institute (ACRI), 2016. 70 r.
 7. Alvaro, J. Analysing China's English-language media // World Englishes. 2015. 34(2). S. 260-277. doi: 10.1111/weng.12137.
 8. Tareva E. G. Mezhkul'turnyi podkhod k podgotovke sovremennykh lingvistov // Mezhkul'turnoe mnogoyazychnoe obrazovanie kak faktor sotsial'nykh transformatsii: stanovlenie i razvitiye nauchnoi shkoly : sbornik nauchnykh statei. M.: OOO «Yazyki Narodov Mira», 2021. S. 34-44.
 9. Gorelov V. I. Stilistika sovremennoj kitajskoj jazyka. M.: Prosveshchenie; 1979. 192 s.
 10. Nikitina T. N. Grammatika kitajskogo publitsisticheskogo teksta. S-Pb.: KARO, 2007. 222 s.
 11. Fomin A. G., Trofimova E. S. Otsenochnaya leksika v prezentatsii voenno-politicheskikh konfliktov v kitajskikh SMI // Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, jazyk. 2022. № 2. S. 77-90. URL: https://doi.org/10.51955/23121327_2022_2_77
 12. Lobanova T. N. Mediynye teksty KNR po vneshnepoliticheskoi tematike kak ob"ekt lingvisticheskogo analiza. Uchenye zametki TOGU. 2014. № 5 (4). S. 714-724.
 13. Lai, L. Yazykovye aspekyt formirovaniya imidzha Rossii v kitajskikh SMI // Gumanitarnyi vektor. 2018. № 13(1). S. 130-135.
 14. Koshkarova N.N., Mukushev I.O. Obraz Rossii v kitajskikh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2021. № 3 (87). S. 87-100. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_08.
 15. Gao Iven'. Sovremennyi obraz SShA i Rossii v kitajskikh media // MNKO. 2022. № 3(94). S. 351-353. URL: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-394-351-353>.
 16. Muzykant V. L., Khu Zhutsi. Osobennosti osveshcheniya kitajskimi media spetsial'noi voennoi operatsii (SVO) na Ukraine // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2024. № 1. S. 52-68. URL: [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13\(1\).52-68](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(1).52-68)
 17. Li Chendzhi, Voloboeva Yu. K., Gorbachev M. V. Imidzh V. V. Putina v diskursivnom prostranstve kitajskikh SMI kak faktor realizatsii sovmestnykh politiko-ekonomiceskikh proektor // Vestnik SGYuA. 2016. № 1(108). S. 231-234.
 18. Danilova A. G., Mitina O. V. Komp'yuterizirovannyi kachestvennyi analiz teksta // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psichologiya. 2021. № 1. S. 220-240. URL: <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.09>.
 19. Grigor'eva E. Ya., Cherkashina E. I. Realizatsiya lingvokul'turologicheskogo podkhoda k prepodavaniyu romanskikh jazykov v sisteme podgotovki magistratury // Rhema.

- Rema. 2019. № 3. S. 133-147. URL: <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2019-3-133-147>.
20. Sarna A.Ya. Diskurs-analiz // Gumanitarnaya entsiklopediya: Kontsepty. Tsentr gumanitarnykh tekhnologii. Pod red. A.V. Ageeva. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7232>. Ssylka aktivna na 11.07.2024.
21. Kurlantzick, J. Beijing's Global Media Offensive: China's Uneven Campaign to Influence Asia and the World. New York: Oxford University Press, 2023.
22. Suryadinata L. The orientation of Chinese newspapers in Indonesia as China rises. – Singapore: ISEAS Publishing; 2023.
23. 范佳宁. 东南亚地区华文媒体发展特点与转型探索 // 声屏世界 2021/3 下. 106-108页. doi:10.3969/j.issn.1006-3366.2021.06.047
24. «Dao De Tszin», glava 74. Laotszy. Obresti sebya v Dao / Sost., avt. predisl., perevod, komment. I. I. Semenenko. M.: Respublika, 1999. 445 s.
25. 玄怪录. 续玄怪录 / [唐] 牛僧孺, 李复言撰; 姜云、宋平校注. 上海: 上海古籍出版社, 1985.

The poetics of paired texts in the lyrics of Yu. V. Zhadovskaya

Zenevich Ekaterina Vasilievna □

Head of the Editorial Office, Postgraduate (Pushkin Institute of the Russian Language); Institute of Theoretical and Applied Electrodynamics of the Russian Academy of Sciences

125412, Russia, Moscow, Izhorskaya str., 13, p. 6

✉ pasek1980@mail.ru

Abstract. One of the characteristic features of Julia Zhadovskaya's poetry (1824–1883) is the abundance of repetitions: each theme is repeated several times, while retaining all its main distinctive features. Such a feature of Zhadovskaya's creative method as double thematic repetition is revealed: some poems form semantic pairs. The published and unpublished poems of Yu.V. Zhadovskaya served as the material for the study. The following methods were used to conduct the research: the method of historical and philological analysis (in identifying the historical context in lyrical works), the comparative method (in determining the structural, formal and other features of poems included in the lyrical microcycle), as well as the method of complex text analysis. In the research we study about Zhadovskaya's work, the phenomenon of the existence of paired texts has not been considered previously. The scientific novelty of the research lies in the identification of "paired" texts and the creation of a typological classification of lyrical pairs. We decided to combine texts into pairs based on the following features: the identity of titles according to synonymous and antonymous principles, variations of a common theme, intertextual dialogue. In conclusion, the author made the point that Zhadovskaya's paired poetic texts express a single figurative system, complementing and strengthening it. Microcycles consisting of plot analogies, thematic repetitions and parallels are of particular interest not only as a way of expressing the author's view of the world, but also as a way of organizing the reader's perception. And the cyclization in Zhadovskaya's lyrics deserves attention as a natural phenomenon of the development of lyrical cyclization in the literary process of the second third of the XIX century.

Keywords: microcycle, thematic repetitions, paired texts, The lyrical cycle, intertextuality, the author's context, poetics, the author's picture of the world, The lyrical plot, women's lyrics

References (transliterated)

1. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. –

- S. 450.
2. Trushina E.A. Lirika Yu.V. Zhadovskoi (mirovidenie i poetika): dic. ... kand. filol. nauk / E.A. Trushina; Penzenskii gos. pedagogich. un-t. im. V.G. Belinskogo. Penza, 2004. – 253 s.
 3. Afanas'eva E.M. Molitvennaya lirika russkikh poetov. M.: Izdatel'skii Dom YaSK, 2021. – S. 225-245.
 4. Pumpyanskii L.V. Poeziya F.I. Tyutcheva // Pumpyanskii L.V. Uraniya. Tyutchevskii al'manakh. 1803–1928. L.: B.i., 1928. – C. 16.
 5. Stikhotvoreniya Yulii Zhadovskoi. SPb.: Tipogr. E. Pratsa, 1858. – 142 s.
 6. Miroshnikova O. V. Liricheskaya kniga: arkitektonika i poetika (na materiale poezii poslednei treti XIX V.). Omsk: OmGU, 2002. – 140 s.
 7. Stikhotvoreniya Yulii Zhadovskoi. SPb.: Tipogr. E. Pratsa, 1846. – 64 s.
 8. Darvin M.N. Poeticheskii mir liricheskogo tsikla: Avtor i tekst. M.: RGGU, 2018. – 288 s.
 9. Khalizev V.E. Teoriya literatury. M.: Vysshaya shkola, 2002. – 438 s.
 10. Blagovo V.A. Poeziya i lichnost' Yu.V. Zhadovskoi. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1981. – 158 s.
 11. Vroon R. Eshche raz o ponyatiu «liricheskii tsikl» // Iskusstvo poetiki – iskusstvo poezii. K 70-letiyu I. V. Fomenko: Sb. nauch. tr. Tver': Liliya Print, 2007. – S. 5-38.
 12. Sapogov V.A. Syuzhet v liricheskem tsikle // Syuzhetoslozhenie v russkoi literature. Daugavpils: B.i., 1980. – S. 90.
 13. Fomenko I. V. Liricheskii tsikl: stanovlenie zhanra, poetika. Tver': Tver. gos. un-t, 1992. 123 s.
 14. Zhadovskaya Yu.V. Stikhotvoreniya. RGALI. f. 638. op. 1. e.kh. 1. l. 1-90.
 15. Zhukovskii V. A. Golos s togo sveta: («Ne uznavai, kuda ya put' sklonila...») // Zhukovskii V. A. Sobranie sochinenii: V 4 t. M.; L.: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1959. T. 1. – S. 265.
 16. Lermontov M. Yu. Lyubov' mertvetsa ("Puskai kholodnoyu zemleyu...") // Lermontov M. Yu. Sochineniya: V 6 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. T. 2. – S. 180-181.